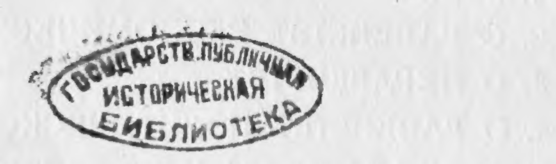
Братья Гордины.

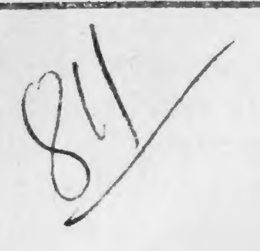
Творите анархію!

РѢЧИ АНАРХИСТА.

Изданіе Перваго Центральнаго Соціотехникума.
Временный техникумъ агитаціи и пропаганды.
1919.

Рѣчи Анархиста.

Рѣчь первая.

1.

Товарищи!

— Кто не хвалитъ Ломоносова?

— Всѣ!

— Кто его читалъ?

— Никто!

— Кто не ругаетъ анархистовъ? —

— Всѣ!

— Кто ихъ читалъ?

— Никто!

Насъ всѣ ругаютъ, всѣ порицаютъ, всѣ чернятъ, всѣ клеймятъ. Но нечего грѣха таить, 99% нашихъ противниковъ являются противниками только потому, что они насъ не знаютъ, насъ не изучали, не слушали нашей проповѣди, не слушали нашего Слова, нашего Великаго Слова, Новаго слова, слова Правды и Справедливости.

Мы варвары здѣсь, потому что никто насъ здѣсь не знаетъ.

* *
*

ХРОМОВКА.

Сказываютъ:

— Гдѣ-то за высокими горами, за дремучими лѣсами есть большой большой городъ, А городу тому имя Хромовка. И въ городѣ томъ живутъ одни хромые: рождаются хромыми и помираютъ хромыми. Тамъ всѣ хромаютъ: бабушки, дѣдушки, отцы, матери и даже дѣти. Хромали испоконъ-вѣковъ, хромаютъ и понынѣ. И всѣ тамъ на костыляхъ. И все тамъ на костыляхъ. Сами хромаютъ и Бога своего они себѣ хромымъ изображаютъ. Кто болѣе другого хромаетъ, тотъ и въ большемъ почетѣ бываетъ. А кто совсѣмъ безъ ногъ, — тотъ надъ ними царь.

Какъ-то разъ, случайно, забрелъ въ тотъ городъ странникъ. И былъ тотъ странникъ человѣкъ здоровый изъ нашихъ краевъ, человѣкъ о двухъ ногахъ.

Какъ только онъ показался на площадь, на городскую площадь, такъ всѣ, вся Хромовка ахнула: О, Боже! Смотрите! У него двѣ ноги.

Старички, которые позлѣй, пожелчнѣй и пораздражительнѣй такъ на него и кинулись и замахали костылями, крича на всю Хромовку и неистово негодуя:

— Преступникъ, негодяй! Какъ ты смѣлъ явиться въ нашъ священный градъ хромыхъ. Слѣпецъ и безумецъ, смотри! тутъ всѣ хромаютъ. Мы хромаемъ, священные отцы наши хромали, и предки хромали, предки предковъ хромали, и наши боги хромаютъ, и дѣти наши хромать будутъ. Съ начала временъ до конца дней нашъ родъ хромалъ и хромать будетъ. А ты, ничтожный, дерзновенный, смѣешь ходить прямо, не хромая, не ковыляя, не переваливаясь со стороны на сторону и безъ костыля!

Ты ходишь прямо.—Ты идешь противъ насъ, противъ нашихъ традицій и вѣрованій. Ты врагъ народа, ты врагъ общества, ты врагъ человѣчества, ты врагъ боговъ нашихъ,

— Убить его! — послышались одни голоса.

— Изгнать его! — раздались другіе голоса.

— Подсѣчь ему одну ногу!—перекричалъ всѣхъ басистый голосъ усѣяннаго сѣдинами старичка, чья грудь была увѣшана знаками отличія, орденами и медалями, на которыхъ были изображены хромые цари.

А кто былъ посердобольнѣй, пожалостливѣй, не сердчалъ, не угрожалъ, а лишь сочувственно покачивая головой, приговаривалъ:

— Вотъ уродъ! Вотъ несчастный человѣкъ! Какъ его намъ жалко! За что его Богъ такъ жестоко наказалъ! Калѣка! Несчастный калѣка!

— Ногу оперировать надо!—глубкомысленно рѣшили хромые хирурги.

А дѣти тѣмъ временемъ окружили его тѣснымъ кольцомъ. Диву давались. Отъ роду ничего подобнаго не видывали.

— Гришка, смотри, у него двѣ ноги.

— Сашка, онъ безъ костыля.

— Знаешь, Петя! Я ему подарю свой костыль, у меня ихъ два.

— Не дари! Онъ этого недостоинъ. У него двѣ ноги. Онъ врагъ нашъ.

— А мнѣ его жалко. Такъ жалко...

А странникъ нашъ сначала было недоумѣвалъ: что тутъ такое творится! А послѣ пришелъ въ себя и сталъ думать: вотъ-де несчастный народъ! Онъ хотѣлъ было сказать этимъ калѣкамъ, что они калѣки, что есть на свѣтѣ много другихъ людей, которые ходятъ безъ костылей, но ему говорить не давали. Наконецъ онъ собрался съ духомъ и крикнулъ на весь городъ хромыхъ:

— Хромые! Вы калѣки... На свѣтѣ есть другіе люди...

Его слова покрылъ громъ шиканья и гиканья.

— Лжецъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Это гнусная клевета на человѣка, на человѣчество. Нѣтъ другихъ, не было и не будетъ другихъ людей, да и быть не могутъ.

Всѣ кинулись на него, кто костылями, кто кулаками.

Товарищи! мы, анархисты, находимся ровно въ такомъ же положенiи, какъ тотъ странникъ.

Насъ гонятъ, насъ преслѣдуетъ, насъ въ тюрьмы сажаютъ, надъ нами помахиваютъ костылями закона.

За что, про что?

За то, что мы дерзаемъ ходить прямо безъ костылей, за то, что мы смѣемъ имѣть двѣ ноги.

Вотъ какая непростительная дерзость!..

Насъ ругаютъ преступниками—потому что мы живемъ и дѣйствуемъ въ городѣ Преступленiя, въ цивилизованной „Европѣ“, гдѣ преступленiе называется закономъ, гдѣ преступленiе узаконено, гдѣ разбой есть высшая благодѣтель: долгъ передъ родиной, гдѣ воровство есть самая высшая ступень хозяйственности: капиталистическiй строй.

Насъ называютъ здѣсь калѣками, потому что кругомъ насъ одни уроды да безобразины.

— „Смотрите, вотъ анархистъ“!

Товарищи, мы въ царство тьмы пришли со словомъ свѣта, полуденнаго свѣта. Мы въ царство лжи пришли со словомъ Истины. Мы и въ царствѣ кривды проповѣдуемъ Правду. Мы въ царство произвола пришли со словомъ порядка мы въ царствѣ рабства творимъ свободу Мы въ царствѣ вѣчнаго голода требуемъ хлѣба. Мы въ царствѣ насилiя жаждемъ воли!

Вотъ въ чемъ наша преступность. Вотъ въ чемъ нашъ грѣхъ. Вотъ за что насъ поносятъ. Вотъ за что насъ преслѣдуетъ.

И кто насъ преслѣдуетъ?

Преслѣдуютъ насъ всѣ цари, царьки, князья, князьки, министры и слуги Тьмы, Лжи, Кривды!

Мы преступники!!

Не мы преступники — а они преступники!

Наши гонители — преступники!

Не мы калѣки, а они жалкiе, несчастные калѣки нравственности.

Кто таковъ преступникъ? Человѣкъ, стоящiй ниже сред-

няго уровня практической, житейской нравственности. А мы, анархисты, выше уровня современной общественной безнравственной нравственности. А „выше" вѣдь не „ниже". Кто спуталъ и смѣшалъ эти два противоположныхъ понятія?

Злостные, злонамѣренные, злоумышленные клеветники изъ боязни передъ нашимъ великимъ нравственнымъ ученіемъ.

Я себѣ рисую современное общество и хозяйство, какъ огромное, необозримое болото. Въ болотѣ „живетъ", блаженствуетъ, наслаждается, торжествуетъ богатая свинья—это современный властелинъ жизни: помѣщикъ богачъ, власть имущій; въ болотѣ завязъ, засосанъ болотомъ и пошелъ ко дну, погибъ никчемный человѣкъ, пропавшій человѣкъ, гиблый людъ, антисоціальный элементъ, — преступникъ. Надъ болотомъ, выше облака ходячаго, за предѣломъ досягаемости вонючаго, отравленнаго воздуха и гнили, которые такъ и несятся изъ болота, рѣетъ орломъ, могучимъ орломъ, жаждущимъ свѣта, солнца, простора, воли, паритъ въ небесахъ высокой, грядущей нравственности и справедливости распластавъ міръ объемлющія крылья,—высокая развитая личность, личность, возмущающаяся болотомъ, грязью, гнилью, плѣсенью, желающая все это изсушить, оздоровить, освѣжить— это анархистъ.

Насъ преслѣдуетъ. Но кого зло не преслѣдовало?

Всѣ спасители были распяты. Всѣ пророки были поруганы. Всѣ великіе борцы за правду, за истину и нравственную красоту были преслѣдуемы. Всѣхъ гнали — и насъ гонятъ. Насъ преслѣдуютъ во имя закона. Намъ выносятъ приговоры. Мы судимы — хотя мы не судимъ.

Насъ преслѣдуютъ. За что? Про что?

Общество, власть имущіе, разсуждаетъ въ данномъ отношеніи, какъ андреевская героиня:

Не хорошо быть хорошимъ среди нехорошихъ, среди злыхъ, худыхъ людей.

Грѣшно быть безгрѣшнымъ среди грѣшниковъ!

Порочно быть безпорочнымъ среди порочныхъ и преступныхъ.

Преступно быть чистымъ среди развращенныхъ.

Преступно быть противъ преступленія!

Преступно бороться противъ преступленія.

Изреченіе древняго мудреца гласитъ: „кто поноситъ, собственнымъ порокомъ поноситъ“.

Насъ клеймитъ преступниками преступное общество, общество, основанное на грабежѣ, на воровствѣ, на эксплуатаціи, на выжиманіи послѣднихъ соковъ изъ народа, изъ трудящихся, общество, строящее благополучіе и благоденствіе кучки, ничтожной кучки людей на несчастьи большинства, на гибели всѣхъ людей, общество, основывающее удовольствіе ничтожнаго меньшинства нравственныхъ отбросовъ на страданіяхъ и лишеніяхъ всего народа, всего трудового люда. Общество, гдѣ одни жирѣютъ толстѣютъ отъ обжорства, отъ переѣданія, а другіе пухнутъ съ голоду; общество, гдѣ одни нагуливаютъ себѣ жиру и помираютъ отъ „ожирѣнія сердца“, а другіе помираютъ съ голоду. Общество, гдѣ у грабителей, властителей, враговъ народа есть дворцы, виллы, а у друзей народа, у сыновъ народа нѣтъ крова, нѣтъ пристанища, и занимаютъ они „койки“ или „углы“.

У лисицы, у хитрицы, у лжеца, у обманщика — спекулянта есть „нора“, золоченная нора, окруженная садами, парками — особнякъ, дворецъ.

А сыну человѣческому, сыну изъ народа, честному, благородному труженику негдѣ и голову преклонить.

И намъ, борцамъ, непримиримымъ борцамъ противъ преступленія, противъ кривды, бросаетъ это общество, эта кучка скорпіоновъ, эта шайка грабителей-воровъ, это сборище властелиновъ-злодѣевъ, насильниковъ — бросаетъ обвиненіе въ преступности.

„Держи вора“! кричитъ воръ, пускаясь во всѣ лопатки и этимъ отводя вниманіе отъ себя,

„Держи преступника-анархиста! — кричитъ, запыхавшись, начальствующій насильникъ.

Не могу здѣсь не привести стихотвореніе Лермонтова великаго, проникновеннаго поэта, „Пророкъ“.

Провозглашать я сталъ Любви
И правды чистыя ученья.
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья...

. . . .

. . . .

Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ и худъ и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!

Каждый истый анархистъ есть пророкъ.

Пророкъ новой правды, новой истины и новой общественности, новаго уклада и перестроя.

Каждый анархистъ есть пророкъ любви и ненависти, любви къ страждущему человѣку и человѣчеству, ненависти ко злу, къ рабству, къ насилію, къ богатству.

Каждый анархисть есть пророкъ равенства и свободы.

Насъ преслѣдуютъ. Мы дѣлимъ участь всѣхъ пророковъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ: мы презираемы, гонимы, оклеветаны, оплеваны.

Товарищи! Кто плюетъ въ небо, тому плевокъ въ лицо, ибо небо слишкомъ высоко, чтобы плевкомъ его достать.

А мы анархисты, люди съ чистой душой, какъ лазурь небесъ, съ душой высокой, возвышенной, какъ эта безконечная высь, слишкомъ мы чисты, слишкомъ возвышены, слишкомъ недостижимы нравственно, чтобы эта гнусная грязная клевета, чтобы эти преступныя оплевыванія „привилегированныхъ преступниковъ“ насъ достигли.

Мы гонимы въ современномъ, гнусномъ, преступномъ, злодѣйскомъ обществѣ, но это наша гордость, наша честь и слава.

Мы мученики великой идеи, великой правды.

Насъ прозываютъ преступниками, потому что мы единственные честные люди здѣсь.

Рѣчь вторая.

РАВЕНСТВО.

„Каждый анархистъ есть
апостолъ Равенства".

Товарищи!

Вы спрашиваете: въ чемъ наше ученіе?

Наше ученіе—простое, всѣмъ понятное, всѣмъ доступное, элементарное и „народное" общественопониманіе.

Истина всегда была проста, ясна, и таковой и останется на будущее.

Все то, что сложно—ложно.

Не даромъ эти два слова такъ созвучны.

Все что лукаво — отъ лукаваго.

Если мы захотимъ выразить все наше ученіе краткой, до предѣла возможности, укороченной и упрощенной формулой, то пожалуй не найдется для этой цѣли болѣе подходящей формулы, чѣмъ однословная формула: равенство.

Итакъ, мы выразимъ для вящщей ясности и простоты все наше ученіе однимъ словомъ, Равенствомъ.

Ученіе наше утверждаетъ равенство всѣхъ и каждаго.

Извѣстный дипломатъ сказалъ, что слова существуютъ для того, чтобы ими прикрывать свои мысли.

Знаете ли вы, что такое дипломатъ?

Дипломатъ это, просто говоря, по-иностранному, шулеръ, жуликъ. Есть разнаго рода шулеры, есть разнаго рода жулье. Дипломатъ это жуликъ самаго худшаго пошиба, это шулеръ первой марки, первой руки.

Дипломатъ это мошенникъ, который обманываетъ цѣлые народы. И все это дѣлается обыкновенно словомъ, посуломъ. И потому у нихъ, у дипломатовъ, слово служитъ не для того, чтобъ имъ выразить свою мысль, а наоборотъ, чтобы имъ прикрыть, затаить свои мысли.

Мы же не собираемся васъ обманывать, обмошенничать, а правду говорить, правду сказать, говорить откровенно, чистосердечно, развить передъ вами наше правдивое и справедливое ученіе. И мы воспользуемся словомъ не для того чтобы имъ замаскировать, спрятать подъ нимъ свои мысли, а чтобы имъ облекать свои мысли, дать этимъ дѣтищамъ духа плоть и кровь, дать этимъ субъективнымъ существамъ объективное существованіе, бытье, словесное выявленіе, выраженіе.

Слѣдовательно, мы въ это слово Равенство не то что влагаемъ мысль, мы вложимъ туда полный объемъ мысли, мы вкладываемъ туда мысль совершенную, развитую, раскрытую до предѣла своей послѣдовательности.

Товарищи! вамъ, можетъ, покажется страннымъ, что я вдругъ ни съ того ни съ сего заговорилъ о „дипломатѣ“.

Какое, дескать, отношеніе имѣетъ къ намъ злополучный дипломатъ. Вѣдь мы не о международной политикѣ собираемся здѣсь говорить.

Вѣрно.

Но, товарищи, есть дипломаты и есть дипломаты. Есть народы и есть народы.

Кто-то сказалъ: существуютъ только два народа: буржуазія и пролетаріатъ. И это очень мѣтко сказано. Я бы этотъ афоризмъ переложилъ и сказалъ: существуютъ два народа:

Обиженный и обидчикъ, угнетенный и угнетатель, эксплоатируемый и эксплоататоръ, бѣдный и богатый труженикъ и бездѣльникъ, подчиненный и власть имущій.

И эти народы имѣютъ также свою „международную“ (т.-е. классовую) политику, и эта международная политика создала особаго типа дипломата, идеолога буржуазіи.

И дипломатъ господствующаго класса, какъ каждый дипломатъ, въ той же степени и, можетъ, въ большей степени, обманываетъ народъ, и этотъ обманъ происходитъ, реализуется, главнымъ образомъ, посредствомъ словъ, красивыхъ словъ, великихъ, многообѣщающихъ словъ. И потому и наши „доморощенные“, классовые дипломаты, которые ведутъ переговоры о перемиріи или мирѣ, или объ установленіи отношеній съ „внутреннимъ врагомъ“, котораго они трактуютъ, съ которомъ они обходятся не менѣе жестоко, чѣмъ съ внѣшнимъ врагомъ, пользуются словомъ не для того, чтобы имъ что-нибудь сказать, а для того, чтобъ только говорить, чтобъ понаобѣщать чтобъ посулить, т.-е. играютъ словами, которыми они тщательно прикрываютъ срамоту и наготу своихъ преступныхъ мыслей и вожделѣній, злодѣйскихъ намѣреній и предосудительныхъ заданій, однимъ словомъ, швыряютъ пустыя слова, въ которыя они ничего не влагаютъ, или влагаютъ такое содержаніе, которое явно или скрыто, цѣликомъ или частично противорѣчитъ простому, здоровому смыслу даннаго, пущеннаго въ ходъ, слова.

Равенство!!

Что можетъ быть возвышеннѣй этого великаго слова.

Это одно изъ тѣхъ словъ, которыя призваны творить новый міръ, новую жизнь, новаго человѣка.

Мы обиженные, страждущіе, обремененные, обездоленные, эксплуатируемые слышимъ въ этомъ двухсложномъ словѣ цѣлую симфонію, божественную симфонію избавленія; мы слышимъ въ немъ пѣсню нездѣшнюю.

Это слово намъ рождаетъ сонъ:

Вотъ-вотъ пронесся ангелъ вѣчнаго свѣта, вѣчнаго счастья по полуночи нашего бездолія, нашей кошмарной безпросвѣтной ночи и изъ устъ его полуоткрытыхъ и огненныхъ выпорхнула и сказочнымъ лучомъ упала къ нашимъ ногамъ райская пѣсня, чудесное очаровательное, пьянящее слово.

— Равенство.

Это слово заставляетъ наше сердце трепетать и биться, какъ сердце вѣчника при словѣ „полная амнистія".

Это слово насъ зоветъ, насъ манитъ, какъ полярная звѣзда, туда, въ ту заоблачную даль, въ ту недостижимую высь, гдѣ обитаетъ счастье Человѣка и счастье Человѣчества.

Это слово намъ тихо шепчетъ:

„Знаешь ли, ты, тотъ край
Гдѣ расцвѣтаетъ Трудъ и Радость,
Гдѣ старость грезитъ, словно младость,
Жизни адъ есть рай?"

Равенство! Въ этомъ словѣ мы слышимъ пробужденіе весны человѣческой справедливости, пробужденіе совѣсти.

Въ этомъ словѣ мы чуемъ звонъ Спасенія, это слово творитъ намъ Царство неба на землѣ.

Равенство! Для насъ это все. Въ это слово мы вплетаемъ всѣ наши чаянія, всѣ наши ожиданія, всѣ наши помыслы и мечтанія, о новой жизни, о новомъ и разумномъ укладѣ жизни.

Это мы влагаемъ.

Но что „они", наши „внутренніе" дипломаты, влагаютъ? Что вкладываютъ въ это слово идеологи буржуазіи, которые его такъ часто употребляютъ, которые это слово такъ часто преподносятъ народу, украшая имъ свои программы, свои плакаты, свои предвыборные листки и воззванія.

Признаться, они это слово изрядно истаскали, износили.

Подъ знакомъ этого слова прошла великая, буржуазная французская революція Это слово красовалось на знаменахъ, оно звало народъ. Оно звало—и народъ пошелъ. Этимъ словомъ, святымъ словомъ, буржуазія злоупотребляла, обѣщала равенство и дала самое вопіющее, самое коварное, небывалое неравенство—расцвѣтъ капитализма, капиталистическаго хозяйственнаго уклада съ его глубочайшимъ, до дна общества доходящимъ, раздѣленіемъ людей, размѣщеніемъ

ихъ по разнымъ ступенямъ экономической лѣстницы. Одни, не многіе, избранный народъ, избранный богомъ, мамоной, капиталисты, стоятъ на самой верхней ступени благополучія, другіе, весь народъ, весь трудовой, людъ находятся на самой низшей ступени.

Это слово истаскано, опошлено устами нечистыми лживыхъ, обманныхъ проповѣдниковъ, идеологовъ буржуазіи.

Это слово осквернено, охулено жадной, ненасытной и хитрой буржуазіей.

Это слово служило приманкой, червячкомъ на удочкѣ обмана,—и народъ, наивный, честный народъ, у котораго мысль со словомъ не расходятся,—клевалъ, поддался...

Этимъ словомъ прикрываетъ буржуазія и сейчасъ при Великой Русской Революціи свои вражьи помыслы о порабощеніи народномъ, прикрываетъ свои хищническіе, классовые интересы.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ злоупотребленія этимъ словомъ со стороны господствующихъ и обманывающихъ, мы все же употребляемъ это слово. Ибо это слово слишкомъ чисто, чтобы буржуазія могла его огрязнить, слишкомъ ангельски, чтобы бѣсовская буржуазія могла его осатанить; слишкомъ возвышено это слово, чтобы буржуазія могла его унизить.

Равенство.

Разъ мы видали, что этимъ словомъ злоупотребляли, то не мѣшаетъ вскрыть его сущность, указать на то понятіе, которое мы, анархисты, въ него влагаемъ.

Скажу безъ обиняковъ, что мы влагаемъ въ это слово то, что каждый человѣкъ изъ народа вкладываетъ въ него, слыша его впервые, и не будучи знакомъ съ его извращеніемъ и хитро-ложнымъ, буржуазно-лукавымъ толкованіемъ, не будучи испорченъ „политикой" буржуазіи.

Вотъ что мы вкладываемъ въ него.

Всѣ люди должны быть равны. Должны быть уравнены во всемъ, въ чемъ мы ихъ только уравнить можемъ, во всѣхъ тѣхъ областяхъ, сферахъ, которыя намъ подчинены,

которыя намъ подвластны, въ которыя возможно практически, технически возможно наше вмѣшательство.

Хозяйственно-общественное равенство.

Такъ мы мыслимъ это слово, этотъ принципъ, и такъ мыслитъ и понимаетъ его каждый немудрствующій лукаво изъ народа, но онъ, безспорно, выразилъ бы, конкретизировалъ бы эту мысль еще проще, еще элементарнѣй.

Когда мы говоримъ о равенствѣ, то мы отнюдь не думаемъ, что всѣ люди должны непремѣнно быть одинаковаго роста, одинаковаго тѣлосложенія, одинаковаго цвѣта волосъ и проч. Все это не лежитъ внѣ сферы нашей дѣятельности и нашихъ притязаній. Мы никакъ не думаемъ, что всѣ должны стать смуглолицами, или свѣтлолицыми, свѣтлорусыми или темнорусыми, быть одинаковой походки, говорить на одномъ языкѣ, однимъ и тѣмъ-же говоромъ, быть однихъ тѣхъ же вкусовъ, воззрѣній, вѣрованій, ученій быть одинаковаго здоровья, жить одинаковое количество лѣтъ.

Надъ всѣмъ этимъ мы не властны. Все это насъ не касается.

Ростъ, цвѣтъ, долголѣтіе и проч. находится въ области біологіи, физіологіи. Языкъ, ученіе, вѣрованіе—есть, такъ сказать, застывшій затвердѣвшій духъ, лежитъ въ области психологіи—и все это „внѣ программы", за предѣлами досягаемости и даже желательности.

Пусть люди говорятъ на разныхъ языкахъ. Пусть люди мыслятъ, думаютъ по-разному, различно.

Не наше дѣло.

Мы говоримъ о равенствѣ, какъ объ экономическомъ и политическомъ началѣ, какъ о хозяйственномъ, этическомъ и общественномъ принципѣ.

Наши противники злонамѣренно или по непродуманности указываютъ намъ на эти, выше перечисленныя неравенства въ „природѣ" человѣческой и этимъ желаютъ они замаскировать зло, вопіющее зло неравенства общественнаго, хозяйственнаго: въ этихъ неравенствахъ они какъ бы нахо-

дять свое оправданіе, оправданіе возмутительнымъ противорѣчіямъ современнаго общества.

Но это просто нелѣпость. Присмотримся къ физической средѣ. Въ физической средѣ существуютъ сплошь и рядомъ неравенства, въ этомъ вся прелесть, вся красота, все великолѣпіе, все разнообразіе и многообразіе природы.

Но какъ мы относимся къ нимъ, къ этимъ неровностямъ природы?

Вотъ горы, вотъ долы. Если мы прокладываемъ черезъ нихъ дорогу, то мы или дѣлаемъ насыпь, поднимая долины и низменности, или прорѣзываемъ горы, дѣлая туннели. Вотъ пропасть, обрывъ. Мы перекидываемъ черезъ него мостъ и выравниваемъ обѣ стороны, оба берега, чтобы дѣлать возможнымъ дальнѣйшее продвиженіе нашего пути. Если, попадается водяное пространство по дорогѣ, рѣки, озера, мы перебрасываемъ мосты и выравниваемъ сушу съ водой; и мы тогда не разсуждаемъ: разъ въ природѣ существуютъ неравенства, то мы „права" не имѣемъ ихъ нарушить, ихъ умалять, ихъ свести на-нѣтъ.

А, наоборотъ, мы всячески, всѣми силами и техническими, искусственными мѣрами стараемся ихъ сгладить, ихъ уничтожить, ихъ довести до минимума.

То-же самое мы должны сдѣлать въ обществѣ. Должно перекинуть мостъ соціальнаго равенства черезъ бездну неравенства біологическаго, физіологическаго, антропологическаго (расового), психологическаго.

Каждый человѣкъ, который родился на данной землѣ, въ данной странѣ, подъ этимъ небомъ имѣетъ одинаковое право на всѣ богатства данной земли, данной страны и даннаго общества, какъ всякій другой. Онъ долженъ получать тождественное количество благъ земныхъ для удовлетворенія его потребностей насущныхъ и не насущныхъ, долженъ получать одинаковую долю въ предметахъ необходимости и въ предметахъ роскоши, т.-е. всѣ должны жить одинаково количественно и качественно.

Разумѣется, каждому предоставляется полная свобода, въ

предѣлахъ данной доли, даннаго количества, выбора продуктовъ, предметовъ, предоставляя полный, никѣмъ и ничѣмъ не ограниченный размахъ и просторъ личнымъ вкусамъ, просторъ, которому поставитъ предѣлъ одна возможность, наличность данныхъ продуктовъ.

Мы учимъ: всѣмъ по потребностямъ по мѣрѣ нашей возможности, по богатствамъ данной страны, сколько хватитъ на каждаго человѣка, принимая во вниманіе наличіе богатствъ накопленныхъ и количество произведенныхъ и производящихся продуктовъ.

Всѣмъ поровну—никому не меньше и никому не больше.

Всѣмъ одинаковое количество благъ, комфорта, довольства, какъ что касается пищи, такъ и одежды, такъ и жилища и проч.

Министръ *) путей сообщенія и послѣдній будочникъ, который охраняетъ дорогу, рогатку, шлагбаумъ—должны получать одинаковое „жалованье", одинаковое вознагражденіе, ибо оба нужные и полезные члены даннаго общества и оба исполняютъ необходимыя функціи даннаго общественнаго организма.

Возьмемъ другой примѣръ изъ военной жизни—не говорю сейчасъ о томъ, что армія по нашему ученію не нужна, лишняя,—въ новомъ обществѣ послѣдній солдатъ, „нижній чинъ", слово, которое отмѣнено на бумагѣ и въ командѣ, но не отмѣнено въ жизни, пока существуетъ скала вознагражденія, цѣлая деградація окладовъ—и верховный главнокомандующій должны быть равны, то есть должны получать одинаковое количество благъ земныхъ, одинаковую порцію хлѣба, мяса, супу, чаю, кофе, сахару, одинаково стоящую одежду и одинаковую квартиру.

Никому не больше.

И никому не меньше.

Мы не проповѣдники аскетизма, полнаго отказа и пре-

---

*) Разумѣется, что при коммунѣ, не будетъ ни министровъ, ни жалованія, но это взято какъ примѣръ для иллюстраціи мысли.

небреженія земными благами. Мы не проповѣдуемъ опрощенія, умерщвленія плоти, пониженія скалы потребностей. Мы только боремся противъ излишества одного, которое покупается цѣною лишеній многихъ.

Если мы сможемъ позволить себѣ, если наши народныя богатства достигнутъ такой высоты и такого колоссальнаго разроста и производительность труда дойдетъ до такого подъема, что мы сумѣемъ предоставить каждому жителю данной страны по дворцу, по особняку, окруженному садами, въ которыхъ бьютъ фонтаны, нѣжатся на солнцѣ пруды, извиваются темно-тихія таинственныя аллеи — то пожалуйста! мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы каждый русскій крестьянинъ, чтобы каждый и всякій изъ васъ жилъ по-царски въ золоченыхъ хоромахъ. Пожалуйста!

Но мы возстаемъ, возмущаемся, протестуемъ самымъ энергичнымъ образомъ и боремся всѣми силами и мѣрами противъ того порядка, въ которомъ всѣ удобства достаются одному на счетъ неудобствъ, недостатка другихъ, многихъ, большинства.

И при томъ весь этотъ комфортъ, все это раздолье, все это славное житье-бытье выпадаетъ не на долю народа, а на долю враговъ народа, грабителей народа, этихъ патентованныхъ и гильдованныхъ воровъ, этой шайки разбойниковъ, которые совершаютъ свои набѣги, которые обираютъ народъ, честный, трудовой народъ среди бѣла дня на биржѣ, въ магазинахъ, на фабрикахъ, въ конторахъ и торговыхъ домахъ и банкахъ, этихъ притонахъ грабежа.

Намъ кажется страннымъ, непонятнымъ и даже смѣшнымъ то явленіе, что разъ человѣкъ выдвигается общественно, признано въ какой-нибудь области, въ какой-нибудь сферѣ теоретической или практической культуры, то это выдвиганіе, то это продвиженіе впередъ въ обществѣ въ общественномъ мнѣніи и въ людской окружающей оцѣнкѣ означаетъ въ большинствѣ случаевъ, почти всегда, за малыми незначительными исключеніями, полученіе большого количества благъ земныхъ, просто говоря, полученіе большого ко-

личества и лучшаго качества продуктовъ необходимости и роскоши, словомъ, большую мѣру удобствъ жизни.

Это не только что несправедливо и не разумно, но прямо-таки безсмысленно.

Вѣдь всѣ эти отличающіеся, выдѣляющіеся, „недюжинные" люди въ конечномъ счетѣ остаются только людьми, равными во всемъ естественномъ истинно-человѣческомъ, „природномъ". И тѣмъ не менѣе это ихъ общее и сильное естественное равенство насъ не останавливаетъ передъ отдѣленіемъ ихъ особыми перегородками, надѣленіемъ ихъ особымъ излишествомъ и сверхдостаткомъ и комфортомъ, поставленіемъ ихъ въ особыя условія существованія и пользованія жизнью ея радостями, прелестями, наслажденіями.

Больно и смѣшно.

Если къ слову человѣка прибавляемъ какой-то ничтожный эпитетъ въ родѣ:

„Главнокомандующій", „Верховноглавнокомандующій", министръ, предсѣдатель-министръ, то намъ уже кажется, что мы имѣетъ передъ собой особое существо, надѣленное особыми органами, о собыми свойствами, нисколько несходными съ оными у „обыкновеннаго" человѣка.

Дикое заблужденіе.

Вѣдь сходство-то наше безконечно, проходитъ, обнимаетъ почти все. А отличія искусственны, ничтожны, не замѣтны, не дѣйствительны, если бы не ихъ нелѣпое несправедливое закрѣпленіе въ распредѣленіи продуктовъ и благъ, что единственно создаетъ у насъ представленіе о настоящемъ неравенствѣ, и вырываетъ эту пропасть между человѣкомъ и человѣкомъ.

Странно.

Вѣдь желудокъ-то у всѣхъ одинъ и тотъ же, глаза такіе же, и вкусомъ и обоняніемъ, какъ чувствами, надѣлены въ одинаковой степени, можно сказать, и сторожъ-желѣзнодорожникъ и министръ путей сообщенія, солдатъ, нижній чинъ и военный и морской министръ, слѣдовательно и пища должна быть одинаковая; вѣдь кожа-то у нихъ одинаковая и ощу-

щеніе холода и тепла одинаково, слѣдовательно и одежда должна быть одинаковой.

Нѣтъ же, слава Богу, особенныхъ такихъ главнокомандующихъ или министерскихъ желудковъ!

Удовлетвореніе потребности въ пищѣ основано на физіологическомъ законѣ обмѣна веществъ, траты и возобновленія силъ, а этому закону и профессора и простые мужики одинаково подвержены.

Вкусовыя ощущенія по существу тѣ же. Нѣтъ особаго вкуса у министра и особаго у мелкаго чиновника.

Потребность въ кровѣ, въ жилищѣ, мѣстѣ прикрытія отъ непогоды, и связанная съ этой потребностью и получавшая за одно съ ней и удовлетвореніе потребность въ красотѣ, въ художествѣ—тоже одинаковы.

У самыхъ первоботныхъ людей находимъ зачатки эстетики и чувства красоты, слѣдовательно, и домъ и квартира должна быть у одного, у министра, не лучше, чѣмъ у любого изъ рабочихъ.

И если сейчасъ замѣчаются глубокія различія, то они являются гиблымъ порожденіемъ нашего неравнаго распредѣленія благъ и неравнаго удовлетворенія потребностей.

Словомъ, біологія, физіологія и психологія одинаковая, отсюда вытекаетъ полное равенство по отношенію удовлетворенія потребностей нашихъ, какъ біологическихъ, такъ физіологическихъ и психологическихъ.

Всѣмъ по потребностямъ и по мѣрѣ возможности народной или коммунальной.

Всѣмъ поровну — всѣмъ одинаковое количество благъ земныхъ.

Посмотрите на природу: всѣмъ свѣтитъ солнце; всѣмъ зеленѣетъ лугъ; всѣмъ шумитъ дубрава, всѣмъ благоухаетъ цвѣтокъ; всѣмъ мигаютъ звѣзды; взоръ всѣхъ радуетъ чистая лазурь, слухъ каждаго нѣжитъ гласъ тихаго теченья рѣки...

Всѣмъ поровну, всѣмъ одинаково.

Рѣчь третья.

НЕРАВЕНСТВО.

I.

На чемъ основано наше требованіе равенства всѣхъ и каждаго?

Это требованіе основано перво-наперво на справедливости, на уваженіи къ личности человѣка, на принципѣ равноцѣнности человѣка.

Мы никакъ не можемъ мириться съ тѣмъ положеніемъ, тѣмъ хозяйственнымъ укладомъ, который основополагается трудящимся, рабочимъ, батракомъ,—ниже его стоитъ нищій, попрошайка,—и завершается, увѣнчивается милліардеромъ. Общество наше начинаетъ нищимъ, голымъ горемыкой и, восходя по лѣстницѣ благоустройства и благополучія, доходитъ до милліардера, до Креза.

На чемъ, на какихъ разумныхъ и нравственныхъ началахъ основана эта деградація? На чемъ держится эта лѣсенка съ ея безконечнымъ множествомъ ступенекъ, по которымъ разставлены люди разныхъ положеній?

Тѣ, которые находятся внизу, окончательно обездолены, это вѣчно скорбящіе, вѣчно трудящіеся и ничего не полу-

чающіе. Наверху, тамъ вѣчно радующіеся, вѣчно наслаждающіеся, вѣчно бездѣльничающіе, шабашничающіе и вѣчно потребляющіе, всѣми богатствами надѣленные, а по серединѣ люди обыкновеннаго достатка.

Блаженъ тотъ, кто ближе къ „верхамъ", несчастенъ тотъ, кто близко соприкасался съ „низомъ". Ибо наверху: довольство, роскошь, наслажденія, а внизу: голодъ, холодъ, нищета.

Мы возстаемъ въ принципѣ противъ всякаго хозяйственнаго неравенства, чѣмъ бы оно ни оправдывалось, чѣмъ бы оно ни покупалось, чѣмъ бы оно ни достигалось. Если бы это неравенство, это наравномѣрное распредѣленіе благъ земныхъ между людьми было совершено самими благородными мѣрами и средствами, если бы въ основѣ его лежали такія высшія духовныя качества, какъ талантъ, трудолюбіе или даже геніальность, — и тогда бы мы боролись противъ этого, какъ противъ великаго грубаго зла, какъ противъ ужасной несправедливости, всѣми намъ доступными мѣрами.

Если бы въ современномъ обществѣ господствовали самыя выдающіяся, самыя даровитыя въ смыслѣ духовномъ личности самыя передовыя, если бы богатство матеріальное совпало съ богатствомъ духовнымъ и душевнымъ, если бы эти рыцари кармана были рыцарями духа, если бы мошна, мѣшокъ были связаны съ багажомъ культурнымъ, если бы жрецы Мамоны, капитала были въ одно и то же время и священнослужителями въ храмѣ искусства и науки, и тогда мы боролись бы противъ этого, какъ противъ нежравственнаго начала, раздѣляющаго, разъединяющаго людей на высшихъ и низшихъ.

Нѣтъ выше человѣка и нѣтъ ниже человѣка, и человѣкъ человѣку долженъ быть равенъ.

Надо самому быть нечеловѣкомъ, Богомъ, ангеломъ, сатаной, чтобы имѣть право судить о человѣкѣ съ высоты своего нечеловѣческаго, божественнаго или сатанинскаго пониманія.

Но мы всѣ люди, и не намъ судить людей, судить

людяхъ, указывая каждому его мѣсто на ступенькахъ общественности.

Каждый человѣкъ однимъ актомъ своего появленія на свѣтъ, актомъ, который, является не добровольнымъ, а результатомъ жизни, слѣдствіемъ поступковъ, совершенныхъ инстиктивно, прихотно предыдущимъ поколѣніемъ, уже купилъ себѣ право на удовлетвореніе его нуждъ и потребностей, право на существованіе.

Но не помѣшаетъ посмотрѣть, что творится у насъ, каково то неравенство, которое господствуетъ въ современномъ обществѣ, каковы тѣ корни, которыми оно питается; кто въ нашемъ культурно-сложномъ обществѣ беретъ львиную долю благъ земныхъ, получаетъ самое большое количество продуктовъ.

Критически присматриваясь къ современному обществу, мы замѣчаемъ такое странное, изумительное, до недоумѣнія доходящее явленіе. Мы видимъ, что принципъ труда, который клали въ основу цѣнности или стоимости, придется, такъ сказать, замѣнить совершенно другимъ принципомъ, придется основать абсолютно другое ученіе, что разумѣется пересоздастъ, сдѣлаетъ переворотъ въ экономической наукѣ.

Могу смѣло и откровенно сказать, не рискуя вызвать смѣхъ и насмѣшки, — ибо нижесказанное соотвѣтствуетъ дѣйствительности нашей смѣхотворной или вѣрнѣй, слезотворной, смѣшной и печальной дѣйствительности—что въ современномъ обществѣ платятъ не за трудъ, а за бездѣліе, и размѣръ вознагражденія находится въ прямой зависимости отъ степени и мѣры бездѣлія, бездѣльничанія, и измѣряется оно строго затраченнымъ на него временемъ, часами, днями, годами, десятками лѣтъ, сотнями лѣтъ.

Вмѣсто заработной платы мы должны установить желѣзный законъ бездѣльничьей платы.

А именно:

Кто въ теченіе сутокъ „ничего не дѣлаетъ", бьетъ баклуши только 8 часовъ, т.-е. у него заведенъ,—явочнымъ порядкомъ или декретомъ своего правительства лежебо-

ковъ, — это безразлично, — восьмичасовой бездѣльничій день, тотъ сравнительно получаетъ очень мизерную плату, очень ничтожное вознагражденіе, слѣдовательно, и число предметовъ потребленія которое выпадаетъ на его долю, тоже весьма „ограниченно"; и иначе быть не можетъ, разъ человѣкъ мало „не работаетъ", то онъ и мало „наживаетъ". Если человѣкъ занятъ въ нашемъ обществѣ цѣлыхъ 24 часа въ сутки, такой чудакъ-труженикъ, такой трудолюбецъ-горемыка, у насъ, могу увѣрить, буквально съ голоду помретъ. И вполнѣ правильно, вполнѣ разумно: такому человѣку нашему обществу бездѣльниковъ не за что, абсолютно не за что платить. Если же человѣкъ бездѣльничаетъ 12 часовъ въ сутки, и тогда онъ у насъ получаетъ очень незначительное количество матеріальныхъ богатствъ. Кто же бездѣльничаетъ 16 часовъ въ сутки, тотъ живетъ уже сносно, терпимо, отъ голодной смерти онъ застрахованъ, но до достатка не дошелъ, ибо онъ все еще слишкомъ мало бездѣльничаетъ. Но кто абсолютно ничего не дѣлаетъ, палецъ о палецъ не ударяетъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ и, что еще лучше, десятковъ лѣтъ или даже всей своей жизни, тотъ блаженствуетъ, благоденствуетъ, катается, какъ сыръ въ маслѣ, живетъ въ холѣ, въ нѣгѣ, въ роскоши, для него открыты настежь двери храма наслажденія... такъ какъ такому субъекту есть за что платить, онъ получаетъ у насъ за цѣлыхъ 24 часа и получаетъ колоссальную сумму.

Кто самъ не работаетъ, праздно живетъ, и его отцы также ничего не дѣлали, не опорочили, не опозорили себя тяжелымъ честнымъ трудомъ, кто является бездѣльникомъ, сыномъ бездѣльника, паразитомъ, сыномъ паразита или, что еще дороднѣе, именитѣе, великимъ лѣнтяемъ, потомкомъ великихъ лѣнтяевъ — имя ему милліонеръ, милліардеръ, князь, графъ, фонъ, лордъ, баронъ; онъ ѣздитъ въ золоченыхъ каретахъ, живетъ въ хоромахъ, окруженъ неимовѣрной, сказочно-ослѣпительной роскошью, жизнь его представляетъ одинъ нескончаемый пиръ, одну пѣнящуюся черезъ край чашу наслажденія и удовольствія.

Товарищи трудящіеся! Вы навѣрное въ душѣ уже возражаете мнѣ: „Вѣдь существуетъ бичъ безработицы! Вѣдь когда мы, работники не работаемъ, мы совсѣмъ лишаемся послѣдняго куска хлѣба; вѣдь въ безработицѣ мы видимъ издали грозный и угрожающій ликъ бога голода; вѣдь безработица нашъ ангелъ зла, который преслѣдуетъ насъ по пятамъ, какъ мстительная навязчивая тѣнь".

Такъ или иначе, этими или другими словами вы мнѣ возржаете.

Товарищи! Ошибаетесь. Вѣрно, что въ нашемъ обществѣ, въ которомъ все могущество хозяйственное захвачено тунеядцами, вы рискуете помирать голодной смертью во время промышленныхъ кризисовъ и продолжительной безработицы. Это фактъ! А противъ фактовъ мы не споримъ. Но дѣло тутъ не фактѣ, а въ объясненіи факта. Вы голодаете, вы бѣдствуете, вы горемыкаете во время безработицы, но изъ-за чего? Изъ-за того ли, что вы не работаете? Нѣтъ! Тысячекратно нѣтъ! Вѣдь „безработныхъ" такое множество, вѣдь бездѣльниками, проожигателями жизни кишмя-кишатъ всѣ роскошныя улицы Москвы, Петрограда, Парижа, Берлина, Лондона, Нью-Іорка, вѣдь всѣ виллы ими населены, всѣ дворцы ими наполнены, всѣ курорты и врачебницы ими заняты, всѣ увеселительныя мѣста ими биткомъ набиты, и они далеко не помираютъ съ голода, а живутъ превесело и прехорошо, а если умираютъ, то развѣ на дуэляхъ, на попойкахъ, падаютъ жертвами мести, ревности, но ни въ коемъ случаѣ не жертвами голода...

Такъ въ чемъ же дѣло? Почему же вы, становясь безработными, идете къ грани экономическаго существованія,— къ голоду?

Ларчикъ просто открывается: вы голодаете не за то, что сейчасъ не работаете, а за то, что раньше слишкомъ много, черезчуръ работали, гнули горбъ, изъ всѣхъ силъ трудились; вы голодаете, вы бѣдствуете за то, что ваши предки на протяженіи цѣлаго ряда столѣтій трудились честно, благородно, производили,—вотъ за что голодаете. Вѣдь ваша

безработица есть капля бездѣйствія въ морѣ, въ бездонномъ, безбрежномъ, безконечномъ морѣ тяжелаго, нечеловѣческаго труда. Вамъ голодъ угрожаетъ за то, что вы работали въ седьмомъ потѣ, а не за то, что не работаете,—за то, что вы слишкомъ мало, совсѣмъ мало „не работаете".

А у настоящихъ истинныхъ „безработныхъ",—у графовъ, князей, лордовъ, фоновъ, милліонеровъ, милліардеровъ,—нѣтъ проблемы безработицы, а есть проблема сплина, проблема скуки, нечѣмъ время наполнить некуда день угнать, некуда жизнь, досугъ дѣвать, а природа боится пустоты, а настроеніе, навѣрно, боится пустоты, и они сжигаютъ свое время, свою жизнь, убиваютъ свои дни, измышляютъ разныя увеселенія, ухищряются изобрѣтать разныя развлеченія, ищутъ „приключеній"... ищутъ и находятъ. Страшна ихъ „безработица", но милостивъ ихъ Богъ.

И такъ, товарищи, нашъ законъ остается незыблемымъ, нетронутымъ: въ нашемъ обществѣ, основанномъ на шабашѣ, разгулѣ и бездѣльничаніи несчастенъ тотъ, кто имѣлъ несчастье быть труженикомъ, кто хотѣлъ и хочетъ жить честнымъ трудомъ, такъ какъ онъ, наивный, недогадливый, ограниченный, просто заблуждается; въ современномъ обществѣ, въ обществѣ, привилегированныхъ лѣнтяевъ, нельзя, немыслимо „жить" трудомъ, а можно лишь „умирать отъ труда"...

И если вы, товарищи, укажете мнѣ на забастовки, какъ на явленіе, противорѣчащее моему ученію, моей теоріи безделія, въ виду того, что во время забастовокъ прекращаются ваши получки, и вы и ваши дѣти обречены на лишенія, на страданія.

То и это заблужденіе. Опять то же самое: вы голодаете во время забастовокъ не оттого, что бастуете, а оттого, что слишкомъ мало бастуете, слишкомъ рѣдко бастуете, черезъ слишкомъ большіе промежутки времени, и если бы вы побольше и почаще бастовали или если бы вы устроили одну грандіозную всеобщую забастовку по всей странѣ, вы бы уже давно были счастливы. Въ томъ-то вся бѣда, что

вы бастуете съ оглядкой, съ опаской, дѣлаете полушаги, предпринимаете полумѣры.

И даже эти частичныя, мелкія забастовки даютъ кой-какіе результаты въ смыслѣ поднятія уровня вашего благосостоянія. И это не то, что противорѣчитъ моему ученію, а прямо подтверждаетъ и укрѣпляетъ мою теорію о бездѣльничьей платѣ. Почему послѣ забастовки получаете обыкновенно больше, „жалованья“, больше денегъ, нежели раньше, до забастовки? Потому что послѣ забастовки вы въ большинствѣ случаевъ, работаете, и меньше, и при лучшихъ условіяхъ, и притомъ вамъ присчитываютъ и время бастованія,—время, что вы не работали.

Вы смѣетесь: *моя теорія ужъ слишкомъ смѣшна*,—и какъ не *смѣяться!*—платятъ за то, что не работаютъ. Но, товарищи, она отвѣчаетъ дѣйствительности. И о нашей дѣйствительности можно сказать, что она была бы очень печальной, если бы не была такой смѣшной, что въ ней было бы много трагизма, если бы не было столько комизма. Да, нашъ порядокъ больно смѣшонъ!

За трудъ не платятъ,—труженикъ ничего не получаетъ, ничего не имѣетъ, а богатѣютъ, наживаютъ тѣ, которые ничего не дѣлаютъ, тѣ, которые живутъ на счетъ труда многихъ.

Всѣ блага, всѣ богатства — лѣнтяямъ, бездѣльникамъ, тунеядцамъ.

Вся суть, вся сущность современнаго общества, современнаго безобразнаго, неразумнаго и несправедливаго хозяйства въ одномъ ничегонедѣланіи. И если общество, „отборное“ общество находитъ лицо, цѣлый рядъ поколѣній и предковъ котораго всю жизь ничего не дѣлали, то оно, разумѣется, его озолачиваетъ.

Итакъ, мы видимъ въ современномъ неравномъ обществѣ, что „верхи“, самыя теплыя мѣстечки заняли люди, которые ничего не производятъ, ничего не дѣлаютъ въ теченіе всей ихъ жизни, а самыя худыя, самыя неуютныя мѣста оставлены тѣмъ, которые трудятся всю свою жизнь.

добывают ли сырье, обрабатывают ли его, воздѣлывают ли поля, сѣют ли, жнут ли, молотят, мелют, пекут.

II.

Против такого неравенства или, точнѣе, против этого господства лѣнтяев, мы сугубо возстаем, возстаем всей силой нашего слова, убѣжденія и дѣйствія; против этого превосходства тунеядцев мы боремся всѣми силами и всѣми средствами. Так не должно быть. Так дальше жить нельзя! Этот дикій, безнравственный уклад грозит современному обществу полным развалом, окончательной разрухой и совершенным распадом. Общество, основанное на бездѣльничаніи, обречено на гибель. Вѣдь, труд один творит продукты, предметы потребленія, предметы необходимости и роскоши. Такой строй развращает человѣка, портит его, творит культ лѣни, создает богослуженіе героев бездѣльничанія. Такое общество питает отвращеніе к занятіям, к труду,—всѣ стремятся, бѣгут от труда, а не к труду. В таком „порядочном" обществѣ слово „трудись" равнозначащее проклятію, означает: живи на правах горемыки, обездоленнаго, обиженнаго, на правах безправнаго пасынка жизни, ненавистнаго, презрѣннаго члена хозяйственной семьи.

Такое общество проповѣдует, покровительствует, поощряет лѣнь и шабаш. В таком обществѣ считается труд, ремесло, занятіе физическое чѣм-то постыдным, позорящим, унижающим, низводящим человѣка. А лѣнь, наоборот, считается самым высшим, самым благородным качеством. У нас, в нашем обществѣ, происходит естественный подбор наилѣнивѣйших. У нас совершается процесс выживанія наинеспособнѣйших к труду. Наше общество, если во-время не остановится и не повернет назад, не сдѣлает великаго экономическаго переворота, дойдет скоро до полнаго вырожденія и разложенія.

Если бы мы не знали современнаго хозяйственнаго уклада и его на весь міръ кричащія несправедливости, то мы бы, пожалуй, такъ разсуждали: человѣкъ, который нуженъ, необходимъ данному обществу, оцѣненъ навѣрно по достоинству, по заслугамъ, по степени важности въ данномъ хозяйствѣ имъ выполняемой функціи.

А на дѣлѣ какъ у насъ обстоитъ?

Примѣръ. Нѣтъ ничего болѣе необходимаго намъ, чѣмъ хлѣбъ. Нѣтъ работника болѣе незамѣнимаго, чѣмъ хлѣборобъ, крестьянинъ, хлѣбопашецъ. И трехъ дней не просуществуемъ безъ хлѣба. Когда онъ поступаетъ въ ограниченномъ количествѣ, въ неудовлетворительной мѣрѣ, вслѣдствіе затруднительности подвоза, мы всѣ объяты страхомъ передъ катастрофой, передъ голодной смертью.

Происходитъ небывалая война Тиранія съ тираніей столкнулись и ведутъ борьбу не на жизнь, а на смерть, на самоуничтоженіе. Кто побѣдитъ? Вильгельмъ сказалъ, тотъ побѣдитъ, у кого нервы окажутся посильнѣе. Но на дѣлѣ тотъ побѣдитъ, у кого хлѣба окажется побольше. Если не дотянемъ съ нашими запасами хлѣба до будущаго урожая, мы всѣ погибнемъ, намъ грозитъ тогда голодная смерть, а въ лучшемъ случаѣ голодное существованіе Вотъ что значитъ хлѣбъ! Вотъ какую цѣнность онъ имѣетъ для общества. Онъ долженъ опредѣлиться цѣною нашей жизни, нашего существованія.

Съ другой стороны, алмазы, рубины, жемчуги, яхонты, броши, браслеты и прочія драгоцѣнности намъ вовсе не такъ нужны. Мы могли бы безъ нихъ прожить не то что, три дня но и три тысячелѣтія. И если въ одно прекрасное утро были бы реквизированы всѣ магазины драгоцѣнностей, мы бы продолжали преспокойно жить, нисколько не заботясь, нисколько не страшась грознаго безалмазнаго завтра, которое уже у насъ на дворѣ и смотритъ къ намъ черезъ окошко, такъ-какъ всѣ эти украшенія, драгоцѣнности и благородные металлы не являются предметами необходимо-

ски, а являютъ собой предметы изысканной роскоши, т.-е. предметы ненужные, лишніе.

Разсуждая экономически здраво, мы склонны были бы думать, что всѣ тѣ, которые торгуютъ алмазами, драгоцѣнностями, всѣмъ тѣмъ ненужнымъ и никчемнымъ, „благороднымъ хламомъ",—ходятъ, навѣрно, въ лаптяхъ, одѣты въ поддевкахъ, кушаютъ хлѣбъ да щи, живутъ въ курныхъ хатахъ и спятъ на печкахъ, на палатяхъ, а хлѣборобы, эти великіе спасители отечества, эти надежные устои хозяйства, эти колоссы, держатели родины, кормилицы наши, мужики, ходятъ въ золотѣ, живутъ въ хоромахъ и т. д. Вѣрно такъ должно было быть. На дѣлѣ же выходитъ у насъ все шиворотъ навыворотъ. Назло, наперекоръ здравому смыслу и здоровой экономической наукѣ мужики еле перебиваются, кушаютъ хлѣбъ съ мякиной, съ отрубями, а торговцы драгоцѣнностями богаты, занимаютъ роскошныя квартиры и, что случается чаще, имѣютъ свои дома, свои выѣзды.

Вотъ какое нелѣпое неравенство существуетъ въ современномъ обществѣ. Тотъ, кто исполняетъ самую важную, самую отвѣтственную функцію, тотъ ни въ грошъ нами не ставится. А тотъ, кто занимается самымъ такимъ ненужнымъ, никудышнымъ и лишнимъ, почіетъ на розахъ благосостоянія.

Кто живетъ честнымъ, благороднымъ трудомъ, еле существуетъ, живетъ въ лишеніяхъ въ недостаткѣ.

От трудовъ праведныхъ
не построишь палатъ каменныхъ.

А тѣ, которые присосались къ нашему обществу, къ хозяйственному организму, какъ піявки, какъ паразиты, живутъ припѣваючи, беззаботно, какъ птички лѣтомъ, въ радостяхъ, въ сладостяхъ, въ роскоши, въ утонченностяхъ.

Вѣдь это къ небу справедливости взывающее зло, вѣдь это ужасная кривда, возмутительная соціальная неправда!

Всѣ грабители народа, всѣ воры-буржуи, фабрики кото-

рыхъ построены чужими руками, руками трудящихся, всѣ злодѣи-помѣщики, усадьбы, имѣнія, помѣстья которыхъ куплены были ихъ предками развратомъ, измѣной народу, грабежомъ, разбоемъ, кровопролитіями, насиліемъ, живутъ въ богатствѣ, сидятъ за общественнымъ столомъ, уставленномъ роскошно, самыми изысканными, самыми вкусными блюдами и яствами.

А народъ самъ, хозяинъ всѣхъ богатствъ, неисчерпаемый источникъ производительнаго и творческаго труда, вѣчный созидатель благъ—голодаетъ или питается крохами, упавшими со стола избранныхъ негодяевъ, титулованныхъ, потомственно почетныхъ бездѣльниковъ.

Вотъ какое неравенство у насъ существуетъ. Будемъ ли мы его терпѣть, можемъ ли мы его терпѣть?

Одно изъ двухъ: или жить по-человѣчески, жить по братски, жить вмѣстѣ объединенными солидарностью интересовъ, всѣ за одного, одинъ за всѣхъ, или же жить врозь, какъ враги, какъ два непримиримыхъ лагеря, какъ два ожесточенныхъ непріятеля.

А отъ открытой, явной борьбы народъ ничего не потеряетъ. Къ чему это лицемѣріе? Къ чему прикрывать вражду личиной дружелюбія? Кто врагъ народа, пусть открыто объ этомъ заявляетъ. Пусть явно пойдетъ противъ народа, противъ трудового народа. И народъ пойдетъ противъ него. И пусть произойдетъ, эта ожидаемая, назрѣвшая грозная исполинская схватка,—схватка многомилліоннаго трудового народа съ кучкой отбросовъ, бездѣльниковъ, паразитовъ, эксплоататоровъ, враговъ народа; единоборство между народомъ-великаномъ и карликомъ-буржуазіей. Пусть оно произойдетъ, и посмотримъ, кто изъ него выйдетъ увѣнчаннымъ лаврами сіяющей побѣды.

А борьбу надо вести всѣми мѣрами, всѣми средствами и всяческими способами, въ ходъ должны быть пущены всякаго рода и сорта оружія: активное выступленіе, вооруженное выступленіе съ призывомъ къ экономическому перевороту, объявленіе всего достоянія, всѣхъ богатствъ народной

собственностью, реквизиція фабрикъ, магазиновъ и домовъ; и пасивныя воздѣйствія такъ сказать, взятіе буржуазіи не наступленіемъ, не уничтоженіемъ непосредственнымъ живой силы, а изморомъ, истощеніемъ.

Вотъ краткая схема пассивной борьбы:

Не дайте имъ хлѣба. Не дайте имъ куска хлѣба даже за тысячи рублей. И тогда посмотримъ, кто дольше выдержитъ. Сможемъ ли мы на время обойтись безъ ихъ б мажекъ, безъ ихъ капиталовъ, и смогутъ ли они, эти бумажные тузы, обойтись, существовать безъ нашего труда, безъ нашего хлѣба?

Пусть кушаютъ свои богатства, свои драгоцѣнности. Пусть грызутъ камни своихъ многоэтажныхъ домовъ вмѣсто нашего, крестьянскаго хлѣба. Пусть жрутъ накопленныя, награбленныя бумажки. Посмотримъ, будутъ ли они сыты?! Не подохнутъ ли, какъ мухи зимой!

Не забастовки,—теперь не время бастовать, теперь время самой кипучей работы для поднятія производительности страны,—и даже не всеобщія забастовки,—и эти мѣры не отвѣчаютъ сейчасъ моменту,—а должны быть выступленія и наступленія на буржуазію, какъ мѣры активныя, и голодовки, и всеобщія голодовки, какъ средства борьбы пассивной.

Не продавать этимъ грабителямъ и похитителямъ народнаго богатства, этимъ мародерамъ, этимъ внутреннимъ врагамъ народа, съѣстныхъ припасовъ, продуктовъ первой необходимости! Ни одного фунта народнаго хлѣба буржуазіи, врагамъ народнымъ! И пусть они тѣшатся своимъ бумажнымъ или золотымъ богатствомъ.

Передъ ними дилемма, выборъ: или жить по-братски, основать свою хозяйственную организацію на началахъ равенства и справедливости, или же выйти на открытый бой; и тогда имъ народъ объявитъ „священную войну", священную войну тунеядцамъ, грабителямъ, хищникамъ народнымъ.

Если въ странахъ съ преобладающими высоко развитыми индустріальными формами хозяйства удобна, цѣлесо-

образца, результатна забастовка, а всеобщая забастовка и являются самымъ острымъ, разящимъ оружіемъ въ рукахъ трудящихся, то въ странахъ, какъ Россія, съ преобладающимъ земледѣльческимъ элементомъ, самый лучшій способъ организованной пассивной борьбы—остановка подвоза хлѣба, доведеніе его до размѣра, удовлетворяющаго нужды однихъ трудящихся слоевъ общества, а не шабашниковъ, тунеядцевъ, капиталистовъ.

Они столько лѣтъ объѣдались, пусть недоѣдаютъ пару дней, пусть извѣдаютъ голодъ, лишенія днями,—то, что мы извѣдали и испытывали въ теченіе многихъ лѣтъ нашей жизни, и заговорятъ они съ нами другимъ языкомъ; пусть голодаютъ, какъ мы голодали, и станутъ они не то, что соціалистами, но и анархистами-коммунистами.

Восточная сказка:

Соломонъ мудрый въ одномъ изъ своихъ кругосвѣтныхъ путешествій на коврѣ-самолетѣ увидѣлъ роскошнѣйшій дворецъ. Велѣлъ онъ ковру спуститься на землю. Вѣтеръ, который несъ его, стихъ, и коверъ сталъ опускаться. Наконецъ, онъ спустился вблизи дворца. Но дворецъ былъ окруженъ высокой каменной оградой, и нельзя было туда проникнуть. Стали искать входа,—не нашли, обошли весь дворъ кругомъ,—ни двери, ни входа, ни воротъ. Стали копать справа, откопали золотыя ворота. Открыли ихъ и вошли во дворъ. Посреди двора былъ расположенъ этотъ великолѣпный дворецъ. Вошелъ Соломонъ въ первую залу, которая вся сіяла отъ драгоцѣнныхъ камней, которые валялись грудами по угламъ,—ни живой души. Вошелъ Соломонъ во вторую залу—опять никого, а кругомъ золото, серебро, драгоцѣнности. Наконецъ, онъ вошелъ въ послѣднюю залу—опять ни слѣда жизни, только, на пьедесталѣ изъ мрамора стоитъ фигура, статуя, на статуѣ залотая дощечка, на дощечкѣ вправленными алмазами сверкаетъ и блеститъ загадочная надпись на никому незнакомомъ языкѣ. Пробовалъ Саломонъ разобрать надпись, разгадать алмазные знаки,—не могъ. Въ это время явился къ нему юноша-

туземецъ съ черными вьющимися волосами, съ черными горящими глазами и говоритъ: „Владыка, если тебѣ угодно, я прочту тебѣ эту надпись“. Царь сказалъ: „Читай!“

Онъ прочелъ:

„Я—Гагадъ,
Сынъ Багдадъ,
Надъ тысячами королей я царствовалъ,
Надъ тысячами государствъ я властвовалъ,
Но голода не могъ я одолѣть,
И мнѣ пришлось околѣть“.

И юноша продолжалъ читать:

„Въ такомъ-то и такомъ-то году свирѣпствовалъ здѣсь голодъ. Не было хлѣба. Мы сидѣли въ нашемъ родовомъ замкѣ. Нечего было ѣсть. Мы отперли всѣ наши сокровищницы, взяли алмазы, жемчуга, перлы, рубины, яхонты и стали ихъ молоть. Перемололи и драгоцѣнную муку замѣсили въ тѣсто и испекли драгоцѣнные пироги, но не могли ихъ кушать.

И мы померли съ голоду“.

Товарищи, пусть эта восточная сказка станетъ европейской дѣйствительностью.

Товарищи, превратите эту сказку въ быль.

И пусть они властвуютъ надъ тысячами банковъ, пусть они царствуютъ надъ тысячами акціонерныхъ обществъ,—съ голодомъ, небось, не справятся, голодъ не тетка, голодъ не трудящійся, его бумажкой не обманешь...

Товарищи! Объявите имъ голодовку, не дайте имъ хлѣба, не дайте имъ съѣстныхъ припасовъ,—и завтра они, буржуи, взяты безъ боя взяты.

Или съ голоду помрутъ, падутъ жертвами великаго бога капитала, или, что вѣроятнѣе, сдадутся на нашу милость.

И воцаримъ, водворимъ царство равенства на землѣ.

Іюнь, 1917 г.

Рѣчь четвертая.

РАВЕНСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЕ.

I.

Товарищи!

Въ предыдущей рѣчи я говорилъ о равенствѣ хозяйственномъ, о равномъ и справедливомъ распредѣленіи продуктовъ между членами данной общины, между жителями даннаго города или соучастниками данной коммуны.

Теперь я бы хотѣлъ съ вами поговорить о равенствѣ политическомъ.

Что я понимаю подъ равенствомъ политическомъ?

Подъ этимъ словомъ я разумѣю слѣдующее:

Всѣ люди должны быть правомочно равны, должны обладать одинаковой суммой правъ и полномочій, одинаковымъ количествомъ политическихъ возможностей, одинаковымъ правомъ повелѣвать, приказывать, предписывать, распоряжаться, — однимъ словомъ, должны быть надѣлены одинаковой долей власти.

Вы скажите, что, надѣливъ всѣхъ и каждаго одинаковыми правами, мы этимъ самымъ уничтожимъ право, и если облечемъ всѣхъ и каждаго властью, то власть этимъ самымъ утратитъ всю свою силу и даже сущность, ибо власть есть

существу что-то такое, чѣмъ обладаетъ часть, незначительное меньшинство общества, заявляя ее, примѣняя ее, какъ орудіе принужденія противъ цѣлаго общества, противъ всѣхъ, и въ отсутствіи ея у подавляющаго большинства, въ томъ фактѣ, что ею, властью, не всѣ надѣлены лежитъ вся ея сущность, вся ея магическая сила, и ея исключительность, ограниченность невсеобщность, ея принадлежность только нѣкоторымъ членамъ и есть ея основной неотъемлемый признакъ.

Можетъ, это такъ, но насъ это мало безпокоитъ.

Вѣдь отъ равнаго и справедливаго распредѣленія всѣхъ богатствъ между членами, жителями данной страны, отъ объявленіи всего накопленнаго хозяйственнаго „имущества" общимъ народнымъ достояніемъ, общей собственностью страна не становится бѣднѣй, и жители данной страны не дѣлаются бѣднѣе, а, наоборотъ богаче, и если они не становятся и никогда не станутъ богатыми, какихъ бы размѣровъ народное хозяйство и богатство ни было, то это оттого, что разъ оно, богатство, находится у всѣхъ, въ общемъ владѣніи, является общимъ достояніемъ, принадлежитъ всѣмъ безъ изъятія, то оно перестаетъ быть богатствомъ частнымъ, ибо нѣтъ ему въ данной странѣ или коммунѣ соотносительнаго понятія: бѣдность, нищета. А соотносительныя понятія не могутъ, какъ извѣстно, существовать одно безъ другого, и тамъ, въ той странѣ и становясь Крезомъ, богачемъ не назовешься, такъ какъ всѣ кругомъ являются точно такими же богачами, и никто никому въ этомъ не уступаетъ, и разъ это не служитъ отличіемъ, то мы его и особымъ словомъ выдѣлить не можемъ.

Мы никогда не говоримъ, что Иванъ, Степанъ, Петръ двуногій, двуглазый, двуухій, двурукій, одноносый, однорогій, такъ какъ у всѣхъ насъ, у всѣхъ людей есть, слава Богу, по двѣ ноги, по двѣ руки, по два уха, одинъ носъ, одинъ ротъ.

То же самое по отношенію къ власти. Разъ нѣтъ подчиненныхъ, послушныхъ, обязанныхъ безпрекословно повино-

ваться, то, пожалуй, нѣтъ и властвующихъ, власть имущихъ; но это происходитъ не оттого, что данный членъ сталъ бѣднымъ во власти, сдѣлался безправнымъ, безвластнымъ, а какъ-разъ наоборотъ; — оттого, что онъ становился богаче властью, не отъ суженія его области и измельчанія ея, а отъ ея расширенія, которое равняется ея углубленію. и если онъ не можетъ называться властвующимъ, власть имущимъ, такъ это по той простой причинѣ, что въ равной степени и одновременно съ нимъ и всѣ остальные, каждый и всякій сталъ полноправнымъ, неограниченнымъ хозяиномъ своего положенія. Никто не можетъ быть повелителемъ, потому что нѣтъ повинующихся. Нельзя быть деспотомъ, тираномъ, такъ какъ всѣ кругомъ, всѣ ближніе таковы же, равны во всемъ—и въ деспотизмѣ, и въ тираніи...

Гдѣ нѣтъ рабовъ нѣтъ и господъ. Но что значитъ: нѣтъ господъ? Это означаетъ, что тамъ слишкомъ много господъ, всѣ являются господами, а разъ всѣ, то уже, само собой разумѣется, никто.

То же самое здѣсь въ данномъ вопросѣ.

Нѣтъ властвующихъ, потому что всѣ властвуютъ, и никакъ не выдѣлиться никому на общемъ сѣромъ фонѣ подчиненности.

Возьму примѣръ, хоть простой, но наглядно выражающій эту мысль.

Мерцающая свѣчка ночью видна на большомъ разстояніи не потому, что въ ней много свѣта, а потому что кругомъ слишкомъ мало свѣта, что кругомъ царитъ тьма кромѣшная.

Лампа днемъ не видна на разстояніи, несмотря на то, что въ ней гораздо больше свѣтовыхъ силъ чѣмъ въ той, примѣрно взятой, мерцающей, догорающей свѣчкѣ, по той простой и общеизвѣстной причинѣ, что кругомъ свѣтло и невозможно выдѣлиться, привлечь вниманіе.

Въ безграмотномъ или малограмотномъ обществѣ каждый мало-мальски образованный человѣкъ, который учился понемногу, какъ-нибудь и чему-нибудь, прослыветъ „свѣтиломъ“, ученымъ, а въ образованномъ, интеллигентномъ или ученомъ

кругу даже настоящій ученый, знатокъ своего дѣла, и то не выдвигается, не отличается, мало замѣтенъ, не занимаетъ такого особеннаго положенія. Но это отнюдь не оттого, что послѣдній мало образованъ, обладаетъ меньшимъ запасомъ знаній, нежели второй, а вслѣдствіе болѣе высокаго уровня общества послѣдняго.

На безрыбьи и ракъ рыба, а среди щукъ и карась не рыба.

Мы не уменьшаемъ, не уничтожаемъ власти, а, наоборотъ, множимъ, увеличиваемъ ее, расширяемъ и углубляемъ настолько, что ея хватаетъ на каждаго и всякаго.

И если, что касается предметовъ потребленія, намъ ставили предѣлъ наличіе продуктовъ и количество производящихся при единицѣ времени, общественно необходимомъ рабочемъ времени для ихъ производства, т.-е. производительность труда,—то здѣсь въ области власти у насъ нѣтъ никакихъ преградъ, никакихъ препонъ, стѣсняющихъ и ограничивающихъ „ширь и раздолье воли", развѣ только свободные договоры, заключенные между вольными общинами, которые нѣсколько урѣзываютъ нашу власть, власть и возможности каждаго, но и это урѣзываніе опять-таки является равнымъ.

Я не отрицаю, что тутъ съ властью происходитъ странное превращеніе. Она переходитъ какъ бы въ свою противоположность, въ полную, неограниченную свободу. Но я, нисколько не стѣсняясь, скажу: власть есть свобода.

Свободенъ тотъ, кто обладаетъ полнотою власти. Одни властелины были свободными людьми.

Вспомнимъ буржуазно политическую поговорку:

„Не та страна свободна, въ которой нѣтъ законовъ, а та страна, въ которой царствуютъ законы".

Мы то же самое говоримъ, только немного иначе и болѣе точно и правильно, и болѣе справедливо.

Не та страна свободна, гдѣ власти нѣтъ или есть въ такомъ недостаточномъ количествѣ, что она является роскошью, которую могутъ себѣ позволить лишь избранные, выбранные, нѣсколько „отборныхъ" лицъ, самое ограниченное число

людей, а та страна, въ которой власти столько, въ такомъ изобиліи и излишествѣ, что ее надѣляется каждый и всякій безъ всякаго ущерба, безъ лишенія ее ближняго, другого.

Власти вдоволь и на всѣхъ хватаетъ. И если равенство хозяйственное означало равное распредѣленіе предметовъ потребности между людьми, между производителями и вообще трудящимися, — всѣмъ поровну: никому больше, никому меньше, всѣмъ одинаковое количество благъ земныхъ, всѣмъ и каждому по потребностямъ — то равенство политическое означаетъ равное и справедливое распредѣленіе всѣхъ функцій власти между членами данной общины, коммуны — персональной или территоріальной единицы — земли, страны, города.

Всѣмъ и каждому по политическимъ потребностямъ. Всѣмъ одинаковая доля во власти, одинаковое участіе въ „законодательствѣ“.

Болѣе конкретно:

Мы не можемъ, не нарушивъ самымъ безцеремоннымъ, грубымъ и уязвимымъ образомъ принципъ равенства, выдѣлить изъ нашей среды, такъ сказать, богачей права, властелиновъ, властителей, законодателей: депутатовъ, министровъ, президентовъ, и оставить всю массу народную, всѣхъ, подавляющее большинство народа, на правахъ и положеніяхъ незавидныхъ, невольныхъ и безвольныхъ, подчиненныхъ и повинующихся.

И что бы у насъ тогда получилось?

Масса, преобладающее большинство бѣдняковъ права и полномочій, нищихъ властью и одинъ, два Креза власти.

Получилось бы глубокое, подобное хозяйственному, политическое противорѣчіе: паріи и капиталисты права.

Паріи съ одной стороны, и капиталисты — съ другой, а между ними зіяющая пропасть.

Нѣтъ! Мы этого не желаемъ. Это вопіющее неравенство въ области политики мы такъ же категорически и рѣшительно отрицаемъ, какъ неравенство въ области хозяйства.

Мы такого общества, такого политическаго уклада тво-

рить не будемъ, а разрушать. Наше будущее общество будетъ основано на началахъ полнаго, незыблемаго, ненарушимаго равенства, какъ въ хозяйственной организаціи, такъ и въ управительной.

Если разрѣшите мнѣ выразиться образно, пользуясь принятыми въ теперешнемъ обществѣ „политическими" терминами и названіями, я скажу:

Мы объявимъ всѣхъ разомъ и заодно каждаго въ отдѣльности депутатомъ, министромъ, президентомъ, царемъ и, если вамъ угодно, даже самодержцемъ, но помните: всѣхъ всѣхъ поголовно, безъ всякаго исключенія, безъ какого бы то ни было изъятія.

Тогда у насъ получится, такъ сказать, государство самодержцевъ, точнѣе—самодержавіе самодержцевъ, неограниченныхъ сувереновъ?

Совершенно правильно: у насъ, въ нашемъ анархическомъ обществѣ всѣ люди—цари, но нѣтъ подчиненныхъ, поэтому нѣтъ царей.

Нѣтъ царей, ибо всѣ цари!

Вы всѣ вершаете вашу судьбу. Вы всѣ творите вашу волю, вашу свободную, вольную волю.

Вы всѣ властвуете.

Властвуете, но.., только надъ самимъ собою, такъ какъ не надъ кѣмъ больше властвовать.

Поймите, вѣдь, и второй, и третій и четвертый, и, наконецъ, всѣ до послѣдняго включительно являются равноправными членами даннаго общества, слѣдовательно, всѣ равны во власти, въ верховенствѣ, и если одинъ изъ членовъ оказывается, скажемъ, царемъ, то всѣ его окружающіе, не уступая ему во всемогуществѣ, тоже являются царями, вѣнценосцами.

А царь царю не царь,

Министръ министру не подвластенъ, а равенъ.

Не властелинъ, а коллега.

Вы всѣ, какъ люди, какъ члены новаго, анархическаго

общества, неприкосновенны. Вы всѣ суверены. Всѣ верховны!

„Вся власть народу!“

Этотъ лозунгъ, это требованіе было выставлено одной изъ самыхъ умѣреннѣйшихъ партій,

Но и мы, анархисты, большаго не требуемъ:

— Вся власть народу!

Полнота власти, неограниченность власти каждому человѣку изъ народа.

Но реализовать эту полноту власти, показать ее на дѣлѣ онъ можетъ только по отношенію къ самому себѣ, какъ положительно, такъ и отрицательно.

Положительно—онъ себѣ господинъ, повелитель, активные поступки его регулируются имъ самимъ, пассивное поведеніе его, отказъ, воздержаніе отъ дѣйствія опять отъ него только и зависятъ, онъ надѣленъ самыми широкими полномочіями, самыми верховными прерогативами.

Отрицательно—никто не имѣетъ права распоряжаться, располагать имъ ни по своему усмотрѣнію, ни по усмотрѣнію многихъ,—словомъ, никто надъ нимъ не властвуетъ, не предписываетъ ему обязательные дѣйствія и поступки, не настаиваетъ на воздержаніи отъ извѣстныхъ дѣйствій, актовъ, поступковъ образа поведенія.

Одинъ изъ глубочайшихъ и новѣйшихъ философовъ настроенія Ницше, утверждаетъ, что въ человѣческой натурѣ, въ человѣческой душѣ заложено „стремленіе къ власти“, „воля къ власти“.

Эта мысль истинна и красива. Но слово „власть“ надо замѣнить или вѣрнѣе, толковать, объяснить, обозначить словомъ „свобода“, какъ мы раньше сказали: истинная свобода есть власть, истинная, неизвращенная, не рабская власть: власть, которой злоупотребляли, есть свобода.

И нельзя не согласиться и съ этимъ положеніемъ освѣщающимъ всю душу и всѣ тайники духовнаго міра человѣка

Есть непреодолимое стремленіе къ власти.

Власть—это одна изъ самыхъ глубокихъ, самыхъ нутровыхъ, насущнѣйшихъ потребностей человѣческой природы.

Это стремленіе въ насъ равносильно жизни, равносильно существованію.

Существовать, быть—означаетъ властвовать.

Радость жизни есть радость власти.

Упоеніе жизнью есть упоеніе властью.

И поэтому мы предоставляемъ каждому почти неограниченныя возможности, даемъ всякому одинаковую, до предѣла вольности доходящую долю во власти.

И если продукты пришлось намъ поневолѣ дѣлить, сообразуясь съ нашимъ производствомъ и потребленіемъ, то здѣсь, при власти, дѣлить намъ не приходится и руководствоваться наличностью власти и численностью народонаселенія и устанавливать между ними извѣстную пропорцію и отношеніе намъ тоже нѣтъ никакой надобности.

Мы можемъ дать каждому не часть власти, а цѣлое, не часть, а все.

Власть есть неисчерпаемый источникъ, неизмѣримое количество, какъ воздухъ, вода, жизнь, смерть.

Каждому дано жить. Каждому дано властвовать.

Развѣ изъ того факта, изъ того положенія, что каждый живетъ, слѣдуетъ, что жизни нѣтъ?

Никоимъ образомъ! Жизнь есть въ такомъ неограниченномъ, въ такомъ громадномъ количествѣ, въ такомъ числѣ и мѣрѣ, не подлежащемъ учету изобиліи что она дается щедро, полной рукой каждому, всему живущему, всѣмъ и всему, не ограничивая, въ то же время доли другого въ жизни, не лишивъ никого права на жизнь.

Всѣмъ дана власть. Всѣмъ дано властвовать.

Каждый живетъ своей жизнью. Каждый властвуетъ своей властью.

У нѣкоторыхъ изъ васъ, навѣрно, уже всталъ вопросъ:

— Если мы всѣ цари, всѣ самодержцы, всѣ министры, сенаторы, какъ раньше было образно выражено, то какъ мы уживаемся вмѣстѣ, на какихъ основахъ держится наша совмѣстная жизнь, наше сотрудничество, наше сожительство?

Какъ рѣшаемъ спорные вопросы, возникающіе въ нашемъ обществѣ?

Очень просто. Какъ министры работаютъ вмѣстѣ? Развѣ ихъ совмѣстная дѣятельность протекаетъ въ предѣлахъ принужденія по отношенію одного къ другому? Развѣ министръ министру приказываетъ, и тотъ безпрекословно слушается?

— Нѣтъ!

А какъ?

— Они совѣщаются.

И мы совѣщаться будемъ.

Они основываютъ совѣтъ равноправныхъ коллегъ. И мы то же самое дѣлаемъ: основываемъ совѣты, гдѣ мы обсуждаемъ, освѣщаемъ и рѣшаемъ наши текущія и будущія дѣла.

Или какъ цари поступаютъ?

Заключаютъ союзы, договоры съ равноправными,

Мы точно такъ же поступимъ: будемъ основывать союзы равноправныхъ людей, заключимъ лишь свободные, добровольные договоры.

РАВЕНСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЕ.

II.

Товарищи!

Выслушавъ предыдущую рѣчь, нѣкоторые, можетъ, скажутъ, иронически усмѣхаясь:

Да, товарищи, у васъ, въ вашемъ новомъ обществѣ получится что-то въ родѣ „полка генераловъ безъ солдатъ“, все общество состоитъ по-вашему изъ однихъ царей, изъ однихъ министровъ,—странно немного!

Вѣрно, товарищи, наши полки, если можно такъ выразиться, будутъ состоять сплошь и рядомъ изъ однихъ генераловъ: всѣ — высшіе сановники, рядовыхъ, обыкновенныхъ смертныхъ нѣтъ.

Но это говоритъ не противъ нашего обществопонимания, а за то новое общество, глашатаями, проповѣдниками, строителями котораго мы являемся.

Каждый изъ васъ понимаетъ, что настоящій, добросовѣстный генералъ выше солдата и лучше послѣдняго, просто виднѣе, обученнѣе его военному дѣлу, знаетъ больше его въ военномъ искусствѣ, какъ практически, такъ и теоретически.

И если какая-нибудь страна будетъ настолько богата военными людьми, хорошо обученными военной техникѣ, посѣтившими военныя академіи, имѣющими заслуженные подвигами, самоотверженіемъ и безбоязненностью знаки боевого отличія, что сможетъ мобилизовать и выставить такую отборнѣйшую, превосходнѣйшую армію, состоящую исключительно изъ однихъ виртуозовъ, мастеровъ военнаго дѣла, неужели вы тогда скажете, что въ той странѣ арміи нѣтъ, или что армія ея плоха? Наоборотъ. Вы скажете, что и въ той странѣ, у того народа есть самая лучшая армія, превосходящая всякія чаянія и желанія имперіалистовъ,—армія образцовая, подобно которой нигдѣ нѣтъ.

Или что вы скажете про ту сказочную страну, которая лежитъ за океаномъ знанія, гдѣ каждый дровосѣкъ, каждый водовозъ, каждый чернорабочій имѣетъ ученую степень, является магистромъ права, кандидатомъ естественныхъ наукъ или даже философомъ?

Неужели вы скажете, что въ той странѣ нѣтъ образованія, нѣтъ знанія, нѣтъ просвѣщенія, нѣтъ духовной культуры? Вы этого не скажете, такъ какъ въ такой баснословной странѣ, которая мерещется въ минуты разгоранія воображенія страстнымъ ученымъ, есть слишкомъ много, въ чрезмѣрномъ количествѣ образованія. Но никакъ не мало!

Точно такъ же нельзя утверждать, что при проведеніи въ жизнь принципа политическаго равенства не будетъ, не станетъ власти, а воцарятся дикій произволъ, безобразное безначаліе, господство хаоса.

Это невѣрно. При политическомъ, правовомъ равенствѣ будетъ полный, пышный расцвѣтъ власти. Будетъ много

власти. Не худосочіе, скудость власти, а полнота и щедрость власти.

Но разовьемъ дальше нашу мысль. Перейдемъ къ критикѣ современнаго политическаго порядка.

Мы живемъ, какъ вамъ, навѣрно, извѣстно, при „демократическихъ“ формахъ правленія какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ имѣемъ республики, а у насъ мы хотимъ ввести „демократическую“ республику, полное народоправство. Это народоправство, какъ утверждаютъ либералы и соціалисты, зиждется на „равенствѣ передъ закономъ“.

Нѣкоторымъ изъ васъ покажется можетъ, что это равенство передъ закономъ и есть именно то политическое равенство, которое мы проповѣдуемъ, и тогда спросите меня, почему я не озаглавилъ своей предыдущей рѣчи словами „Равенство передъ закономъ“, а выбралъ другую формулу.

Не помѣшаетъ остановиться намъ на этомъ немного дольше.

Что такое равенство передъ закономъ, которое намъ буржуазія обѣщаетъ и которое она проводитъ и реализуетъ въ демократическомъ образѣ правленія? Полное совершенное неравенство!

Всѣ равны передъ закономъ!!

Но развѣ министръ, сенаторъ, президентъ и обыкновенный гражданинъ равны передъ закономъ? Ничуть не бывало. Первые облечены властью, имѣютъ право издавать извѣстные законные акты, правительственныя указанія, распоряженія, мѣропріятія: или же отмѣнять таковыя, а второй этого права не имѣетъ.

Развѣ простой гражданинъ и депутатъ равны передъ закономъ? Первый не имѣетъ права голосовать за такой-то и такой-то законопроектъ, ввести таковой или отклонить его,—словомъ, не имѣетъ права участвовать непосредственно въ законодательствѣ, а второй—имѣетъ. Такъ гдѣ же тутъ это равенство?!

На это мнѣ отвѣтятъ, что рѣчь идетъ вѣдь здѣсь не о

фактическомъ равенствѣ, а о законномъ, объ юридической возможности быть или стать депутатомъ. Это равенство гласитъ, скажутъ, что каждый гражданинъ въ отдѣльности можетъ попасть въ парламентъ, можетъ быть зачисленъ въ группу избранныхъ и выбранныхъ.

Но этотъ отвѣтъ неправиленъ.

Меня въ данномъ случаѣ, при анализѣ нашего политическаго уклада, не интересуетъ Иванъ или Петръ, а данная сумма гражданъ, которую мы оповѣщаемъ объ ихъ, якобы, равенствѣ. И тутъ спрашивается: развѣ они всѣ могутъ себя польстить хоть мыслью, надеждою, что они всѣ станутъ депутатами? Если тѣ будутъ избраны, то эти будутъ забаллотированы. И эти тѣ всегда будутъ означать единичныя личности, а эти—эти многомилліонныя массы народныя?..

Меня нисколько не безпокоитъ, почему данное лицо не является депутатомъ, а почему депутатами можетъ являться только ограниченное число лицъ. Слѣдовательно, здѣсь проводится, совершается нарушеніе равенства передъ закономъ послѣ того, какъ одинъ избранъ, и даже при избраніи ощущается это нарушеніе равенства передъ закономъ, ибо нельзя же говорить о равенствѣ, когда рѣчь идетъ именно о неравенствѣ, объ избраніи.

Повторяю, меня нисколько не занимаетъ конкретное лицо, данный человѣкъ а только абстрактное лицо, и никакой юридической возможности вѣдь нѣтъ при нашихъ демократическихъ законахъ, что бы A, B, C, D могли быть равны при избираніи съ X, Y, Z; вѣдь лишь одно конкретное лицо изъ всѣхъ, скажемъ, десяти тысячъ, можетъ быть избрано, а не всѣ десять тысячъ.

Изъ этого явствуетъ, что мы имѣемъ здѣсь налицо полное острое нарушеніе равенства даже передъ закономъ, такъ какъ законъ представительства, избранія, основа и фундаментъ нашего „демократическаго“ строя не допускаетъ никакого равенства, выдѣляя одного изъ всѣхъ, безразлично кѣмъ это конкретное лицо ни окажется.

Поясним примѣромъ. Развѣ можно сказать, что при ра-

зыгрыванiи всѣ равны передъ выигрышемъ? Конечно, нѣтъ. Мы не равны передъ выигрышемъ, благо мы всѣ, навѣрное, проиграемъ, лишь одинъ изъ насъ всѣхъ, удачникъ выиграетъ, а всѣ прочiе навѣрняка проиграютъ. Это вытекаетъ изъ основныхъ свойствъ разыгрыванiй. Вѣрно, заранѣе невозможно установить то лицо, которое выиграетъ, и, слѣдовательно, и тѣ лица, которыя окажутся въ проигрышѣ. Тѣмъ не менѣе, достовѣрно извѣстно, что выигрышъ выпадаетъ только на одного изъ всѣхъ, и при такихъ условiяхъ мудрено говорить о равенствѣ передъ выигрышемъ, и мы имѣемъ гораздо большее право говорить про равенство передъ проигрышемъ. Примѣрно, если сто человѣкъ участвуютъ въ этомъ разыгрыванiи, то мы впередъ знаемъ, что девяносто девять будутъ неравны этому одному, который выиграетъ. Невыясненнымъ остается вопросъ, кто окажется среди этихъ 99 и кто то конкретное лицо, которое окажется выигрывающимъ. Но это послѣднее—выясненiе, установленiе лица—насъ совершенно въ данномъ случаѣ не занимаетъ. Насъ интересуетъ равенство лицъ, участвующихъ въ лотереѣ. Безспорно, они не равны, такъ какъ этотъ актъ основанъ на неравенствѣ: удача одного, неудача многихъ.

То же самое съ нашимъ представительнымъ такъ называемымъ демократическимъ порядкомъ правленiя. Онъ весь основанъ на неравенствѣ, и рѣчи вовсе быть не можетъ о какомъ-то равенствѣ передъ закономъ. При нашемъ порядкѣ правленiя можно говорить съ гораздо большимъ правомъ о равенствѣ передъ беззаконiемъ, передъ безправiемъ, въ виду того, что всѣ при такомъ образѣ правленiя оказываются внѣ закона, внѣ безпосредственнаго влiянiя на законъ, на законодательство, и лишь одинъ на извѣстное число граждан становится господиномъ, повелителемъ закона, его вершителемъ.

Мнѣ могутъ на это возразить, что въ современномъ демократически буржуазномъ обществѣ всѣ люди все же равны передъ закономъ, а то, что я указываю, что они не равны и передъ закономъ, не надѣлены одинаковымъ количествомъ

рерогативъ и полномочій, то это неравенство является слѣдствіемъ фактическаго неравенства людей: одинъ способенъ, другой нѣтъ, одинъ образованъ, другой безграмотенъ, одинъ благороденъ, другой порочень.

Но и это не правильно Допустимъ, что всѣ граждане равны по своимъ способностямъ, по своимъ знаніямъ, что каждый изъ нихъ настолько же силенъ въ своей области, насколько другой твердъ въ своей, а тогда развѣ они будутъ равны передъ закономъ? Вѣдь, все равно, кто бы тамъ ни были эти избиратели, всѣ они не обладаютъ избирательнымъ пассивнымъ правомъ даже юридически, только одинъ изъ многихъ, скажемъ примѣрно, одинъ изъ 100 тысячъ.

Я остановлюсь на послѣдней иллюстраціи немного больше. Нѣтъ, мнѣ кажется, ничего болѣе охватывающаго, освѣщающаго и вскрывающаго всю сущность нашего политическаго уклада, при которомъ весь народъ является закованнымъ въ цѣпи закона, въ кандалы права, а свободными гражданами, полноправными, неприкосновенными членами являюся два, три министра, сенатора, т.-е соучастники, носители власти, чѣмъ этотъ примѣръ, взятый съ лотереи.

Какъ происходитъ этотъ обманъ, этотъ грабежъ права, это обираніе вольности у народа и сведеніе его на степень подчиненнаго? Какъ совершается это невѣроятное обогащеніе правомъ, властью этихъ немногихъ на счетъ этихъ многихъ, всѣхъ? Какъ это происходитъ, вѣдь съ виду тутъ нѣтъ никакого принужденія, никакихъ элементовъ насилія, а народъ какъ будто самъ лѣзетъ въ петлю принужденія, самъ напрашивается на это всенародное одурачиваніе?

Очень просто. Въ нашемъ такъ-называемомъ „демократическомъ“ укладѣ правленія происходитъ такъ-сказать вѣчное разыгрываніе „власти“.

Какъ реализуется разыгрываніе? Не принудительно, а добровольно. Тотъ, что разыгрываетъ, предлагаетъ вамъ взамѣнъ розыгрышнаго билета, который онъ вамъ преподноситъ и который вы у него пріобрѣтаете, вещь, предметъ, своей стоимостью превосходящій во много разъ сумму до-

негъ, затрачиваемую вами при покупкѣ билета. Словомъ, онъ предлагаетъ вамъ выгодную, весьма выгодную сдѣлку. Вѣрно, весьма рискованную, проблематичную, но зато очень прибыльную въ случаѣ, если выигрышъ будетъ вашъ. Чѣмъ онъ васъ беретъ? Приманкой, соблазномъ, возможностью выиграть сумму, многократно превышающую сумму затраченную.

Въ основѣ этого лежитъ игра, „авось“, случай. Вѣрнѣе, здѣсь чувствуется сила вѣроятности, возможности.

„Можетъ“ есть великая реальная сила, возможность удачи, успѣха.

Здѣсь нѣтъ увѣренности, но здѣсь есть допустимость. Даже больше допустимости: вѣдь одинъ-то, навѣрно, выиграетъ.

Конкретно. Разыгрываютъ самоваръ. Цѣна его 25 рублей. Билетикъ стоитъ 50 копеекъ. Какъ не пріобрѣсти билетика, когда за 50 коп. представляется тебѣ случай достать самоваръ, вещь, стоимость которой равняется 25 руб ? И народъ, убаюкивая себя этой обманчивой надеждой, покупаетъ, билетики. Билетиковъ продали, такимъ образомъ, 200. Тотъ, кто разыгрывалъ уже заработалъ 75 р. Одинъ изъ этихъ 200 выигралъ, получилъ самоваръ за 50 коп. 199 человѣкъ остались въ проигрышѣ, потеряли каждый свои 50 копеекъ. Если бы они не поддались ложнымъ надеждамъ, если бы они разсуждали общественно, не узко-эгоистически и самообманно, то они бы раньше сговорились, и весь обманъ всплылъ-бы наверхъ.

— Вѣдь всѣмъ намъ стоитъ самоваръ 100 р., а за 100 р. мы можемъ пріобрѣсти 4 самовара и предоставить ихъ въ общее пользованіе. Выйдетъ тогда одинъ самоваръ на 50 людей, а теперь, послѣ разыгрыванія, выходитъ одинъ самоваръ на 200 человѣкъ, и то мы не имѣемъ права пользоваться имъ, — онъ весь отдается въ собственность одному, и мы всѣ, всѣ 199, остаемся только съ обманутыми надеждами. И полный выигрышъ дѣлили между собой двое: который разыгрывалъ и который выигралъ.

Если бы они такъ судили, т.-е. если бы они разсуждали съ точки зрѣнія интересовъ общества, всѣхъ ихъ, всѣхъ 200 человѣкъ, то они, навѣрное, отказались бы отъ участія въ этой хитрой, выкачивающей деньги изъ кармановъ народныхъ затѣѣ. Они такъ не разсуждаютъ. И каждый покупаетъ билетики въ надеждѣ, что онъ выиграетъ, а всѣ проиграютъ. И каждый билетопокупатель является въ своихъ глазахъ, по наивности своей, по нерасчетливуму, близорукому эгоизму своему, выигрывателемъ. Хотя они должны были понимать, что всѣмъ выиграть вѣдь нельзя, а то не стали бы разыгрывать. Вѣдь разыгрываютъ съ цѣлью выгадать, получить у нихъ, какъ у цѣлаго, больше, чѣмъ имъ дадутъ.

Теперь перейдемъ къ демократическому образу правленія. Онъ основанъ на представительствѣ, на выборности

Тутъ совершается тотъ же обманъ.

Каждый прельщаетъ себя мыслью: вѣдь я могу попасть въ сонмъ счастливцевъ, въ число избранныхъ, вѣдь и я могу участвовать, если выберутъ меня, въ законодательствѣ, и я буду властвовать. Имѣю къ этому всѣ юридическія возможности. Вѣдь я—гражданинъ. Билетъ купленъ мною. И такая дешевизна. Могу властвовать надъ Россіей, выиграть такое могущество. И что оно мнѣ стоитъ? Мелочь. Подати, нѣкоторыя повинности. А получить могу все государство, управленіе въ компаніи съ другими всей этой великой страной, командованіе всѣмъ этимъ многомилліоннымъ народомъ. Выгодно до-нельзя. Лучше и не надо!

Но въ концѣ полное разочарованіе, не у одного лица, но у всѣхъ.

И если бы эти всѣ разсуждали здраво политически: если бы они исходили изъ истинной общественной точки зрѣнія, которая всегда совпадаетъ съ здоровымъ, реальнымъ эгоистическимъ соображеніемъ: если бы они исходили изъ эгоистическихъ интересовъ и возможностей, но дѣйствительныхъ, а не фантастично-болѣзненныхъ, построенныхъ на „авось“ и „можетъ быть“, на ничтожной долѣ допустимости и вѣроятности, а столковались бы всѣ вмѣстѣ и сказали бы:

зачѣмъ намъ такой образъ правленія, при которомъ, въ сущности, въ конечномъ счетѣ получаетъ власть, является законодателемъ одинъ изъ тысячи, изъ десятковъ тысячъ! Вѣдь мы всѣ, народъ, всѣ 10 тысячъ министрами, депутатами, сенаторами не станемъ. Къ чему питать ложныя надежды, которымъ въ совокупности не суждено осуществиться! Бросимъ эту лотерею власти, это разыгрываніе государствомъ.

Или же, если все ведется посредствомъ представителей, посредствомъ выборныхъ, то пусть и билеты то же купятъ одни выборные. Пусть одни выборные платятъ налоги, подати, несутъ повинности и обязанности, пусть выборные слушаются законовъ и исполняютъ ихъ.

А намъ-то что? Мы же всѣ, весь народъ, у власти не будемъ. Насъ же только одурачатъ, ошельмуютъ.

Прочь эту игру, эту обманную игру! Прочь этотъ методъ правленія, при которомъ каждый гражданинъ несетъ тяготы государства, но не получаетъ власти, получаетъ обязанности безъ правъ, которыя цѣликомъ принадлежатъ выборнымъ.

Въ тотъ день, когда народъ станетъ такъ разсуждать, не дастъ себя обманывать разнымъ „политическимъ дѣятелямъ", пойметъ суть этой махинаціи, этой лотереи,— въ тотъ день не станетъ нашего „демократическаго государственнаго строя" этого обманнаго, рабскаго порядка. Порядокъ, при которомъ всѣ проигрываютъ, всѣ порабощены, всѣ подчинены, всѣ обречены на послушаніе, на безпрекословное вынужденное повиновеніе, на вѣчное рабство при свѣтѣ свободы, который находится въ владѣніи депутатовъ, министровъ, сенаторовъ.

Гнусная лотерея! Разыгрываютъ государство: выигрываетъ нѣсколько правителей, нѣсколько власть получающихъ, а проигрываетъ весь народъ, всѣ и всѣ!

Но близокъ день,—народъ откроетъ глаза. Увидитъ, пойметъ и провозгласитъ настоящее равенство передъ закономъ, истинный смыслъ котораго означаетъ полное политически правовое равенство.

И тогда будетъ истинно-демократическій порядокъ, и вся

власть, полнота власти, твердая власть будетъ на самомъ дѣлѣ,—не на словахъ, не на листовкахъ, издающихся для привлеченія посредствомъ обмана избирателей изъ народа — принадлежать народу, вся власть—всему народу, и онъ будетъ въ лицѣ своего каждаго члена, сына народа, пользоваться ею въ полной мѣрѣ безъ всякихъ оговорокъ и хитрыхъ ограниченій, которыя сводятъ на нѣтъ самые многообѣщающіе лозунги, которыя превращаютъ самыя содержательныя, красивыя и великія слова въ игру въ безпонятіе, въ простой обманъ словомъ, пустымъ словомъ.

Но тогда при равенствѣ политическомъ, когда каждый и всякій, будетъ облеченъ полнотою власти, будетъ—анархія.

Іюль, 1917 г.

Рѣчь пятая.

СВОБОДА СОВѢСТИ, СЛОВА (УСТНАГО И ПИСЬМЕННАГО) И ПОВЕДЕНІЯ.

Товарищи!

Революція дала намъ, какъ завоеваніе, двѣ свободы: свободу совѣсти и слова, но не дарила намъ третьей свободы, свободы поступковъ, свободы поведенія, которая, въ сущности, является послѣдствіемъ двухъ названныхъ выше свободъ, вытекаетъ изъ нихъ логически, непосредственно, ихъ укрѣпляетъ, утверждаетъ, дѣлая ихъ практически цѣнными и на дѣлѣ осуществимо возможными.

Я бы сказалъ, что эти три вольности суть три сестры, дочери одной матери свободы,

Будь свободнымъ въ твоихъ мысляхъ! Будь свободенъ въ выраженіи этихъ твоихъ мыслей! Будь свободнымъ въ твоихъ поступкахъ, т.-е. поступай и веди себя сообразно твоимъ убѣжденіямъ—вотъ три заповѣди новаго завѣта, завѣта новаго человѣка.

Остановимся на этомъ болѣе подробно.

I.

Что такое свобода совѣсти?

Отвѣтъ простъ и общеизвѣстенъ, признанъ и принятъ ми политически и нравственно здравомыслящими. Онъ сить:

Каждому дано право исповѣдывать какое угодно ему оученіе, слѣдовать какому угодно вѣроисповѣданію, коое онъ считаетъ наиболѣе правильнымъ и справедливымъ, ѣчающимъ запросамъ его души, разума и сердца.

Но этотъ отвѣтъ, надо признать, страдаетъ однобокостью, шкомъ узокъ и одволинеенъ. Онъ устанавливаетъ исклюельно религіозную свободу, онъ говоритъ, что можно ь членомъ какой угодно религіозной секты и придержиься какого желательно религіознаго вѣрованья, исполнять іе угодно религіозные обряды, молиться, когда хочешь, у хочешь и какъ хочешь, свободное богослуженіе, своный культъ.

Этотъ отвѣтъ не удовлетворителенъ, ибо нашъ вѣкъ не ъ вѣры, а вѣкъ науки. И поэтому свободу совѣсти въ іяхъ ея оформленія, приноровленія къ духу времени, о такъ опредѣлить: каждому дано право придерживаться яхъ угодно ученій, законоположеній, доктринъ, міровозній и жизнепониманія, и обществоразумѣнія, быть каъ угодно убѣжденій какъ въ области философіи, такъ и области общественныхъ гуманитарныхъ наукъ.

Изъ свободы совѣсти вытекаетъ въ силу логической женой послѣдовательности, какъ что-то завершающее, увѣнивающее—свобода слова.

Какимъ образомъ?

Разъ предоставлено намъ право придерживаться извѣстсъ убѣжденій, признавать или отрицать извѣстныя наукооженія, утверждать или отвергать извѣстныя ученія, трение, душевно, для себя, для вырабатыванья и поеніе своего собственнаго міросужденія, то разумѣется

само собою, что намъ должно быть дано право и возможность выразить, представить въ словахъ въ объективномъ словесномъ выявленіи эти свои воззрѣнія. Живемъ вѣдь мы не въ глухонѣмомъ обществѣ. Человѣкъ есть говорящее животное, словесное существо. Человѣкъ есть соціальное животное, слѣдовательно и его „словесность" есть что то общественное, и его слово становится проповѣдью, рѣчью, словомъ, въ высшемъ значеніи этого слова. И намъ должно быть представлено не только право высказывать свои мысли и думы, но и проповѣдывать ихъ. Разъ человѣкъ позналъ истину, новую истину, или вновь открывшуюся ему, онъ не можетъ, психологически не въ состояніи ее скрыть, припрятать. это противно человѣку, онъ долженъ подѣлиться ею, распространять ее среди друзей, знакомыхъ и вообще людей, словомъ, учить. И этого права его лишить нельзя, не покушаясь на его свободу совѣсти, такъ какъ высказывать свои идеи, проповѣдывать свои или перенятыя, принятыя, признанныя ученія есть долгъ, есть священная обязанность и категорическое повелѣніе для каждаго нравственнаго человѣка. Все что я знаю должно стать общимъ достояніемъ, общей духовной собственностью. Какъ Христосъ говоритъ, кто зажегъ свѣчу, тотъ не ставитъ ее подъ спудъ, а на подсвѣчникъ, чтобы она всѣмъ свѣтила...

Итакъ, свобода слова неразрывно, органически, сочленно связана съ свободой совѣсти. Безъ свободы слова нѣтъ истинной настоящей полной свободы совѣсти, а есть карикатура на свободу совѣсти, жалкое, суженное до сведенія на-нѣтъ, стѣсненное въ самомъ себѣ до уничтоженія до номинальнаго права, ибо совѣсть намъ говоритъ, что каждая новая истина должна стать достояніемъ нашихъ ближнихъ.

Не для того ли я искалъ свѣту, чтобы поднести его другимъ, всѣмъ — восклицаетъ Гете—въ стихотвореніи-предисловіи къ своему первому тому стиховъ.

Далѣе, слово у насъ, цивилизованныхъ народовъ, двоякое: устное и письменное. Мы не только говоримъ, выражаемъ свою мысль, облекая ее въ звуковые символы, но и

пишемъ, символизируемъ наши мысли зрительнымъ изображенiемъ. И такимъ образомъ, получается у насъ вмѣстѣ со свободой слова и свобода печати, право писать, излагать въ письменной формѣ наши мысли, думы и чувства, и размышленiя посредствомъ печатнаго станка, и распространять среди народа, среди читателей въ видѣ книгъ, брошюръ, повременныхъ изданiй и даже ежедневныхъ газетъ.

Разовьемъ нашу мысль дальше въ томъ же направленiи. Изъ свободы совѣсти выводится свобода слова. Разъ человѣку дано право самому придерживаться или самому выработать извѣстные взгляды, воззрѣнiя на мiръ, жизнь и общество, то ему дано и право „внушать" свои взгляды и другимъ людямъ. „доказывать" ихъ правильность, истинность и цѣлесообразность. Эти ученiя и воззрѣнiя не ограничены какой-нибудь одной областью, они могутъ касаться и права и собственности, и государства, уклада семейной жизни или воспитанiя, или, наконецъ, хозяйственной жизни, болѣе точно, всѣхъ четырехъ институтовъ современнаго общества: хозяйства, семьи, школы и государства. Ибо во всѣхъ этихъ областяхъ человѣческой дѣятельности каждому человѣку дано право высказать свои сужденiя и проповѣдывать свои ученiя.

Но, товарищи, отсюда не вытекаетъ ли, что должна быть провозглашена и обезпечена каждому человѣку свобода поступковъ, свобода поведенiя.

Каждое ученiе ведетъ къ дѣйствiю, каждое убѣжденiе, каждое воззрѣнiе ведетъ, въ конечномъ счетѣ, къ поступкамъ. Различное жизни- и обществопониманiе диктуетъ намъ различное отношенiе, дѣйственное отношенiе къ жизни, къ обществу, къ человѣку.

Человѣкъ есть не только мыслящее, говорящее, но главнымъ образомъ дѣйствующее существо. Человѣкъ не только мыслитъ, говоритъ, но и поступаетъ, дѣйствуетъ, ведетъ извѣстный образъ жизни, производитъ извѣстныя акцiи.

И если человѣкъ свободенъ въ своихъ взглядахъ, въ своихъ воззрѣнiяхъ, въ своихъ убѣжденiяхъ, онъ не можетъ

не быть свободнымъ въ своемъ поведеніи, въ своихъ поступкахъ и обратно, если онъ не свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, то онъ не свободенъ, такъ сказать, и въ своей совѣсти, не свободенъ въ своихъ убѣжденіяхъ, ибо совѣсть намъ диктуетъ, повѣлеваетъ поступать такъ или иначе, совершить данный актъ или отказаться отъ него. Слѣдовательно, каждое ограниченіе нашихъ поступковъ, нашихъ дѣйствій—есть уже ограниченіе и лишеніе свободы совѣсти.

Свобода совѣсти, свобода убѣжденій безъ свободы поступковъ есть пустой звукъ, есть пустой обманъ.

Пояснимъ эту и безъ того простую мысль. Что значитъ свобода убѣжденій? Убѣжденіе есть психологическое или логическое понятіе извѣстное душевное состояніе, состояніе сознанія, оно все цѣликомъ лежитъ въ нашихъ мысляхъ, въ нашей „душѣ". Надъ нашими мыслями никто не властенъ. Мысль, если она не претворена въ дѣло, въ дѣйствіе не подлежитъ никакому постороннему учету. Злоумышленіе карается, вмѣняется, когда оно представлено въ актѣ, въ набросанномъ, задуманномъ планѣ, въ „заговорѣ".

Если я задумалъ „покушеніе" и никого въ этотъ планъ не посвятилъ, не облекъ этой мысли въ какую-нибудь форму, то меня карать за эту мысль не могутъ, не въ состояніи, ибо никто, кромѣ меня не „читаетъ" въ моихъ мысляхъ. И „мысль" такимъ образомъ всегда была свободна даже въ самыхъ деспотическихъ странахъ.

Гейне говоритъ объ обыскѣ, которому онъ подвергся, переѣзжая черезъ границу, обратно изъ Франціи. „Они меня обыскивали, чтобы не оказалось у меня запретныхъ рукописей, но сколько контрабандныхъ мыслей и идей въ моей головѣ".

Итакъ, свобода совѣсти, если понимать эту свободу узко ограниченно, буквально—теряетъ всякій смыслъ, ибо такой свободой люди съ начала вѣковъ пользовались пользуются, и будутъ вѣчно пользоваться, при всѣхъ мыслимыхъ режимахъ, государственныхъ порядкахъ—пока наша душа наши

мысли, наши воззрѣнія являются чѣмъ-то нашимъ, „личнымъ“, своимъ и какъ таковыя никому не доступны, не подвластны, никому не подчинены.

Ясно вамъ, товарищи, что со свободой совѣсти надо непремѣнно связать и свободу поступковъ, свободу дѣйствій или извѣстнаго объема дѣйствій и актовъ.

Еще болѣе, мы можемъ скорѣе мириться съ мыслью, что человѣку не дано право проповѣдывать, распрастранять своихъ ученій, своихъ убѣжденій, но никакъ не можемъ мыслить свободу совѣсти безъ свободы поступковъ и поведенія.

Возьмемъ примѣръ. Иванъ является по своимъ политическимъ воззрѣніямъ противникомъ милитаризма. Мы можемъ лишать его права выступать съ проповѣдью своихъ „зловредныхъ“, тлетворныхъ „идей“, но мы никакъ не можемъ не покушаясь на свободу его совѣсти, заставитъ Ивана служить въ солдатахъ, или платить военные налоги и т. п.

Свобода поступковъ, я бы сказалъ, даже элементарнѣй, проще и болѣе настоятельно вытекаетъ изъ свободы совѣсти, чѣмъ свобода слова, или, что вѣрнѣй, свобода слова есть часть свободы поступковъ. И если бы современныя законодательства были бы болѣе послѣдовательны и выдержаны, были бы разумно построены, что никогда не бываетъ, то они бы регламентировали рядомъ съ свободой совѣсти изъ нея вытекающую свободу поведенія, словеснаго и дѣйственнаго, т.-е. свободу слова и дѣйствія.

II

Товарищи! Поставимъ одинъ вопросъ: почему господствующій классъ боится свободы поступковъ?

Болѣе наводяще на отвѣтъ было бы, если мы сформилируемъ такъ вопросъ:

Почему господствующій классъ не боится свободы слова и печати?

На это найдемъ отвѣтъ, какъ только вскроемъ сущность этихъ названныхъ свободъ и ограниченность примѣненія и пользованія ими.

Дѣло, товарищи, вотъ въ чемъ:

Всѣ люди говорятъ. Всѣ люди умѣютъ облекать свои мысли въ словесную форму, умѣютъ свои понятія символизировать посредствомъ и съ помощью словъ, умѣютъ бесѣдовать, разговаривать, объясняться. Но всѣ эти виды „рѣчи“ бесѣды не подходятъ подъ понятіе свободы слова, ибо въ этихъ „семейныхъ“ частныхъ или личныхъ бесѣдахъ или рѣчахъ никто не былъ ограниченъ, эти бесѣды и рѣчи не выходятъ за семейный кругъ, не выносятся за домашній порогъ—и онѣ не подлежатъ никакимъ законамъ, никакому регулированію: никогда еще не созданъ былъ такой деспотическій, варварскій режимъ, чтобы можно было бы за каждымъ подсматривать, каждаго подслушивать, окружать каждаго гражданина цѣлымъ штатомъ охранниковъ и подслушивателей. Такая задача превышаетъ силы самаго лучшаго государства.

Послѣ сказаннаго, разумѣется, что подъ словомъ свободы слова надо понимать свободу публичнаго слова, свободу выступленія, право говорить на собраніяхъ, митингахъ и т. п.

Этимъ правомъ, несмотря на то, что мы всѣ имъ надѣлены въ одинаковой степени, не можемъ мы всѣ граждане въ одинаковой степени пользоваться, реализовать его. Почему? Просто потому, что не всѣ мы обладаемъ даромъ слова, даромъ краснорѣчія и умѣньемъ излагать и развивать публично свою мысль. И среди насъ находится только ограниченное и весьма ограниченное число лицъ, которыя въ состояніи реализовать это право, право свободнаго публичнаго слова, ихъ мы называемъ ораторами, агитаторами.

Свобода слова анологична свободѣ пѣнія—но вѣдь не всѣ обладаютъ музыкальнымъ талантомъ, не всѣ обладаютъ красивыми, пріятными голосами. И если бы у насъ была провозглашена, беремъ какъ примѣръ и анологію, свобода декламаціи или пѣнія, то ею, этой свободой, могла бы воспользоваться

зоваться только кучка людей, такъ называемыхъ артистовъ, пѣвцовъ. То же самое происходитъ со свободой слова, этимъ правомъ пользуются только артисты слова, люди обладающіе особымъ талантомъ, риторики, ораторы — а народъ активно этого примѣнять не можетъ.

И въ этомъ тайна безвредности данной свободы для имущихъ и господствующихъ. Этимъ правомъ, этой свободой, пользуется ограниченное число лицъ, владѣющихъ тонкимъ искусствомъ изустнаго слова. А разъ ихъ число ограничено, то эта свобода не можетъ уже серьезно угрожать существующему злу, существующему безпорядку, такъ какъ ихъ, этихъ отдѣльныхъ лицъ, можно первымъ дѣломъ подкупить прямо или косвенно, тайно или скрыто, превращая ихъ въ профессіоналовъ разнаго рода и толка, и то ничтожное меньшинство истинныхъ друзей народа, которые неустрашимо скажутъ всю правду, можно обезвредить, мобилизуя противъ нихъ цѣлые кадры продажныхъ, подкупныхъ ораторовъ.

Такъ обезвреживаютъ сильные и господствующіе свободу слова, превращая ее изъ орудія борьбы за свободу, за новую жизнь, за новыя формы жизни и общежитія въ средство укрѣпленія и утвержденія существующаго порядка и зла, свобода слова становится въ ихъ рукахъ орудіемъ нападенія на истинныхъ неустрашимыхъ борцовъ за народъ за правду, и орудіемъ защиты своихъ шкурныхъ интересовъ.

Послѣ всего сказаннаго не придется уже много говорить о свободѣ печати. Письменное слово есть одно изъ величайшихъ искусствъ, имъ владѣютъ избранные изъ избранныхъ, самая незначительная часть человѣчества, малочисленная группа лицъ, такъ что о продажности ихъ, этихъ господъ письменнаго слова, лишне даже распространяться. Нѣтъ почти того писателя, того ученаго, который бы не искажалъ истины, соціально политической, экономической истины въ угоду властвующимъ, господствующимъ, богатымъ. У нихъ и деньги, кафедры, и даже „безсмертіе“ въ ихъ рукахъ. Вѣдь народъ такъ плохо, мизерно вознаграждаетъ своихъ тружениковъ, онъ ихъ едва спасаетъ отъ голодной

смерти. Почти всѣ ученые Европы служатъ кривдѣ, а не правдѣ, ибо кривда доходна, прибыльна, а правда бѣдна, гонима, преслѣдуема. И отъ нея не поживешься. Къ тому еще надо прибавить то, что, для оборудованія періодическаго изданія, требуется громадная денежная затрата, которая по плечу только имущимъ и властвующимъ.

Слѣдовательно, и свободой печати пользуется широко и умѣло только господствующій и властвующій классъ, для народа эта свобода роскошь, о которой онъ и мечтать не смѣетъ. Эта свобода для привилегированныхъ. И этой свободой они пользуются во вредъ народу, чтобы обмануть народъ, чтобы одурачить его, чтобы совратить его съ истиннаго пути народнаго творчества и созданій новыхъ формъ общежитія. Свобода печати для народа это все равно что право имѣть свой автомобиль и содержать шоффера — для нищаго. Право есть, но нѣтъ никакой возможности пользоваться этимъ правомъ.

Теперь мы уже уяснили себѣ, почему властвующіе и господствующіе не боятся свободы слова и свободы печати. Наоборотъ, послѣ краткаго изслѣдованія оказалось, что она, эта свобода, имъ на руку, служитъ ихъ интересамъ. Итакъ, какая свобода является въ сущности народной, демократической? На этотъ вопросъ можетъ быть одинъ только отвѣтъ. Мы не точно выразились, отвѣтовъ можетъ быть много, но истинный, вѣрный отвѣтъ можетъ быть одинъ, а именно: свобода поступковъ.

Человѣкъ изъ народа является не человѣкомъ слова, не человѣкомъ печати, о которой въ большинствѣ случаевъ народъ и понятія не имѣетъ, а человѣкомъ дѣла; народъ не словомъ крѣпокъ, а дѣломъ, поступкомъ, дѣйствіемъ.

Революцію на словахъ, на страницахъ газетъ, въ разныхъ брошюрныхъ изданіяхъ дѣлаетъ интеллигенція, но революцію на самомъ дѣлѣ, революцію не за письменнымъ столомъ, а на улицѣ дѣлаетъ народъ.

Ибо гдѣ дѣло, гдѣ дѣйствіе, тамъ народъ, тамъ чело-

...съ изъ народа. Народъ живетъ истиннымъ творчествомъ,—...момъ, дѣйствіемъ.

Народъ дѣйствуетъ, поступаетъ, выявляетъ себя активно въ своемъ поведеніи и народная свобода означаетъ для на...а—свобода поступковъ, такъ народъ ее и понимаетъ, ...ъ онъ ее реализуетъ. Онъ ее иначе понимать не можетъ. ...я народа нѣтъ другой свободы и не можетъ быть. Всѣ ...альныя свободы это только для имущихъ и властвующихъ, ...угнетателей — всѣ остальныя свободы не за народъ, а ...ы сказалъ, противъ народа, все это придумано для того, ...бы болѣе успѣшно обмануть, одурачить народъ, чтобы ...вче затянуть петлю законовъ и власти вокругъ шеи на...дной, чтобы народъ еще больше опутать.

Если мы хотимъ освободить народъ, то передъ нами одинъ пу...ь, одно средство дать народу свободу поступковъ.

Спросите крестьянина, не испорченнаго эс-эровскими сту...тами и не одураченнаго разными бабушками, кумуш...и революціи, какъ онъ понимаетъ свободу, и онъ вамъ ...жетъ, вѣрнѣй не словомъ, а отвѣтитъ вамъ поступкомъ: ...ватомъ земли, т.-е какъ свободу поступка спросите солдата, ...спорченнаго оборончествомъ и тому подобными теченіями, ...ъ онъ понимаеть свободу и онъ вамъ отвѣтитъ не дву...мысленно...

Вы его клеймите „неграмотнымъ", темнымъ, взбунтовав...ся рабомъ, дезертиромъ, но поймите же, интеллигенты, ... народъ свободы иначе понимать не можетъ, какъ сво...у поступать, такъ или иначе, по своему усмотрѣнію и ...ему желанію. Послѣ всего сказаннаго намъ ясно, какъ ...ъ, почему имущіе и всѣ государствующіе такъ боятся этой ...ободы, свободы поступковъ, ибо эта свобода по духу сво..., по существу своему свобода „народная" и лишь, завое...ь эту свободу, народъ станетъ свободнымъ. И день осво...жденія народа есть день гибели для господства, для власти ... богатства и прочихъ цѣпей.

Надъ свободнымъ народомъ нельзя властвовать! Свобод...наго народа нельзя и не возможно угнетать! Свободнаго на-

рода нельзя безнаказанно грабить, нельзя эксплуатировать, изъ свободнаго народа нельзя выжимать последнiе соки и превращать ихъ въ золото, въ богатство, въ алмазы.

Согласитесь, что это очень странно, въ Европѣ имѣемъ столько свободъ, что ихъ не счесть: свобода совѣсти, свобода слова, свобода стачекъ, свобода союзовъ, печати, свобода собранiй и проч., и проч., а народъ остался рабомъ какимъ и былъ. Даже болѣе, узы тяжелѣютъ съ каждымъ днемъ, рабство растетъ и охватываетъ все больше и больше областей. Странно и недоумѣнно! Не такъ ли?!

У насъ много свободъ, но не для народа. Дайте одну свободу, свободу поступковъ, и въ мигъ народъ станетъ свободнымъ, могучимъ, властелиномъ, хозяиномъ своего положенiя, своего богатства, своего хозяйства.

Одна свобода нужна народу и ее онъ жаждетъ. Одна такая свобода,—и не станетъ ни грабителей ни похитителей, ни тирановъ, ни царей, ни министровъ и проч. паразитовъ.

Одна свобода—и народъ освобожденъ, ибо эта свобода—свобода для народа, доступна народу и ею онъ сможетъ пользоваться.

И поэтому этой свободы такъ страшатся всѣ паразиты, всѣ тунеядцы современнаго общества, всѣ богачи, всѣ палачи и угнетатели народа.

Эта свобода означаетъ конецъ ихъ власти и могущества. Какъ ночь бѣжитъ свѣта дня, такъ бѣжитъ зло, власть, богатство этой свободы.

Эта свобода есть—анархiя.

III.

ПРЕСТУПНОСТЬ СВОБОДЫ СОВѢСТИ, СВОБОДЫ СЛОВА БЕЗЪ СВОБОДЫ ДѢЙСТВIЙ И ПОСТУПКОВЪ.

Образцовый типъ государства,—вѣрно, онъ жестокъ, слишкомъ строгъ, но зато нельзя ему отказать въ выдержанности, мы видимъ въ немъ цѣлую систему, последовательно проведенную и олицетворенную въ различныхъ инсти-

тыхъ доктрину—это самодержавіе. Одинъ управляетъ всѣми, владѣетъ все, распоряжается всѣмъ, какъ хозяинъ своимъ дѣломъ, своимъ домомъ, своей фабрикой, заводомъ. Все что вредно ему, самодержцу, должно быть удалено изъ предѣловъ даннаго владѣнія его, изъ его земли. Онъ самодержецъ—всѣ граждане вѣрноподданные. Кто не вѣрноподданный, тотъ достоинъ кары, не можетъ не наказуемо находиться въ предѣлахъ его владѣній. Онъ вершаетъ судьбу своихъ гражданъ. Онъ отецъ, главарь государства, онъ его охраняетъ. Все что вредно, каждая дѣятельность, даже образъ мышленія ученіе, вѣрованія, представленныя въ устномъ словѣ или печатномъ,—должны быть силой закона, во имя охраненія и укрѣпленія устоевъ государства, т.-е. самодержавія, пресѣчены, участники, соучастники, всѣ эти злоумышленники должны понести подобающее, соотвѣтствующее ихъ преступной дѣятельности, наказаніе.

Нельзя грѣшить противъ государства и помыслами своими, облеченными, отлитыми въ объективныя проявленія, въ слова. Это строго дисциплинарно, сурово, — но правильно, законно, логически-послѣдовательно.

Разъ хозяинъ государства, царь, олицетворенъ, отождествленъ государствомъ, то всякіе выпады, всякія нареканія, всякія задѣванія и указанія должны считаться незаконными, предосудительными поступками, которые влекутъ за собой взысканія, мѣры противодѣйствія, т. к. они вредны государю, а это одно и то же, государству, укладу общества, что все равно по старымъ тогдашнимъ понятіямъ,—обществу.

А „общество" выше всего, ему должна личность уступать. И вредный элементъ, антиобщественный, тотъ человѣкъ, который смѣетъ итти противъ общества, не заслуживаетъ никакой пощады, съ нимъ надо круто расправиться, чтобы не развелось среди насъ такихъ. Въ назиданіе колеблющимся и надменнымъ, которые посмѣютъ подражать его примѣру. Нельзя распространять тлетворныя идеи, тлетворныя ученія, вредныя положенія, ни устно, ни письменно. Нельзя ничего печатать безъ особаго на то разрѣше-

нія. Ибо слово, что мечъ, что отравленная, напоенная ядомъ стрѣла. И слово, проповѣдь можетъ болѣе напакостить, чѣмъ дѣйствіе, чѣмъ злоумышленные поступки.

И въ образцовомъ государствѣ существовали запретныя ученія, запретныя воззрѣнія, запретныя, или гонимыя, преслѣдуемыя, заслуживающія всякаго рода репрессій, вѣрованія, религіозносектантскія, инакомыслящія, иновѣрующія нравоученія, обрядоученія.

Такъ приблизительно разсуждали всѣ тираны, всѣ деспоты, всѣ самодержцы и сообразно своимъ сужденіямъ и разсужденіямъ дѣйствовали, принимали всѣ мѣры предохраненія общества отъ вредныхъ, пагубныхъ членовъ его, которые вносятъ неладъ, сумятицу, смуту, дезорганизацію въ жизнь, въ укладъ, установленный и нормированный, строго-правильно, по параграфамъ, порядокъ. И пресѣкали они ученія этихъ послѣднихъ вредныхъ, зломыслящихъ, или инокомыслящихъ, инокоучащихъ въ самомъ началѣ, при зарожденіи, въ зачаткѣ, такъ сказать въ корнѣ. Не дали ему разводиться и приниматъ угрожающія благополучію существующаго у насъ „порядка", что равносильно общества, формы и размѣры. Не допустили, чтобы пожаръ, такъ сказать, вспыхнулъ, были приняты всѣ мѣры предосторожности, охраны: сыскное, жандармерія, слѣдили за каждымъ, за всякимъ, за каждымъ неправильнымъ крамольнымъ жестомъ, и въ случаѣ возникновенія, вспыхиванія, сейчасъ же на мѣстѣ его потушили, задушили, задавили, не будучи разборчивыми въ мѣрахъ, въ средствахъ, въ способахъ. Передъ великой цѣлью огражденія простола, т.-е. общества, что значатъ средства?!

Всѣ средства оправданы. Такъ когда-то разсуждали, въ старомъ древнемъ мірѣ, въ старой Руси.

Какъ теперь разсуждаютъ?..

Придерживаться такихъ взглядовъ, не хватаетъ смѣлости, не хватаетъ государственнаго духа,—и пускаются въ безконечный оппортунизмъ, въ шатанія, ни туда ни сюда,

утверждаются. Нѣтъ цѣльности, нѣтъ типа. Все мелко, половинчато, компромиссно, уступчиво.

Наши государственные дѣятели и мыслители современной „демократической" Европы отстали отъ берега самодержавія, чистаго, идеальнаго типа государства и къ берегу анархіи не пристали, и плывутъ они въ утлой ладьѣ мнимой научности, по грозному морю общественности, шатко, валко, и на сторону. Не признаютъ ни государственности, ни личности. Ни признаютъ ни свободы, ни рабства. Ни раскрѣпощенія человѣка, развитія его колоссальныхъ возможностей и стихійности ни закабаленія его во имя великаго скованнаго кровью и желѣзомъ гранитомъ и чугуномъ многихъ народовъ, могучаго государства.

Ни того, ни другого. Ни то ни се. Ни попъ ни хлопъ. Полумѣры, полушагъ Полоученія. Полуслова. Одни противорѣчія.

Неприкосновенность личности и судъ, тюрьма, ссылка, даже смертная казнь. Слова, красивыя слова, безъ всякаго исчерпывающаго содержанія.

Свобода съ рабствомъ въ одной вѣчной схваткѣ, нѣтъ ни свободы и нѣтъ и рабства выдержаннаго на дѣлѣ и на словахъ, въ дѣйствительности и въ законѣ.

Свобода—страшна, анархія!

Рабство—ужъ прошли тѣ времена. Что-то неловко передъ исторіей, передъ самимъ собой признаться, называть вещь своимъ именемъ—и тутъ идутъ цѣлыя горы недомолвокъ, недомыслія, непослѣдовательностей, оглядокъ и опасокъ, мѣръ и противомѣръ.

Современый порядокъ управленія есть ублюдокъ, смѣшанная порода, порожденіе переходнаго состоянія въ формахъ жизни, въ управительной дѣятельности, и онъ содержитъ въ себѣ всѣ дефекты всѣхъ, съ обѣихъ сторонъ заключающихъ его строевъ, всѣ недочеты стараго режима, только въ замаскированной формѣ, въ скрытомъ видѣ, не камень преткновенія, который видишь, избѣгаешь, координуешь

твой шагъ, чтобы не поскользнуться, споткнуться, а подводный камень.

Вѣрнѣе наше демократическое правленіе, наше современное государство представляетъ собой зло стараго рабства съ иллюзіей свободы.

Боже, какъ вредны эти иллюзіи, какъ пагубны онѣ для наивныхъ людей, которые воображаютъ временами, что они живутъ въ свободной культурной странѣ!

Признайтесь, кто изъ насъ не наивенъ, не достаточно наивенъ, чтобы не быть обманутымъ этими красивыми обѣщаніями, этими кажущимися свободами, вольностями.

Весь народъ наивенъ. Всѣ народы наивны.

И въ этомъ вся тлетворность, пагубность существующаго демократическаго порядка. Его невыдержанность. Его неустановленность. Растяжимость предѣла законнаго и незаконнаго.

Въ этомъ я усматриваю даже провокаціонность, хотя безсознательную.

Какое-то подстрекательство къ преступленію. Не предотвращеніе злоумышленій, а допущеніе ихъ, смотрѣніе сквозь пальцы на ихъ приготовленія, на ихъ наростаніе въ словѣ, въ печати, въ организаціи мысли и мышленія, въ созданіи настроеній, предшествующихъ этимъ противозаконнымъ дѣйствіямъ.

Выходитъ, какъ Маркъ Твенъ выражается въ одномъ мѣстѣ очень остроумно устами его героя, начальника сыска въ Америкѣ,

Не наше дѣло предупредить преступленіе, а наше дѣло карать за него совершителей, преступниковъ.

Вамъ покажется это очень страннымъ. Но не удивляйтесь. Отъ одного шага къ настоящей свободѣ, а двухъ шаговъ назадъ отъ сободы не можетъ ничего лучшаго получиться.

И этотъ образъ мышленія старъ, какъ міръ, какъ нельзя лучше онъ представленъ въ теологіи, въ теологическомъ правосудіи. Богъ судья міра, судья и каратель человѣка.

Но этотъ Богъ вездѣсущъ и всевѣдущъ, значитъ онъ знаетъ, что данный человѣкъ близокъ къ грѣху, стоитъ на грани преступленія, а все-таки онъ не удалитъ его отъ проступка, отъ соблазна. Наоборотъ, по понятіямъ теологовъ, онъ ему самъ и посылаетъ испытанія, чтобъ испробовать его, зная заранѣе, что онъ не выдержитъ. Не удерживаетъ отъ грѣха, хотя онъ всемогущъ, и хотя онъ освѣдомленъ о готовящемся прогрѣшеніи, но послѣ совершенія его, когда ужъ бѣдѣ не поможешь, когда прошлаго не воротить, вѣдь надъ совершившимся никто не властенъ, ни человѣкъ, ни Богъ, ни сатана. тогда онъ являетъ свое милосердіе и караетъ и наказываетъ за совершеніе преступного дѣянія.

Вѣдь какая несправедливость. Могъ предотвратить убійство, а не предотвратилъ, пассивно поощрялъ его, а потомъ караетъ, въ то время, когда онъ самъ, самъ Богъ, заслужилъ, нѣкоторымъ образомъ долю наказанія.

Народный анекдотъ разсказываетъ.

На небѣ въ Верховномъ судѣ судили покойника вора, представшаго передъ Богомъ и судилищемъ. Вынесли ему приговоръ. Тѣлесное наказаніе: 1000 розогъ. Воръ покорился, примирился, но недоумѣвающе вопрошалъ:

Милостивые, правдивые судьи! На томъ свѣтѣ все держится на обманѣ, на неправдѣ: это я зналъ.

Но этотъ свѣтъ и этотъ судъ я считалъ правдивымъ и справедливымъ, а оказывается, что и здѣсь ни правды ни правосудія нѣтъ.

— Въ чемъ же дѣло — удивились всѣ судьи, въ томъ числѣ и самъ Богъ. Ты хочешь опротестовать приговоръ? на какихъ основаніяхъ? Все сдѣлано по закону.

— Какъ, по закону—сказалъ съ задоромъ воръ, чувствуя за собой силу правды, У меня же былъ пособникъ при всѣхъ моихъ кражахъ, а почему мнѣ одному нести всю кару, выпить всю чашу наказанія. Дайте мнѣ, если вы правильно судите, 500 розогъ, и ему 500 розогъ.

— Да кто же былъ твоимъ пособникомъ, помощникомъ? Въ книгахъ у насъ ничего не значится.

— Посмотрите еще разъ,—распорядился Богъ, входя въ положеніе подсудимаго. Принесли книги, въ которыхъ велась запись всѣхъ его кражъ и воровства со взломомъ и безъ взломовъ, обозначены тамъ дни, ночи, часы, минуты, и подробное описаніе всѣхъ обстоятельствъ каждой кражи, гдѣ, что при какихъ условіяхъ, однимъ словомъ, полный дневникъ. Но ни единаго слова тамъ не было о его соучастникѣ, объ его помощникѣ.

— Не было у тебя никакого помощника.

— Какъ же не было — возмущается воръ, быль. — Передъ каждой кражей я страстно горячо молился въ сердцѣ Богу, чтобы онъ мнѣ помогъ, и онъ мнѣ помогъ. Кража увѣнчалась успѣхомъ, удачно сошла съ рукъ, не поймали меня, утащилъ все, что плохо лежало, а вы говорите не было помощника. Безъ Бога, ни до порога, а я добрался на цыпочкахъ до кабинета, до спальни, гдѣ хранились драгоцѣнности.

Судьи усмѣхнулись, но спохватились и стали сердчать, дѣлая суровыя лица, и хмуря пасмурно брови.

Богъ, понуривъ сѣдую, увѣшанную серебряными локонами голову, промолвилъ тихо-тихо:

— Онъ правъ. Я достоинъ наказанія. Я беру на себя половину кары.

Пусть же у современнаго государства хватитъ мужества признаться въ своей преступности по отношенію къ гражданамъ, какъ Богъ это дѣлалъ въ этомъ теологическомъ разсказѣ.

Государство виновато почти всегда въ попустительствѣ, въ пассивномъ укрывательствѣ, въ непринимапіи мѣръ къ пресѣченію задуманнаго преступленія.

Свобода слова, печати - безъ свободы дѣйствій, что это если не полная, явная, прямобьющая въ глаза каждаго здравомыслящаго, провокація, явное поощреніе къ совершенію, предусмотрѣнныхъ уложеніемъ, дѣяній и актовъ.

Имѣю право говорить, развивать свои противозаконныя ученія, объяснять, проповѣдовать свои противогосударственныя

убѣжденія, доказывать и убѣждать въ ихъ правотѣ и правильности. Имѣю право собирать народъ и публично выступать въ защиту этихъ своихъ тлетворныхъ идей, воззрѣній, ученій, доктринъ. Устраиваю рядъ лекцій. Организую слушателей. Организую общество приверженцевъ, людей, признающихъ мои ученія, согласныхъ со мною. Собираемся регулярно, періодически, устраиваемъ клубы, разсадники этихъ противозаконныхъ идей и запретныхъ пагубныхъ мыслей. И въ концѣ концовъ когда все готово. Плодъ созрѣлъ и падаетъ съ дерева. Когда идея и ученіе у многихъ изъ приверженцевъ становится настолько сильной, настолько повелительной, что она выливается въ дѣйствіе, въ поступокъ въ волевой объективный актъ—тогда является государство въ лицѣ его уголовной милиціи и караетъ за этотъ поступокъ, какъ за противозаконное дѣйствіе. Но вѣдь каждая идея, по незыблемымъ законамъ психологіи и физіологіи, по основнымъ свойствамъ нашего организма, нашей нервной системы, ведетъ неминуемо, неостановочно, безудержно къ дѣйствію, къ поступку, и тогда или карайте идею, или, если вы считаете мысль, внутренній міръ, не наказуемымъ, то и дѣйствіе не подлежитъ взысканію; тутъ и сказывается провокаціонность государства. Оно попустительствуетъ, даетъ плоду созрѣть, даетъ совершить всю подготовительную работу, и этимъ самымъ поощряетъ эту работу пассивно, но когда оно падетъ, то этотъ актъ паденія, она инкриминируетъ и обрушивается за него на посягателя, на субъекта.

Это преступленіе со стороны нашего демократическаго государства. Это *провокація.* Оно провицируетъ насъ, создавъ иллюзію свободы, давая намъ начать нашу дѣятельность, пока она внутри, но какъ только она обнаруживается, что неминуемо, то оно эти обнаруженія, эти проявленія караетъ.

Мы скорѣе можемъ мириться со старымъ „государствомъ“, сфера контроля котораго надъ гражданиномъ была неограничена, вплоть до чтенія въ мысляхъ, благонадеженъ или нѣтъ, чѣмъ современнымъ, которое сохраняетъ сущность

стараго, измѣняя нѣкоторыя ничтожныя, несущественныя формы, и этимъ не только не улучшаетъ положеніе гражданъ, но еще ухудшаетъ, такъ какъ оно само ихъ соблазняетъ, и послѣ само караетъ.

Итакъ, свобода совѣсти, слова и печати требуетъ неминуемо, справедливо, неизбѣжно свободы поступковъ, свободы поведенія.

А свобода поведенія—
Есть Анархія.
Да здравствуетъ свобода,
Т.-е. да здравствуетъ Анархія!

Апрѣль, 1917 г.

Рѣчь шестая.

ЧТО ТАКОЕ АНАРХІЯ?

Товарищи!

Наша жизнь, говорятъ намъ, основана на порядкѣ. Говорятъ о современномъ, о капиталистическомъ порядкѣ; говорятъ о разныхъ порядкахъ.

Но страненъ и уродливъ этотъ міръ, міръ причудливыхъ, безпорядочныхъ порядковъ.

Вы всѣ слышали о такъ называемыхъ „аграрныхъ безпорядкахъ". Что же это такое? А вотъ что: крестьяне отняли и отобрали у помѣщика землю—и вотъ вамъ безпорядокъ.

Но вѣдь теперь-то и начался настоящій дѣйствительный порядокъ.

Развѣ то, что земледѣлецъ безъ земли, а бездѣльникъ съ землей, развѣ это терпимо, развѣ это порядокъ?

Но глядите дальше! Не вездѣ ли творится тоже самое? не вездѣ ли господствуютъ безпорядки?

Безгранична область человѣческаго дѣйствія, безгранично и число безпорядковъ.

Вы всюду встрѣтите безпорядки. Тугимъ кольцомъ охвачена ими вся наша жизнь, все хозяйство, вся культура:

И среди сѣраго, мутнаго, „безпорядочного" фона нашей жизни выдѣляются, рельефно вырисовываются пять основ-

ныхъ, пять кардинальныхъ, всеохватывающихъ,—пять безпорядковъ.

Четыре института, четыре устоя для рабства поддерживаютъ величественный колоссъ, храмину жизни.

Четыре устоя: капиталъ, государство, воспитаніе и бракъ.

Начнемъ съ перваго. Возьмемъ обширнѣйшую область хозяйства. Посмотримъ какъ дѣло обстоитъ здѣсь,

Все создано человѣкомъ.

Все хозяйство, вся внѣшняя культура, весь блескъ величія созданъ человѣкомъ и только имъ.

Великъ титанъ жизни—трудъ. Все создано имъ, все создано посредствомъ него.

Казалось бы, что трудъ долженъ быть возвеличенъ, и что трудящійся—первенецъ на землѣ.

Вѣдь имъ и только имъ создано все богатство, все то, что называемъ, что названо культурой и что названо хозяйствомъ.

Но развѣ въ жизни такъ?

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Хозяйствомъ владѣетъ тотъ, кто его не создалъ, богатствомъ—тотъ, кто его не собиралъ.

Говорятъ о „желѣзномъ законѣ заработной платы", но умѣстнѣй говорить о „желѣзномъ законѣ бездѣльничьей платы". Трудящимся — ничто, бездѣльникамъ — все, вотъ основная формула нашего общества.

Казалось бы, что тотъ, кто трудится больше, долженъ имѣть и награду больше, кто трудится меньше, тому и награда меньше.

Но дѣло обстоитъ иначе.

Чѣмъ меньше его работа, тѣмъ больше его награда, тѣмъ богаче его хозяйство, тѣмъ безумнѣй его прибыль.

И трудящійся, безпрерывно несущій на себѣ всю тяжесть и проклятіе труда, что имѣетъ онъ? Ничего!

Чѣмъ менѣе работаетъ человѣкъ, тѣмъ болѣе имѣетъ, Наоборотъ, имѣющій меньше, работаетъ больше.

Работающій 24 часа имѣетъ меньше, чѣмъ не работающій столько же.

Но если васъ постигло „несчастье“, если вы оказались „безработнымъ“, если вы — Рябушинскій или Рокфеллеръ— благословите свою судьбу.

Кафе и шантаны, пѣвички и кабаки къ вашимъ услугамъ. 24 часа бездѣлья приносятъ горы золота.

Таковъ порядокъ нашего времени, нашего общества. „Золотой“, желѣзный порядокъ!

Подобный же безпорядокъ царитъ и въ политикѣ, въ отношеніи человѣка къ человѣку, класса къ классу и, наконецъ, націи къ націи. Вѣдь есть же народы „малые“ и народы „великодержавные“. Народы-„пролетаріи“ и народы-эксплоататоры: народы-„буржуа“.

Современныя Англія и Франція, Америка и Германія и являются среди націй тѣмъ же, чѣмъ буржуа въ нашемъ современномъ, капиталистическомъ обществѣ.

Порабощеніе націи идетъ тѣмъ же самымъ путемъ, что и порабощеніе класса. Сначала завоеваніе и захватъ, затѣмъ насилованіе и эксплоатація. А чтобы удержать порабощенный народъ въ повиновеніи прибѣгаютъ къ вооруженной силѣ и натравливанію одной мелкой народности на другую. Рука объ руку съ этой кулачной силой идутъ и вѣрныя защитницы сильныхъ міра сего—Наука и Религія. Въ ихъ „культурномъ“ шествіи занимаетъ не послѣднее мѣсто и школа.

Такъ многогранно и многоразлично куются цѣпи для новаго порабощеннаго.

Очень часто говорятъ о самоопредѣленіи. Самоопредѣленіе, какъ лозунгъ, было выдвинуто и русской революціей. Но мы не защитники этого лозунга. Не самоопредѣленія, но равенства для народовъ требуемъ мы. И притомъ—равенства для в с ѣ х ъ народовъ: ни одинъ народъ не можетъ „самоопредѣлиться“ за счетъ другого. Если самоопредѣленіе—то для всѣхъ, и Англіи, и Франціи, и Америкѣ, и Германіи только одно самоопредѣленіе и не больше, чѣмъ самоопредѣленіе.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію третьяго безпорядка. Будемъ говорить о женщинѣ. Какая же картина предстанетъ предъ нашимъ взоромъ. А картина вотъ какая: ужасающее безправіе. Огромная часть человѣческаго рода, часть наиболѣе благородная и человѣчная, эта часть лишена зачастую элементарнѣйшихъ человѣческихъ правъ.

И какъ бы ни маскировали, какъ бы ни скрывали, истина пробивается наружу, и приходится признать положеніе женщины отчаяннымъ.

Женщина совершенно задавлена и подавлена той тяжестью обязанностей и безправія, которая возложена на нее.

И пусть намъ не говорятъ о крошечныхъ, о крохотныхъ правахъ современной женщины; пусть не говорятъ объ эмансипаціи.

Право, эмансипація ничего не рѣшаетъ. Да и, вообще, право ничего не рѣшаетъ и не можетъ рѣшить.

Мы хотимъ настоящей свободы, а не эмансипаціи для женщины.

Мы хотимъ освобожденія женщины отъ ига домашняго хозяйства и современной семьи.

Мы хотимъ видѣть женщину — личность, женщину — человѣка.

Женщина же рабыня, женщина безъ правъ намъ не нужна. Она позоръ и проклятіе нашего общества.

Четвертый безпорядокъ—самый нелѣпый, самый кошмарный. И это—власть человѣка надъ человѣкомъ. Это—приказаніе одного и подчиненіе другого.

Всѣ нелѣпости, всѣ ужасы жизни—все отъ этихъ роковыхъ для человѣка приказаній и подчиненій.

Повѣрьте никто изъ правителей и вождей не посмѣетъ совершить то, на что онъ посылаетъ другого. И комиссаръ не посмѣетъ убить человѣка, но приказъ красноармейцамъ будетъ выполненъ. — Мѣшечникъ или бандитъ будутъ разстрѣляны „на мѣстѣ“. Такова ужъ сила послушанія.

И здѣсь начинается та грань, что отдѣляетъ человѣка отъ животнаго.

Прежде былъ хотя авторитетъ Бога. Но кто же вѣритъ въ него теперь?—Никто. Да и сомнительно, чтобы сердце царево было въ рукѣ Божьей. Сердце Троцкаго и Ленина навѣрно ужъ не въ рукахъ божьихъ,

Или быть можетъ авторитетъ Совѣта. Но развѣ намъ совѣтуютъ? Нѣтъ, отъ Совѣта исходятъ лишь приказанія.

И развѣ самъ народъ лишенъ своего здраваго, естественнаго смысла. На что ему совѣтская опека. Развѣ пять или десять человѣкъ умнѣе и честнѣе всего народа? Нѣтъ-же! Такъ зачѣмъ намъ слушаться ихъ.

Но быть можетъ скажутъ: выборная власть лучше невыборной.

На дѣлѣ однако такъ не оказывается, да и не можетъ оказаться. Этому мѣшаетъ само существо выборовъ. Вѣдь на лотторею власти выиграть могутъ только немногіе. Да и тѣ, въ конечномъ итогѣ, уступаютъ свое мѣсто тоже немногимъ. Такъ представительство всего народа подмѣняется представительствомъ немногихъ.

Имъ же вручается и вся полнота власти. Но что сталось съ остальными? Вѣдь они остались такими же безправными, какъ и прежде. И даже хуже: прежде у нихъ было все же хоть право выбора; теперь же они лишены и этого. Правителей вѣдь не переизбираютъ; ихъ приходится свергать.

Истинное народоправіе это анархія. Въ анархіи всѣ люди равны и всѣ имѣютъ права.

Отмѣтимъ еще одну черту, характерную для демократіи. Эта черта—рѣшеніе вопроса путемъ голосованія.

Поднятіемъ рукъ рѣшаются важнѣйшіе вопросы общественной жизни.

Поднятіе рукъ это наслѣдіе прошлаго. Прежде когда вопросы права рѣшались силой, поднятіе рукъ (собственно кулаковъ) имѣло свой опредѣленный смыслъ. Смыслъ настолько опредѣленный, что меньшинству поневолѣ приходи-

лось подчиняться велѣніямъ большинства, ибо непослушаніе вело къ кровавой расправѣ

Теперь же голосованіе потеряло тотъ смыслъ, что прежде; да и развѣ можно искренняго, убѣжденнаго человѣка принудить перемѣнить свое мнѣніе, только потому, что такъ желаетъ большинство.

Исторія показала намъ всю безсмысленность подобнаго утвержденія своихъ убѣжденій. Ни одна сколько-нибудь сильная личность не подчинится велѣніямъ большинства.

Велѣнія большинства по большей части противорѣчатъ велѣніямъ нашей совѣсти. И нѣтъ такихъ вопросовъ, которые не сводились бы, въ конечномъ счетѣ, къ вопросамъ совѣсти и убѣжденія. Поэтому должно поступать только согласно велѣніямъ своей совѣсти, къ тому же повелѣвающее большинство не всегда является и большинствомъ. Зачастую большинство это призрачное, обманное. Вѣдь и Николай Второй имѣлъ свое большинство; но было ли его большинство, большинствомъ народа?

А въ этомъ приходится сомнѣваться.

Перейдемъ къ слѣдующему пятому безпорядку, теперь мы будемъ говорить о воспитаніи.

Мы такъ привыкли къ нашему воспитанію, къ его недостаткамъ. Къ чему мы привыкли, того не замѣчаемъ.

Взгляните! Въ Москвѣ около $1^1/_2$ милліона праведныхъ. Но откуда они? Кто—они? На чемъ утверждено ихъ православіе. Быть можетъ на изученіи, на изслѣдованіи? Но кто занимается этимъ изученіемъ? Кто изслѣдуетъ? Отвѣтимъ: никто! Но быть можетъ, ученіе Христа лучше, чѣмъ ученіе Будды, или ученіе идолопоклонниковъ.

Но, развѣ, это доказано?

Вспоминаются слова Руссо: „Вопросъ спасенія—вопросъ географіи“.

Блаженъ родившійся въ Римѣ, и горе рожденному въ Мексикѣ, умершемъ въ Канадѣ. Закрыты предъ ними врата

спасенія, ибо звѣзды Мексики не приведутъ къ Вифлеему и тропинки Канады не приводятъ въ рай.

Какъ наслѣдство, какъ ненужный родовой хламъ, передается вѣра изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ отца къ сыновьямъ.

Какъ бабушкино тряпье, какъ тетушкина рвань. И слава мятежникамъ, слава бунтарямъ. Авраамъ разбилъ идолы отцовъ своихъ. Пусть же каждый разобьетъ свой идолъ, пусть каждый разрушитъ капище своихъ отцовъ.

Свободная человѣческая мысль превыше всего. Съ каждаго и каждому по его разуму.

Развѣ не преступленіе убить человѣка?

— Но преступнѣе тысячекратно убить душу живую, Душу молодую и неокрѣпшую.

Мерзко разстлѣніе,—но разстлѣніе души становится ли лучшимъ?

Кто хочетъ торжества своихъ идей, пусть проповѣдуетъ. Такъ поступали основоположники великихъ ученій. Вѣдь и слово Христа раздавалось на площади, а Сократъ училъ и на рынкахъ. Такъ долженъ поступать и каждый. Убѣди и я увѣрую. но не учи, не воспитывай!

Вотъ мы и перечислили всѣ пять безпорядковъ современнаго общества. Пять основныхъ, на которыхъ держатся и другіе.

Но гдѣ же выходъ?—Спросите Вы—гдѣ рѣшеніе? Есть-ли оно? Отвѣчу вамъ!

Какъ мы рѣшаемъ первый рабочій вопросъ? А вотъ какъ!

Частной собственности не должно быть. Все должно принадлежать всѣмъ. Каждый долженъ трудиться. Кто какъ можетъ и на что способенъ. Съ каждаго по способности, каждому по потребности.

Общество должно быть единымъ. Классы уничтожены.

Нѣтъ больше богатыхъ и бѣдныхъ. Всѣ богаты и всѣ трудятся.

Не будетъ больше и злодѣяній, исчезнутъ и преступленія. Ибо большинство преступленій отъ собственности. У насъ же все общее.

А какъ рѣшается второй вопросъ—спросите вы. А вотъ какъ?

Собственность на территорію должна быть уничтожена; народы должны наконецъ стать свободными, земля должна принадлежать всѣмъ и каждому. Народы грабители, должны исчезнуть, народы—„пролетарій“ должны быть освобождены. И тогда только настанетъ миръ на землѣ.

Въ Библіи сказано: гдѣ ступитъ нога твоя, тамъ земля твоя и домъ твой.

Мы же говоримъ: и небо и земля и все твое.—Твое и для каждаго.

Народы могутъ существовать лишь какъ персональныя психологическія, но не территоріальныя единицы.

Такой идеалъ мы называемъ *націоналъ-космополитизмомъ*.

Съ исчезновеніемъ же отечества исчезнутъ и войны и оккупаціи, ибо война потеряетъ свой прежній смыслъ и станетъ невозможной и ненужной.

Нынѣшній порядокъ будетъ существовать, пока существуетъ и государство.

Такъ интересы личности и народа сливаются въ одномъ стремленіи—стремленіи къ уничтоженію государства.

И власть и территорія—элементы государства. И они-же должны быть уничтожены. Разъ и навсегда! Не родина, а отечество должно быть уничтожено. Въ чемъ же ихъ разница? А вотъ въ чемъ!

Родина—понятіе психологическое, отечество-же понятіе политическое. Съ понятіемъ отечества тѣсно связаны лишь разбой и грабежъ.

Съ понятіемъ же родины—только романтика.

Переходимъ къ разсмотрѣнію нашего третьяго идеала. Рѣчь будетъ идти о домашнемъ воспитаніи, и домашнемъ хозяйствѣ.

Воспитаніе должно быть отдѣлено отъ семьи. Воспитаніе

это—тончайшее ремесло; болѣе того, это—искусство. Но развѣ всѣ люди хорошіе воспитатели, развѣ всѣ люди педагоги.

Мало любить своего ребенка, надо умѣть его и воспитывать. А это умѣютъ далеко не всѣ. И потому мы за отдѣленіе воспитаніе от семьи, за выдѣленіе воспитанія. Воспитаніе должно находится не въ рукахъ матерей, а въ рукахъ педагоговъ. И школа должна быть вольной, свободной. Въ ней нѣтъ мѣста ни власти государства, ни суевѣрію церкви, ни даже обманамъ науки.

Спенсеръ, однажды, сказалъ: если просмотримъ наши программы, то покажется, что у современныхъ людей совершенно нѣтъ дѣтей.

И дѣйствительно. Мыслимо-ли оставить ребенка на воспитаніи матери. Да и гдѣ ей угнаться за всѣмъ. Вѣдь кромѣ воспитанія, на ней лежатъ еще и тяготы домашняго хозяйства.

Но и это должно быть уничтожено. Домашнее хозяйство должно стать общимъ; женщина должна стать свободной.

Съ нея должно быть снято все кромѣ ея свободы.

Теперь мы скажемъ о четвертомъ началѣ Анархіи.

Здѣсь намъ придется говорить объ освобожденіи человѣка. И мы говоримъ:

Человѣку—его право быть человѣкомъ;—ни подчиненія, ни угнетенія.

Наше общество это—общество свободныхъ и равныхъ людей. Въ нашемъ обществѣ право защиты и труда принадлежитъ всякому и каждому.

Въ этомъ же обществѣ дѣло обстоитъ иначе.

Фактомъ своего рожденія я уже становлюсь членомъ принудительнаго общества, подданнымъ государства, сыномъ отечества.

Но хочу-ли этого?

— Развѣ объ этомъ у меня спрошено?

— Такъ, не желая рабства, я становлюсь рабомъ.

А между тѣмъ, мое „я“ свободно; личность моя экстер

риторіальна, внѣ отечествъ, внѣ границъ. И мое дѣло войти или не войти въ государственный союзъ.

Но въ томъ то и дѣло, что никакая изъ бывшихъ, да и будущихъ властей не согласится на это. Не согласится на это даже и совѣтская власть.

И еще одна черта характерна для государства. Это—его страсть къ опекѣ. Государство и кормитъ, и поитъ, и оберегаетъ.

Но мы не хотимъ „благодѣяній" государства. Намъ ненуженъ государственный кормъ.—Отъ него у насъ только голоднѣе въ желудкѣ. Не нужна намъ и государственная защита—отъ нея мы только беззащитнѣй.

Вѣдь ни одно государство не спасаетъ насъ отъ преступленій, какъ не спасаетъ оно отъ убійствъ, или грабежа. Такъ къ чему же оно!

Однажды Богъ спросилъ Каина: „Каинъ почто убилъ брата своего. Развѣ ты не преступилъ заповѣдь данную тебѣ".

И отвѣтилъ ему Каинъ: „Я согрѣшилъ, но и Ты грѣшникъ, вѣдь Ты зналъ, вѣдь Ты позволилъ совершиться насилію. И что зовешь меня преступникомъ. Развѣ Ты, попустившій, не преступникъ". (Талмудъ).

Нѣкто совершилъ преступленіе. Онъ наказанъ. Но почему не наказано и государство.

Оно вѣдь оберегаетъ насъ—пусть оно и отвѣтитъ.

Я вамъ разскажу и иную сказку. Сказку о пяти мышахъ.

Жили нѣкогда пять мышей. Жили онѣ дружно и въ довольствѣ. И вотъ возгордились мыши и стали говорить: „не мы ли стережемъ богатства человѣку, не мы ли хранимъ его и поля и дома. И что стало бы съ человѣкомъ, если бы не служба наша вѣрная.

Какъ бы онъ уберегъ свои поля, какъ уберегъ бы амбары и клѣти; что сталось бы съ его кладовыми и жилыми помѣщеніями.

Пять государственныхъ мышей, пять комиссаровъ, сидятъ и стерегутъ наши богатства.

Стерегутъ они крѣпко, а богатства все таютъ и таютъ.

Да и какъ уберечь—вѣдь кругомъ мыши-то все сидятъ. Отъ нихъ развѣ убережешь.

Сидитъ, напримѣръ, мышь продовольствія и думаетъ, что кормитъ насъ. А на дѣлѣ выходитъ—кормится сама.

Сама, да около нея разныя тамъ звѣрушки: комиссарчики, да подкомиссарчики, четверть-комиссарчики и всякіе прочіе „ангелы-хранители“.

Ну, конечно, народу хлѣба и нѣтъ.

А дѣло такое же и съ другими мышами. Кормятъ, поятъ и оберегаютъ насъ во—какъ оберегаютъ!—а на дѣлѣ выходитъ сами кормятся, да себя оберегаютъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію пятаго начала—къ освобожденію молодежи.

Когда-то было сказано: „Все прощается человѣку, только не его ошибки“. (Гете).

Мы же говоримъ: Господи, дай намъ побольше ошибаться. Вѣдь ошибка это наша учительница; она стимулъ и ею движется человѣческая жизнь. И молодежь должна ошибаться; тогда только она научится жизни.

Дайте же ей возможность ошибаться. Не вталкивайте молодежь въ узкія школьныя стѣны. Дайте ей ширь и просторъ. Тогда она научится жить.

Многіе думаютъ, что корни анархизма лежатъ въ политикѣ. Мы же думаемъ—они въ воспитаніи.

Возьмите животныхъ. Въ чемъ ихъ воспитаніе—въ томъ, чтобы дать имъ навыки; навыки полезные и жизненные. И кошка любитъ свое дитя. И она его учитъ. Но учитъ она его жизни и тому, что къ жизни.

Мы же, мы не учимъ нашихъ дѣтей жизни. И потому школа наша такъ безконечна мертва и безжизненна.

Изъ школы, наконецъ, долженъ быть изгнанъ пріютившійся тамъ раціонализмъ. Вѣдь задача школы не—„чистка понятій“, но старательная подготовка къ жизни.

Истинная школа—внѣ Государства, внѣ Церкви, но въ

ней нѣтъ мѣста и наукѣ. Основой школьнаго воспитанія должна стать техника и только она.

Техника, ремесла и искусство, вотъ что положили мы въ основу нашей школы.

Учите трудиться, мудрствовать же научится каждый.

——

Товарищи! Анархизмъ не только соціальное ученіе. Нѣтъ! Анархизмъ и міровоззрѣніе, анархизмъ и міропониманіе, анархизмъ и культуропониманіе.

Это новая культура, новая философія и новая жизнь.

Анархизмъ, это и свободное міропониманіе свободнаго человѣка. Фантомы религіи, обманы науки надъ свободнымъ силы не имѣютъ.

И вотъ взгляните на жизнь. Что движетъ человѣкомъ? Гдѣ тайна его движенія впередъ? Отвѣтимъ вамъ: недовольство.

Недовольство лежитъ во всѣхъ насъ.

Оно является и основой всякаго человѣческаго движенія. Оно же и основной мотивъ въ психикѣ каждаго техника. И потому мы ставимъ технику первоосновной жизни и общестностроительства.

Рядомъ съ физической и органической техникой найдетъ себѣ мѣсто и техника соціальная.

Она одна только и сможетъ рѣшить „проклятый вопросъ“ общества. Больше никто!

Религія и наука оказались безсильными. Вѣдь что же дала намъ Религія? И она принесла свой свѣтъ на землю, но въ томъ-то и дѣло, что свѣтъ былъ свѣтомъ обманнымъ; обманомъ же нельзя удовлетворить человѣка.

Ты страждешь—говорила Религія, но Богъ успокоитъ тебя. Не тебѣ ли принадлежитъ Царство Божіе. Не ты ли тамъ царь!

Но человѣку нужно реальное „здѣсь“, а не туманное „тамъ“, ибо этого „тамъ“, этого туманнаго „тамъ“ и нѣтъ вообще и нигдѣ.

Несчастный Рябушинскій. Никогда очи его не узрятъ вратъ Царства Христова. Ибо заперты двери Царства для него. Но что ему до Христа вашего. Богъ у него есть, богъ Рябушинскаго приметъ его.

Вспоминаются слова Бисмарка. Онъ сказалъ: народу нужна вѣра, ибо безъ нея каждый захотѣлъ бы этого реальнаго міра.

Но развѣ это позволятъ господствующіе. Развѣ тогда не наступитъ часъ ихъ всеобщей гибели.

И вотъ народъ держится въ обманѣ. Но долго обманомъ трудно держаться. И на смѣну религіи приходитъ наука.

Все существующее разумно—устами Гегеля провозглашаетъ наука.

И что значатъ страданія и скорби человѣка. Разъ только они объяснимы, они становятся разумными, понятными и необходимыми. Законы же природы вѣчны и непреложны, и не въ силахъ человѣка измѣнить ихъ предвѣчные пути.

Такъ говоритъ наука. И такъ она оправдываетъ творимыя сильными преступленія.

Посмотрите на ученыхъ—всѣ они реакціонеры. И всякое ихъ ученіе ложно и реакціонно. Да и не мудрено: вѣдь человѣкъ, занимающійся оправданіемъ дѣйствительности, по существу своему реакціонеръ.

Наша идеологія—это техника. Она одна защищаетъ и блюдетъ наши интересы, интересы всѣхъ угнетенныхъ. Рядомъ съ нею стоятъ ремесла и искусства.

Наука же и религія, созданы лишь для обмана, для отвлеченія угнетенныхъ отъ настоящаго, реальнаго міра.

Мнѣ вспоминается „Дѣлежъ міра“.

Когда Зевесъ сотворилъ небо и землю, многіе приходили къ нему и каждому онъ давалъ что-нибудь. Такъ купцу онъ далъ аршинъ и вѣсы, ремесленнику—щипцы и молотъ и каждому по его способности. Но вотъ пришелъ наконецъ и поэтъ. Онъ опоздалъ—все было ужъ роздано. Но милостивъ былъ богъ Зевесъ, не хотѣлъ онъ обидѣть и поэта. И сказалъ: всѣмъ я далъ по ихъ способности, дамъ я и тебѣ даромъ моимъ будетъ *воображеніе*.

И все, что захочешь, будешь имѣть, но только въ воображеніи. Такъ поступаетъ съ народомъ религія. Все реальное отдаетъ другимъ—ему оставляетъ одно воображеніе, потусторонній міръ.

И вотъ еще сказка. Жили на свѣтѣ два брата. И много у нихъ было богатствъ. Пришло время имъ раздѣлиться. И взялъ старшій братъ все себѣ, а младшему далъ зеркало И когда тотъ возропталъ, сказалъ ему старшій; не всѣ ли богатства имѣешь въ зеркалѣ.

И повѣрилъ меньшой братъ старшому.

И сталъ старшій владѣть всѣмъ богатствомъ; младшему же оставилъ только зеркало, отраженіе богатства.

Пошелъ отъ него меньшой братъ и жилъ въ страшной нуждѣ, ибо всѣ богатства его были мечты.

Не зеркаломъ ли этимъ являются наука и религія. Не онѣ ли освѣщаютъ тотъ проклятый порядокъ, когда сильнымъ принадлежатъ богатства, а слабымъ *только* мечта.

Мы скажемъ—да. Такъ это и есть. И потому прочь отъ этихъ сѣтей лжи и обмана, прочь отъ религіи, прочь отъ науки.

— И да грядетъ техника.

Религіей и наукой мы обезволены; религіей обезволены во имя воли Божества, наукой во имя закона природы. И вотъ въ результатѣ убита наша личность и поражено наше „я“.

Возьмите исторію нашей интеллигенціи—вѣдь это сплошная исторія безволія.

И понятно. Вѣдь интеллигентность это—ядъ, внѣдряющійся и разлагающій наше „я“. И чѣмъ сильнѣе и глубже его дѣйствіе, тѣмъ безсильнѣй становится наша воля, тѣмъ ничтожнѣй наши дѣла.

Не такимъ мы хотимъ видѣть человѣка. Нѣтъ, мы хотимъ видѣть человѣка сильнымъ и вольнымъ, человѣка, колѣни котораго не подогнутся передъ жалкимъ истуканомъ лжи и обмана.

Къ созданію человѣка, *такого* человѣка мы и стремимся.

Мы идемъ къ новому обществу, къ новому человѣку, къ сильному, вольному человѣку—мы идемъ къ анархіи!

Москва.
Май, 1918 г.

ПРОТИВЪ БОГА И ПРИРОДЫ.

(Рѣчь петроградскаго т. Гордина на диспутѣ съ свящ. Введенскимъ, устроенномъ по иниціативѣ послѣдняго и носившій названіе: «Съ богомъ или безъ бога». Диспутъ имѣлъ мѣсто въ Петроградѣ, на Бестужевскихъ курсахъ).

Мы тронуты красивой рѣчью священника. Если его рѣчь искренна, то она трогательна. Рѣдко встрѣтить истинно вѣрующаго среди жрецовъ. Еще живетъ истинная вѣра въ обманутой, одураченной народной душѣ. Но подъ ризой нѣтъ бога.

Нѣтъ бога въ сердцѣ носителей большихъ крестовъ на груди.

Къ нашему великому прискорбію, еще есть богъ въ убогихъ землянкахъ, въ хижинахъ. Но нѣтъ бога въ пышныхъ храмахъ,—тамъ пусто:

Горятъ лампады, эти коптилки, онѣ коптятъ ложь и обманъ.

Это и не храмъ, это—базаръ. Тамъ предаютъ-продаютъ Христа, тамъ торгуютъ тѣломъ и кровью его

Вы шумите, вамъ обманутымъ, религіознымъ, не нравится мое кощунство.

Вы шумите, не помните ли слова пророка Иліи?

„Богъ не въ шумѣ"!

Вы мѣшаете мнѣ говорить, нѣтъ у васъ терпимости. Смотрите же, какая разница между нами и вами: мы, атеисты, хладнокровно выслушали рѣчь священника. а вѣдь насъ тутъ такъ много. объ этомъ вѣдь свидѣтельствуютъ и гро-

мовые аплодисменты, раздавшiеся въ моментъ моего появленiя въ залѣ и покрывающiе сейчасъ мою рѣчь такъ часто, что они мѣшаютъ мнѣ говорить.

Вотъ я смотрю на публику, предо мною такое огромное, безбрежное море головъ, и я выражаю мое довольство и восхищенiе этимъ фактомъ.

Священникъ Введенскiй ошибается, когда думаетъ, что это признакъ торжества религiи, торжества бога. Нѣтъ, это торжество революцiи, торжество безбожiя, торжество человѣка.

Сюда пришли многiе вѣрующiя сердца. Почему? Потому что каждое изъ нихъ точитъ червь сомнѣнiя. Нѣтъ увѣренности. Пошатнулись устои, тронъ божiй закачнулся. Происходитъ какъ разъ обратное тому, что произошло въ сѣдую старину, обратное тому, что разсказываетъ намъ библейская легенда.

На зарѣ исторiи Адамъ (по древнееврейски: человѣкъ) спрятался, когда богъ пришелъ. Нынѣ настали другiя времена, времена господства человѣка.

Нынѣ человѣкъ грядетъ, а боги прячутся по темнымъ угламъ, по темнымъ угламъ темницъ духа—церквей.

Нѣтъ больше теократiи (царства божiя), ибо близится антропократiя (царство человѣка).

И не будетъ больше натурорегiи (господства природы), ибо близится гоморегiя (царство человѣка).

Близится безцарствiе человѣка—Анархiя.

Вспоминаются намъ слова Ницше: „И не знаетъ тотъ старецъ, что боги давно умерли“.

Да, вы запоздалые люди, запоздалы, послѣвременны и ваши рѣчи.

Запоздала и послѣвременна ваша религiозная терпимость, которую вы выставляете напоказъ вашимъ слушателямъ и о которой священникъ Введенскiй распространялся въ своей рѣчи.

Мы васъ спрашиваемъ:

Гдѣ была ваша терпимость при Николаѣ?

Гдѣ была ваша христіанская терпимость, когда вы жгли насъ на кострахъ въ средневѣковье?

Слишкомъ поздно вы стали вегетаріанцами, вы, вегетаріанцы, толерантны, когда уже нагуляли себѣ порядочное брюшко отъ человѣческаго мяса...

Запахомъ жаренаго человѣческаго мяса такъ и разитъ отъ вашего церковнаго христіанства.

Вы превратили агнца въ кровожаднаго мясника, мясника народовъ.

Вы устроили инквизицію и благословляли и благословляете міровыя бойни.

Вы—кровожадные волки, но вы состарѣлись, у васъ выпали зубы отъ старости, вотъ вы и говорите о противности мяса и крови..,

Старые, беззубые волки всегда терпимы. Но были ли они терпимы въ молодости? Спросите у пастуховъ и овецъ, они вамъ разскажутъ объ ихъ терпимости.

Спросите у средневѣковья, и оно вамъ разскажетъ про инквизицію, про любвеобильнаго Торквемаду, сожигавшаго мարановъ, еретиковъ и свободомыслящихъ отъ чрезмѣрной терпимости къ аутодафе...

Спросите у сожженнаго Бруно, и онъ вамъ разскажетъ про терпимость церкви.

Спросите у Спинозы, и онъ вамъ разскажетъ, съ какой терпимостью церковь жгла его сочиненія.

Спросите у Галилея, и онъ вамъ разскажетъ про терпимость намѣстниковъ Христа.

Спросите у множества изобрѣтателей среднихъ вѣковъ, и они вамъ разскажутъ, какъ отъ избытка терпимости у церкви они были сожжены, какъ колдуны.

Такъ поощряла церковь технику, такъ она „крестила огнемъ“ великихъ и истинныхъ благодѣтелей человѣчества.

Такъ надругалась церковь надъ истинными Христами, великими техниками во имя религіознаго лже-христа.

Была ли русская церковь лучше, терпимѣе, благороднѣе?

Нисколько. Какъ собака, она лизала сапогъ Романовыхъ

и, какъ тигръ, набросилась на иновѣрцевъ, раскольниковъ и сектантовъ. Она не остановилась передъ преданіемъ анаѳемѣ Толстого и причисляла къ лику святыхъ разныхъ Распутиныхъ.

Со временъ Петра она была подлинной рабыней царей; обезчещенная и приниженная царями и приставами, она, однако, по-собачьи служила имъ и „служила“ передъ ними.

Священникъ Введенскій говорилъ вамъ, что контръ-революціонность церкви, религіи и Бога—вымыселъ, ибо Бетховенъ не революціоченъ и не контръ-революціоненъ. Но мы па это отвѣтимъ:

Правда, Бетховенъ былъ великимъ музыкантомъ, но къ чему стулья ломать.

Богъ въ красотѣ, въ журчаніи ручейка, въ алмазахъ расы, въ цвѣтахъ земли и звѣздахъ неба, пусть! Но къ чему тогда иконы, исповѣдь, крещеніе и храмина, къ чему таинства и торговля Христомъ, къ чему помазанники божіи? Богъ кротокъ и прекрасенъ,—пусть! Но къ чему было лупить мужиковъ?

Богъ не контръ-революціонеръ,—вы говорите. Конечно, богъ не контръ-революціонеръ, ибо его нѣтъ. Не можетъ же быть контръ-революціонеромъ ничто. Но идея о богѣ, да вообще религія, безусловно контръ-революціонна, ибо религія и богъ всегда поддерживали богатыхъ противъ бѣдныхъ, власть имущихъ противъ подчиненныхъ, мужчинъ противъ женщинъ, господствующіе народы противъ угнетенныхъ національностей, и учителей-мучителей противъ дѣтей и молодежи. Религія всегда или мучила, терзала или обманывала, одурачивала Угнетенныхъ.

Вы уговариваете всѣхъ, что христіанство защищало угнетенныхъ. Ложь! Христіанство не защита, а обманъ угнетенныхъ.

Вотъ вамъ истина про христіанство:

Если язычество было укусомъ, то христіанство—предательскій Іудинъ поцѣлуй! Что хуже: первое или второе?

Кто худшій воръ, укравшій кошелекъ, или укравшій ваше сердце?

Христіанство украло сердце Угнетенныхъ, украло ихъ душу, украло ихъ довѣріе,—оно хуже язычества.

Лживый другъ (христіанство) хуже открытаго врага (язычества).

Нѣтъ худшей контръ революціи, чѣмъ христіанство, съ его царствомъ небеснымъ, какъ нѣтъ худшей контръ-революціи, какъ марксизмъ съ его царствомъ будущаго.

Христосъ и Марксъ—два контръ-революціонера, два наиболѣе вредныхъ „друга бѣдныхъ", болѣе вредныхъ, чѣмъ всѣ враги ихъ.

Христосъ контръ-революціонеръ, какъ обманщикъ царствомъ небеснымъ. Христосъ контръ-революціонеръ и какъ богъ, ибо всякій богъ, т.-е. всякая идея о божествѣ контръреволюціонна своимъ порабощеніемъ человѣка.

Царство небесное контръ-революціонно, ибо оно отвлекаетъ вниманіе человѣка отъ счастія на землѣ вымысломъ, обѣщаніемъ блаженства на небѣ, отвлекаетъ отъ бунта, возмущенія и возстанія проповѣдью о смиренности, поддѣлываетъ и подмѣниваетъ равенство на землѣ равенствомъ передъ богомъ.

Богъ контръ-революціоненъ, ибо онъ обезволиваетъ, закрѣпощаетъ вольнаго человѣка. Религія извела человѣка, запугала его адомъ, дьяволомъ, „скрежетомъ зубовнымъ", муками, пытками. Религія учитъ человѣка быть жалкой собакой у боговъ, червемъ земли, вѣчно пресмыкающимся, вѣчно льстящимъ, вѣчно заискивающимъ. Презрѣнный рабъ, выпрашивающій жалкія крохи тупыми глазами и нѣмымъ выжиданіемъ, или ничтожный попрошайка, дрожащимъ голосомъ и дрожащими руками молящій о подаяніи,—таковъ обликъ человѣка при религіи.

Но лучше ли положеніе человѣка при наукѣ, при природѣ?

Скажемъ ясно и откровенно, какъ бы это разоблаченіе второго кумира, именуемаго природой, и ни было непріятно

какъ его суевѣрнымъ жрецамъ, профессорамъ и академикамъ, такъ и обманутымъ поклонникамъ.

Положеніе человѣка-природопоклонника еще хуже, чѣмъ богопоклонника и идолопоклонника. При наукѣ человѣкъ палъ еще ниже. Его лишили даже его разумности. Жалкій, ничтожный рабъ и червь природы, еще болѣе трепещущій передъ природой, передъ ея мнимыми рабскими законами, чѣмъ передъ богомъ. Ученіе Коперника и Галилеи низгели человѣка даже съ того презрѣннаго оплеваннаго пьедестала, на которомъ еще, якобы, высился человѣкъ, окончательно повергая его въ прахъ ничтожества. Умерщвленнаго человѣка еще доконалъ, добилъ Дарвинъ. Кромѣ одного марксизма, нѣтъ ничего контръ-революціоннѣе и глупѣе чѣмъ дарвиновское ученіе.

Мы уже разъ сказали эту шутку, горькую правду.

Мы не знаемъ, какъ „умный" Дарвинъ, произошелъ ли человѣкъ изъ обезьяны: мы при этомъ не были, обезьяннаго метрическаго свидѣтельства не видали и не читали, но что этотъ величайшій „умница" послѣднихъ вѣковъ превратилъ человѣка въ обезьяну. въ обезьяну природы, и что онъ самъ приблизился своимъ ученіемъ очень плотно къ гориллѣ,—это безусловно.

За Дарвиномъ человѣкодоконаніемъ, опороченіемъ, осрамленіемъ и закрѣпощеніемъ его, усердно и успѣшно занимался столпъ англійскаго научнаго язычества, суевѣрнѣйшій изъ природопоклонниковъ Гербертъ Спенсеръ. Онъ обратилъ человѣка не въ простую обезьяну, а въ обезьяну, вертящуюся въ обручѣ эволюціи. Худшаго униженія, обезволенія, закрѣпощенія и закабаленія человѣка, не знаетъ человѣческая культура.

Задача человѣка, по его словамъ и понятіямъ, это— чѣмъ меньше вмѣшиваться въ дѣла природы и чѣмъ больше предоставить ей самой сдѣлать то, что она дѣлаетъ.

Это вѣнецъ научнаго рабства, самооплевыванія и научнаго самобичеванія, самоурѣзыванія и самоизуродованія. Это полное пожертвованіе себой, всей своей волей, умѣніемъ и мощью

Молоху природы. Это—кастрація человѣка. Это—научная Голгоѳа. Это—тюрьма съ рѣшеткой желѣзныхъ законовъ. Это—верхъ абсолютизма природы, полное ея самодержавіе, безумно-суевѣрная натурорегія (царства природы, естества), продуктъ умственной (интелектуальной) фантазіи отца научной церкви, представляющій собою утопію чистѣйшей воды, ибо фактически человѣкъ всегда вмѣшивался въ дѣла природы, не только не признавая ея абсолютизма, но и частехонько ниспровергая ея физическіе (яко бы существующіе, въ дѣйствительности же, лишь воображаемые наукой) порядки великими перевороами, т.-е. изобрѣтеніями.

Физическія изобрѣтенія—это лишь физическія революціи.

Соціальныя революціи—это лишь соціальныя изобрѣтенія.

Изобрѣтеніе—это свобода и воля человѣка, изобрѣтеніе—это свобода, техника, это освобожденіе человѣка, а религія и наука, богъ и природа—это рабство человѣка.

Революція—это творчество, революція—это свобода. Можетъ ли она ужиться съ богомъ или съ природой?

Очевидно, нѣтъ.

Очевидно, богъ и природа оба контръ-ревлюціонеры, вѣрнѣе и точнѣе: богъ и природа два контръ-революціонныхъ миѳа.

Но кто изъ нихъ контръ-революціоннѣе? На этотъ вопросъ отвѣтимъ въ шутку: оба контръ-революціоннѣе. Такъ и отвѣчаетъ ребенокъ на заданный ему вопросъ: „Кого любишь больше: папу или маму“? „Обоихъ больше“!—утверждаетъ ребенокъ.

И вправду контръ-революціонность обоихъ, т.-е. и бога и природы, такъ корниловски-каледински велика, что чуть ли не празднымъ является вопросъ: кто контръ-революціоннѣе?

Но если бы отъ насъ настойчиво потребовали неуклончивый отвѣтъ на этотъ вопросъ, то мы бы безусловно дали слѣдующій:

Наука еще контръ-революціоннѣе религіи. И, это вполнѣ естественно, ибо въ нашихъ „Бесѣдахъ съ анархистомъ-философомъ“ (изданіе Петроградской Ассоціаціи Пананархистовъ)

мы доказываемъ, что природа и болѣе ложна, вымышлена, мистична, представляетъ собою большую абстракцію и слѣдовательно, дальше отстоитъ отъ дѣйствительнаго, чѣмъ богъ, и что вслѣдствіе этого наука лживѣе религіи. Ничего удивительнаго, что болѣе лживое является и болѣе контръ-революціоннымъ. Природа съ ея принципами въ родѣ эволюціи, строжайшей закономѣрности и постепеновщины, съ ея неумолимостью и неизбѣжностью, создаетъ болѣе благодарную почву и основаніе для реакціонныхъ взглядовъ, для рутины и слѣдовательно, для контръ-революціи, чѣмъ капризный, своевольный богъ, способный по желанію и творить чудеса. Одно признаніе чуда религіей есть благодать творчества по сравненію съ окаменѣлостью природы науки. Чудо и есть, въ сущности, лжеизобрѣтеніе, псевдотехника. Богъ, какъ техникъ міра, долженъ умѣть и совершенно радикально измѣнить его.

Богъ контръ-революціоненъ—это ясно до очевидности, ибо богъ—монархъ, царь какого-нибудь предмета или мѣста (духъ вещи—это царь вещи при анимизмѣ), царь какого-то края (географическій политеизмъ), и, наконецъ, царь вселенной, владыка міра (космическій монотеизмъ). Монархъ или полархъ онъ, единовластитель или многовластитель, одинъ царь или много царей, но, во всякомъ случаѣ, контръ-революціонеръ, ибо всякій царь—контръ-революціонеръ, все равно въ Петроградѣ ли, или въ Тобольскѣ ли, или даже въ Кремлѣ на небѣ ли, или въ преисподней.

Но богъ азіатскій капризный деспотъ, непостояненъ, какъ вѣтеръ, измѣнчивъ, какъ любовь. Онъ дикъ, свирѣпъ, рубитъ направо и налѣво, но иногда и милостивъ. Онъ—деспотъ, варваръ, но не рутинеръ.

Хуже него природа. Это тотъ же деспотъ, но „цивилизованный", т.-е. конституціонный монархъ. Онъ неумолимъ, недоступенъ и окаменѣлый, какъ китайская или англійская жизнь. У него все по закону. У природы не вымолишь: она глуха ко всѣмъ просьбамъ и молитвамъ, слѣпа на всѣ заискиванія и пресмыканія. Это тотъ же азіатскій деспотъ, но

еще плюсъ желѣзные законы, непоколебимыя, неотмѣнныя правила. Современные конституціонные монархи болѣе скверны, чѣмъ былые азіатскіе деспоты.

Итакъ, религія и наука, Богъ и природа оба контръ-революціонны, но наиконтръ-революціоннѣйшая изъ нихъ, архи-контръ революціонная—это наука, природа.

р Но религія не толко контръ-революціонна, но и антиморальна, т.-е контръ-революціонна не только политически, но и этически. Идея о богѣ сама по себѣ безнравственна, презрѣніе къ человѣку, которое скрыто въ ней, есть факторъ деморализаціи, порчу, нравственнаго паденія. Только боготвореніе и возвышеніе человѣка ведетъ къ улучшенію человѣческой природы, къ облагораживанію его характера. Это и только это единственный путь на высокую гору добродѣтели. Все остальное ведетъ къ растленію человѣка, къ его развращенію. Боги и природа—это самые преступные развратители человѣческаго рода. И воистину, какъ же можетъ быть нравственнымъ религіозный или „научный“ (т.-е. научно настроенный), какъ же можетъ червь быть моральнымъ, какъ можетъ мягкотѣлость пріобрѣсти твердость, какъ могутъ обладать истинноправственной устойчивостью льстецы сильнымъ, пресмыкатели передъ богами.

Посмотримъ, на чемъ же основана набожность всѣхъ тѣхъ богомоловъ, которые, какъ пресмыкающіяся твари, валяются въ прахѣ передъ церквами и иконами.

Она основана на постыдной трусости, на простомъ шкурномъ страхѣ. Боялись эти ничтожные трусы царя на землѣ, пока онъ не былъ въ Тобольскѣ, боятся эти пугливые рабы кнута царя небеснаго. Передъ деспотомъ на землѣ гнули спину и преклоняли колѣни, потому и гнутъ они спину, кладутъ низкіе земные поклоны и преклоняютъ колѣна передъ тираномъ на небѣ. Кровожаднымъ царямъ они льстили, называя ихъ миротворцами и „царями-батюшками“, кровожадному богу-волку на небѣ они льстятъ, называя его „агнцемъ“ и „отцомъ небеснымъ“.

Но достаточно быо отправить тирана въ Тобольскъ, чтобы всѣ перестали пресмыкаться передъ нимъ, такъ и достаточно было стащить Перуна, чтобы онъ сталъ посмѣшищемъ всѣхъ.

Стащите только Христа и бросьте его въ Фонтанку, какъ вы сбросили туда царскіе орлы, и вы увидите, какъ многіе перестанутъ креститься и молиться.

Вы говорите о нравственности религіи, но есть ли большая подлость и гнусность въ мірѣ, чѣмъ ваши молитвы? Вѣдь онѣ —одна лесть, одинъ апоѳеозъ трусости, одно пресмыканье, одно поддакиваніе, подхалимство небесному владыкѣ, запугавшему васъ громомъ, молніями, язвами, морами, войнами, адами, дьяволами, поркой на небѣ, самое легкое — хохотомъ сатаны и скрежетомъ зубовнымъ.

Ваши молитвы это—оды торжествующему небесному свинству...

Вы говорите о морали, но есть ли большая подлость и гнусность въ мірѣ, чѣмъ исповѣдь?

Есть ли большее преступленіе, чѣмъ распахнуть душу настежь передъ конскими копытами священниковъ?

Есть ли большое униженіе и деморализація, чѣмъ это?

Можетъ ли свободный, гордый человѣкъ молиться, исповѣдываться?

Онъ давно уже плюнулъ на вашихъ боговъ, на ваши храмины, на вашу религію— и ушелъ.

Можетъ ли свободный гордый человѣкъ покориться природѣ, признать науку?

Нѣтъ, не можетъ! Онъ плюнетъ на вашу природу, на ваши университеты,—и уйдетъ.

Уйдетъ къ новой жизни, къ нравственному творчеству, къ этической техникѣ (этотехникѣ), къ этической революціи, къ нравственному перевороту.

Не ужиться чистотѣ съ грязью, вѣтру съ цѣпями, птицѣ съ клѣткой, и Человѣку съ богами и природой.

Но вы — фальсификаторы, поддѣльщики и подмѣнщики.

Нору змѣи вы перекрашиваете въ гнѣздо голубей; болото вы уговариваете замаскироваться ручейкомъ.

Боги всегда были первыми развратниками и пьяницами въ мірѣ. Они развратничали, пьянствовали и разбойничали такъ, что превзошли всѣхъ смертныхъ, — вотъ они стали богами.

Кто научилъ людей всѣмъ этимъ порокамъ, если не боги? Это были цари, воеводы, герои-боги, никто не могъ поравняться съ ними въ развратѣ, пьянствѣ и разбоѣ.

Это были и „божественные“ люди, нынѣ поэты, но тогда назывались они оракулами, мантами (гадателями), волхвами, пророками; они жили въ близости къ богамъ, и подражали имъ, они искали бога, его вдохновенія, искали вдохновительницу музу, и нашли его и ее въ разбоѣ, развратѣ и пьянствѣ.

Разбой, это — жертвоприношенія, раньше человѣческія, послѣ — животныя. Богъ жилъ разбоемъ. Пьянство это — вино. „Оно веселитъ боговъ и людей, — говоритъ библія. Индусы нашли въ священномъ напиткѣ бога пророчества, бога вдохновенія, бога огня, Агни. Греки нашли все въ Бахусѣ. Бахусъ былъ богомъ пьянства. И Іегова былъ страшнѣйшимъ пьяницей, никогда не насыщавшимся ни кровью, ни виномъ. Къ жертвоприношеніямъ полагалось вино. Въ пиршествахъ, винѣ и развратѣ черпали пророки воодушевленіе, божій трепетъ и глаголъ.

Временное возбужденіе, обусловливаемое развратомъ, также было, какъ пьянство, источникомъ волховства, пророчества. Единеніе съ женщиной было единеніемъ съ богомъ. Половые органы, какъ виноградникъ и виноградныя лозы, почитались божественными. Они — источникъ божественнаго вдохновенія. На половомъ органѣ, какъ разсказываетъ намъ библія, клали руку во время клятвы, какъ на священный, божественный предметъ. Обрядъ обрѣзанія также имѣетъ, въ своей основѣ, обоготвореніе половыхъ органовъ. Въ олимпійскихъ играхъ и мистеріяхъ употреблялись какъ священныя иконы и изображенія, рисунки мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ. Оргіи у язычниковъ были священнымъ,

богоугоднымъ дѣломъ, еще больше — предметомъ богослуженія. Гетеры и весталки, всякаго рода блудницы считались пророчицами. Пророки библійскіе шли къ блудницамъ въ цѣляхъ божественнаго вдохновенія. (Осія, 1, 2 и 3).

Начало религіи, очевидно, въ развартѣ и пьянствѣ. Отъ божественнаго разврата не могли освободиться ни Библія, ни евангеліе.

Зачатіе Маріи святымъ духомъ, это, очевидно, остатокъ старой божественности разврата.

Вотъ вамъ нравственность религіи!

Но самое подлое еще впереди. Религія похожа на образъ ею же созданнаго сатаны, самъ сатана соблазняетъ, самъ послѣ караетъ. Самъ соблазняетъ дѣвушку, самъ ее опорочиваетъ.

Такъ и религія. Кто соблазнялъ человѣка, развращалъ человѣка? Религія. Она же опорочила его, создала ученіе о его грѣхозности, объ его грѣшной природѣ... Воистину, большей подлости исторія человѣчества не знаетъ.

Обратимся къ русскому народу. Кто развратилъ его? Мы увѣрены, что религія. Безъ праздниковъ религіозныхъ ни одинъ народъ въ мірѣ не впалъ бы такъ во власть сифилиса и вина.

Что такое праздникъ если не праздность — лѣнь, развратъ и пьянство?

Можетъ ли кто-нибудь оспаривать это? Отвѣчайте намъ: чему были посвящены праздники? Развѣ не разбоямъ и побоищамъ, разврату и пьянству?

Такъ воспитывала религія народъ въ теченіе многихъ-многихъ вѣковъ, — что удивительнаго въ томъ, что онъ пьянствуетъ!

Пьянствовали, да, пьянствовали, накурились опіума, нанюхались кокаина, такъ, что религія заговорила о воздержаніи. Но это — воздержаніе пьяницы наканунѣ смерти. И чѣмъ ближе религія подошла къ смерти, тѣмъ больше она говорила о воздержаніи. И уже устами Христа, самъ „незаконнорожденный", проповѣдуетъ чистѣйшую моногамію, да

вообще отказъ отъ женщины. Правда, передъ смертью легко быть праведникомъ.

Въ этой близящейся смерти, въ одряхлѣніи религіи, одряхлѣніи боговъ, и лежитъ ключъ къ проповѣди смиренности, къ наставленію—подставлять бьющему и вторую щеку. Когда боги были сильны, они были мстительны, грозны. Когда же у нихъ не хватало силъ, когда боги одряхлѣли, то стали непротивленцами.

И іудейство, тѣмъ болѣе христіанство, являетъ собою вырожденіе религіи, религію въ упадкѣ.

Но непротивленецъ ли Христосъ?

Въ нашей книгѣ: „Социомагія и соціотехника“ мы отвѣчаемъ:

Нѣтъ. Христосъ это мессія, что означаетъ: „помазанникъ“, царь, царь іудейскій. Христосъ стремился къ власти, онъ — его послѣдователи — устроилъ крестовые походы, инквизицію, его церковь захватила власть согласно ученія Христа о царствѣ божіемъ, т.-е. о церковномъ государствѣ.

Христосъ былъ не агнцомъ, а волкомъ. И если онъ умеръ на крестѣ, такъ это лишь потому, что онъ еще не успѣлъ стать силой, утвердить царство божіе, т.-е. захватить своей церковью власть—и распинать своихъ противниковъ.

Читайте евангеліе съ открытыми глазами, открытымъ умомъ и сердцемъ — и вы увидите, что мы правы, вы поймете какой ужасъ лежитъ въ заманчивомъ-обманчивомъ предательскомъ кровью еретиковъ и евреевъ упоенномъ словѣ: царство божіе.

Изъ этого слова на васъ посмотритъ бездна мрака средневѣковья церковнаго хозяйничанія, изъ него послышатся вамъ стоны замученныхъ инквизиціей, этимъ христіански-революціоннымъ трибуналомъ.

Царство божіе Христа это царство инквизиціи, царство кошмара всеобщаго религіознаго одуренія, это царство пытокъ и ауто-дафе.

Пора ужъ это понимать и сорвать личину непротивленчества и моральности съ лица Христа.

Итакъ, религія и боги антиморальны, а нравственность христіанства лишь позднее раскаяніе. Это нашъ „Красный Крестъ", наши санитарки, отправляющіяся на фронтъ. Раньше рубятъ и рѣжутъ, а послѣ лѣчатъ.

Такова религія. Но какова наука? Быть можетъ, она выше религіи, лучше религіи.

Нѣтъ. Наука, по существу, также противонравственна, какъ религія. Еще больше: наука болѣе безнравственна, чѣмъ религія.

Можетъ ли человѣкъ, признающій науку, признающій природу, быть нравственнымъ? Безусловно нѣтъ.

Греческій рокъ, мусульманскій фатализмъ лежитъ въ основѣ всякой религіи. Всякая подлость, всякая пошлость, всякое преступленіе исходитъ отъ Бога. Все божественно, безнравственные поступки божественны. Пьянство божественно, развратъ божественен, — можетъ ли при такомъ взглядѣ имѣть мѣсто какая-то мораль? А если она есть, то она противорѣчіе, несуразность, не умѣстность.

Но, чтобы отдѣлаться отъ этого противорѣчія, религія выдумала дьявола, лукаваго: дурные поступки не отъ бога, а отъ лукаваго. И вотъ получается борьба между богомъ и сатаной. Но если богъ истинный, настоящій богъ, то какъ же можетъ побѣдить сатана? тутъ нѣтъ другого выхода, какъ допустить, что эта побѣда происходитъ по согласію и желанію бога, но тогда богъ опять безнравственен, источникъ всякаго грѣха и преступленія.

Точно также положеніе науки. И она представляетъ собой такой же и, пожалуй, еще худшій тупикъ безнравственности!

Можетъ ли наука быть нравственной? Безусловно нѣтъ, ибо фатализмъ религіи въ наукѣ лишь переименовался въ детерминизмъ. Слово другое, но сущность одна и та же. Пожалуй, измѣненіе кой-какое есть, но къ худшему. Детерминизмъ (предопредѣленность) еще строже фатализма. При

такомъ взглядѣ не можетъ быть рѣчи о какой бы то ни было нравственности.

Предположимъ я убилъ человѣка, развѣ это безнравственно? Нѣтъ. Это же отъ бога, это богъ его наказалъ, это богъ его убилъ нашими руками. Такъ можно оправдать богомъ и религіей всякое безчинство и преступленіе, всякую безнравственность.

Отсюда ясно до очевидности,—сколько бы разные лицемѣры, крикуны и безмозглые философы ни словесили о нравственности религіи, — что религія несовмѣстима съ нравственностью, и что богъ является основой всякой безнравственности.

Точно такъ же природа является основой всякой деморализаціи. Развратъ, пьянство и т. д.—все это яко бы законы природы. Пусть глупые, безмозглые ученые обосновываютъ нравственность на наукѣ, пусть Герберты Спенсеры пишутъ „Данныя этики“, но всякій здравомыслящій, всякій безпристрастный согласится съ нами, что никакая наука никогда не уживается съ нравственностью.

Мы видимъ что испоконъ вѣковъ, что свобода воли, на нашемъ языкѣ это — технический произволъ, всегда была камнемъ преткновенія наукѣ.

Нѣтъ, не ужиться свободному человѣку съ рабствомъ боговъ и природъ!

Нѣтъ, не ужиться нравственному человѣку съ безнравственностью боговъ и природъ, съ антиморальностью религіи и науки.

Предположимъ, я убилъ человѣка или напился до пьяна или пошелъ къ проституткамъ,—развѣ это по наукѣ безнравственно? Нѣтъ. Вѣдь это же отъ природы, отъ естества, а все естественное, по наукѣ нравственно. Я билъ, но вѣдь это было причинно, значить, это было естественно, это было нравственно. Я выпилъ, я напился, но почему бы не выпить? Вѣдь по правдѣ говоря русскій человѣкъ лю бить выпить.

Отсюда ясно до очевидности, что природа и естество антиморальны, ибо всякій грѣхъ и преступленіе естественны.

Естественно пьянство, разврат и т. д., как раньше при религии, они были божественны. Божественность, очевидно, лишь перерядилась въ природность, въ естественность, причинность. Развратъ причиненъ,—можетъ ли онъ быть безнравственнымъ? Пьянство причинно,—можетъ ли оно быть антиморальнымъ? При такомъ истиннонаучномъ взглядѣ не можетъ быть никакой этики (нравственности). А если она есть, то она противорѣчіе, и, тая и нося въ себѣ это внутреннее противорѣчіе, она, т.-е. научная этика, обречена на безвыходный эклектизмъ, на неустранимую путаницу.

Чтобы выпутаться изъ этого вѣкового волшебнаго круга, наука выдумала *аномалію*. Это современный сатана, идущій противъ современнаго бога—природы. Но эта уловка такъ же мало помогаетъ дѣлу здѣсь, какъ въ вышеупомянутомъ. Ибо спрашивается: съ кѣмъ приходитъ и побѣждаетъ аномалія, не съ помощью ли природы? А если такъ, то и эта аномалія нормальна, естественна, и природа опять-таки является источникомъ и оправдательницей всѣхъ преступленій, всякой антиморальности.

Не явствуетъ ли отсюда, что никакая истинная мораль невозможна на землѣ, пока не искоренены религія и наука, пока господствуютъ фатализмъ и детерминизмъ, пока возвеличаются боги, природы и другія кумиры, а истинный богъ морали—Человѣкъ презирается, пренебрегаетея.

Ясно, что пока господствуетъ суевѣріе и предразсудокъ, не можетъ быть истинной нравственности.

Истинная мораль —это духовная революція, этическій переворотъ, истинное преображеніе, перерожденіе человѣка; это духовная антропотехника, психотехника въ союзѣ съ соціотехникой, т.-е. человѣкостроительство съ обществостроительствомъ.

Вотъ вамъ истинная мораль—это техника.

Не лживая „безнравственная“ нравственность религіи, фантастическая мораль.

Не обманная „безнравственная“ мораль науки, интеллектуальная мораль.

Истинная мораль, это — строительная мораль, мораль строенія новаго человѣка, въ новомъ обществѣ:

Безнравственны религія и наука, нравственна лишь одна техника.

Пантехника означаетъ потому и панэтику, панэтотехнику.

Только пананархія, отрицающая всякіе государственные, божескіе и естественные (физическіе) законы, создаетъ почву для нравственности, для свободы воли человѣка (освобождая ее отъ всякихъ законовъ-природы, отъ всякаго детерминизма), для нравственныхъ переворотовъ.

Пантехника-пананархія означаетъ освобожденіе техники отъ науки и религіи, она означаетъ и освобожденіе человѣка отъ детерминизма, отъ безнравственности бога и природы.

Пананархія — это нравственный произволъ, нравственное всепреображеніе не пустыми словами, а дѣломъ.

Преображеніе черезъ преобразованіе!

Просвѣтленіе черезъ построеніе!

Свяжемъ все вышесказанное вмѣстѣ и за одно:

„Религія и наука контръ-революціонны и контръ-моральны, т.-е. религія и наука оправдываютъ соціальный грѣхъ и преступленіе, оправдываютъ и индивидуальный грѣхъ и преступленіе.

О СОЮЗѢ ПЯТИ УГНЕТЕННЫХЪ ИЛИ О ПАНАНАРХІИ.

Революція идетъ, продолжается въ условіяхъ міровой бойни. По мнѣнію-надеждѣ многихъ русская революція призвана вершить судьбы не только Россіи, а всей Европы и быть можетъ, всего міра.

Присмотримся же къ ней потому критически.

Мы уже въ одной нашей лекціи на вопросъ, что дала русская революція, отвѣтили, что очень мало или почти что

ничего. Русская революція пока не дала ни Коммуны, ни Анархіи.

Но тутъ насъ не интересуетъ вопросъ „что дала?“ а „что провозглашала русская Революція?“

И тутъ мы вынуждены отвѣтить: абсолютно ничего.

Французская революція, независимо отъ того, какъ вы къ ней не отнесетесь, стоитъ непоколебимо: она была поворотнымъ пунктомъ въ исторіи человѣчества.

Осуществила ли она, исполнила ли обѣщанія, провела ли въ жизнь, это другой вопросъ, но она что-то провозгласила. провозгласила то, что вихремъ облетѣло весь земной шаръ— декларацію правъ человѣка.

Во время французской революціи прилетѣли и первыя ласточки—вѣсточки освобожденія труда.

Но что мы услышали во время русской революціи? Все устарѣлое, избитое, истасканное. Поймите насъ, товарищи, мы прекрасно знаемъ, что и эти лозунги еще далеки отъ осуществленія, и избиты они отнюдь не для широкихъ массъ, не для улицы и дѣйствительности, а для міра революціонныхъ идей.

Сказала ли русская революція хоть одно оригинальное „общечеловѣческое“ слово? (Мы подчеркиваемъ „общечеловѣческое“, ибо во время революціи можно или говорить общечеловѣческое, творить человѣчественно-значимыя цѣнности или ничего не творить,—о національныхъ тряпочкахъ рѣчи тогда быть не можетъ).

Ни одного. Все заимствовано, подражательно, привезено.

А вотъ намъ кажется, товарищи, что духовную честь русской революціи можетъ спасти лишь Союзъ Пяти Угнетенныхъ, лишь Пананархія.

Вотъ новое Слово, вотъ новыя скрижали Новаго Завѣта, завѣта Угнетенныхъ, завѣта не-религіи и не-науки, а соціотехники.

Объединеніе всѣхъ Угнетенныхъ, освобожденіе всего человѣчества; но какая-то отвлеченная свобода какого-то отвлеченнаго человѣка, а предметно и вещественно: освобо-

жденіе работника, трудящагося и голоднаго; освобожденіе женщины, освобожденіе молодежи и дѣтей, освобожденіе Угнетенныхъ національностей и освобожденіе личности.

Товарищи! идея объединенія всѣхъ угнетенныхъ такъ проста, такъ очевидна, проста, какъ математическая аксіома, и ясна, какъ Божій день, что прямо поражаешься: какъ это люди до сихъ поръ не додумались до нея и какъ это люди могутъ отворачиваться отъ нея.

Быть можетъ, что это именно потому, что она слишкомъ проста, слишкомъ необходима, а мы никогда не замѣчаемъ и не дорожимъ предметами первой необходимости, не дорожимъ воздухомъ, дыханьемъ.

Товарищи! стыдно сказать, что и мы, анархисты, инстинктивно испытываемъ животный страхъ передъ новымъ словомъ, новымъ понятіемъ, новымъ явленіемъ, какъ ребенокъ, прячущій лицо и начинающій плакать при видѣ чужого незнакомаго лица.

Остерегайтесь новизны — былъ старый реакціонный лозунгъ древняго римскаго міра. Онъ и остерегался „новаго“, пока не погибъ отъ „новаго“.

Но какъ это клеится съ революціей? Вѣдь революція приходитъ обновить міръ.

Но русская революція пришла одѣтой западнымъ „поношеннымъ“ европейскимъ фракомъ; все принесли съ собою „эмигранты“, и все, что у нихъ, что привезено ими, подвергалось долгое время маринованію, консервировкѣ на Западѣ; и все это подносится невзысканному вкусу, какъ свѣжее, какъ „новое“.

Товарищи! быть можетъ, поношенные фраки такъ и ослѣпятъ насъ, быть можетъ скрипъ старыхъ телѣгъ заглушитъ молодую пѣсню о Пананархіи (Всеанархіи).

Быть можетъ, дѣтскій страхъ передъ „новымъ“, поддерживаемый старой „революціонной“ интеллигенціей, не желающей и полѣнивающейся перестраивать свои „инструменты пропаганды“ на новый ладъ, — хоть „старый ладъ“ порядкомъ устарѣлъ: одолѣетъ насъ, быть можетъ потому, что

изъ-за многолѣтнихъ мытарствъ и невзгодъ, пережитыхъ ими заграницей, имъ и слѣдуетъ сейчасъ почивать въ Россіи на мягкихъ подушечкахъ устарѣлыхъ понятій; быть можетъ, что перспективы читать здѣсь тѣ рефераты, прочитанные ими много лѣтъ тому назадъ въ кружкахъ заграницей, возможность печатать старыя составленныя статьи въ новыхъ русск. революціон. изданіяхъ—перспективы, нужно сознаться, очень соблазнительныя,—возьмутъ верхъ надъ добросовѣстностью многихъ изъ нихъ, надъ ихъ искреннимъ желаніемъ принести пользу, надъ ихъ преданностью угнетеннымъ, за которую имъ пришлось платиться, — и, быть можетъ, массы послушаются ихъ, отвернутся отъ нашего новаго слова и мы останемся одинокими—меня, товарищи, это нисколько не страшитъ.

Нѣтъ, товарищи! лучше останемся одинокими на гребнѣ революціонной творческой вѣчно - зарождающейся волны, среди моря революціоннаго водоподъема, нежели сойти плескаться со многими въ мелководьѣ около стараго вѣчно-застывшаго, догматическаго берега.

Я увѣренъ, я убѣжденъ, что если случится несчастье и побѣдитъ глупость и ограниченность, побѣдитъ тупость, рутина—и эта революція захирѣетъ, погаснетъ, то въ будущемъ зажжется новая революція и она пойдетъ подъ нашимъ знаменемъ. Мы будемъ гнить въ сырой могилѣ, но надъ ней взойдетъ брошенное нами сѣмя.

Насъ-то не будетъ, но объединеніе угнетенныхъ и торжество ихъ будетъ.

Помните, товарищи, что много ли или мало насъ, а будущій міръ,—міръ безъ угнетеній, такъ и смотритъ на насъ. Пусть это сознаніе вселитъ въ васъ благоговѣйный трепетъ, пусть это удесятеритъ вашъ пылъ, ваше рвеніе къ работѣ.

Пусть наша душа не знаетъ покоя, пока не объединились, не восторжествовали угнетенные.

Долженъ ли я передъ вами остановиться подробно на нашей платформѣ?

Она вамъ, кажется, извѣстна, какъ мнѣ, мы ее знаемъ,

мы ее чувствуемъ, мы съ нею встаемъ, мы съ нею отправляемся на покой.

Объединенiе всѣхъ Пяти Угнетенныхъ.

Нужно ли это объединенiе?

Вы, всѣ, которые такъ много боретесь съ мiромъ зла и насилiя, вы это хорошо знаете. Всякiй уже хоть разъ отвѣдалъ тюрьму!..

Ибо развѣ есть честный человѣкъ, который хоть разъ не попалъ въ тюрьму. При разбойничьемъ строѣ иначе быть не можетъ.

Итакъ, вы хорошенько знаете силы врага, какъ онъ не пренебрегаетъ ничѣмъ, никакими ухищренiями. Сколько дьявольскихъ мѣръ разрозненiя онъ придумалъ.

Наша же сила—максимумъ самоотверженности и борьбы каждаго отдѣльнаго изъ насъ и максимумъ добровольнаго, свободнаго жертвоготовнаго сплоченiя.

И учитесь же у вашего врага. Развѣ онъ довольствуется угнетенiемъ одного. Нѣтъ. Если угнетаетъ, то всѣхъ. Разъ можно и разрѣшено угнетать, то чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

И потому помните, товарищи, и мы должны отвѣтить ему на его угнетенiе *всѣхъ* такимъ же освобожденiемъ *всѣхъ*, и раньше всего объединенiемъ всѣхъ, всѣхъ Пяти Угнетенныхъ современнаго общества.

Товарищи! у насъ, анархистовъ самые прекрасные, самые свѣтлые, самые солнечные идеалы.

Но намъ нужна и свободная организацiя... личная свобода, свобода дѣйствiй и свобода мнѣнiй, но все же совмѣстная плодотворная работа.

Намъ нуженъ максимумъ свободнаго объединенiя!

Намъ нужно объединенiе, ибо нашъ общiй врагъ—современный строй: онъ одинаково давитъ всѣхъ, онъ одинаково обрушивается на всѣхъ, и на работниковъ, и на женщинъ, и на молодежь и на угнетенныя нацiональности (Итерритерiаматъ), и на личность.

И вотъ въ одно прекрасное утро встанемъ всѣ мы, всѣ угнетенные, всѣ мы изнасилованные, замученные, всѣ по-

довольные—и вотъ разлетится міръ насилія вдребезги, лопнетъ, какъ мыльный пузырь, лопнетъ, какъ самодержавіе. И мѣсто его, гдѣ онъ былъ, трудно будетъ узнать.

И всѣ пожмутъ тогда плечами: какъ это кучка угнетателей могла господствовать надъ человѣчествомъ, въ которомъ не меньше половины угнетенныхъ женщинъ, гдѣ большинство угнетенныхъ національностей, гдѣ опять большинство угнетенной молодежи и дѣтей, и гдѣ, наконецъ, не только большинство, но в·ѣ поголовно всѣ, кромѣ шайки бандитовъ-министровъ-комиссаровъ и милліардеровъ, угнетены, какъ личности, государствомъ.

И въ дѣйствительности, гдѣ отвѣтъ, гдѣ тайна этого дикаго безумія, этой страшной глупости и нелѣпости—глумленія „никого“ (т. е. ничтожной кучки) надъ „всѣми“.

Отвѣтъ одинъ: безсознательность угнетенныхъ; разрозненность, враждованіе между собою: угнетенныя національности враждуютъ съ угнетенными рабочими и т. д.

Но главное не вражда, а безсознательность, ибо если была бы сознательность, было бы объединеніе передъ лицомъ общаго врага, въ видахъ общаго освобожденія, произошло бы сразу всеобщее объединеніе, основанное на взаимной поддержкѣ, на общей солидарности, на признаніи и включеніи каждымъ изъ угнетенныхъ требованія освобожденія всѣхъ, словомъ, на принятіи всѣми платформы Союза Пяти Угнетенныхъ, на провозглашеніи Пананархіи (всеанархіи).

Но безсознательность означаетъ цѣловать розгу, не сознавать своего собственнаго угнетенія, даже частенько превращаться въ слѣпое орудіе угнетенія, усмиренія возставшихъ другихъ угнетенныхъ...

Безсознательность означаетъ подпасть подъ вліяніе угнетателей, быть незамѣченно духовнымъ ихъ рабомъ, что еще опаснѣе, ибо оно менѣе замѣтно и труднѣе поддается освобожденію.

Безсознательность означаетъ влачить цѣпи, благословляя ихъ, молясь на нихъ, думая, что это серьги, колечна, цѣпочки или разныя другія украшенія, которыя тебѣ дарутъ

угнетатель и за которыя ты долженъ ему быть благодарнымъ. Это самое страшное адское угнетеніе и обманъ всѣхъ угнетенныхъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже, это обманъ религіи и науки, отъ которыхъ угнетенное человѣчество или освободятся. прозрѣвая и увидя свою плѣненность и закабаленность, или погибнетъ.

Но тутъ мы пока говоримъ лишь о политической безсознательности.

Какъ ни странно, что то, съ кѣмъ мы, главнымъ образомъ, должны бороться, что должно служить главнымъ поощреніемъ нашей дѣятельности, выставляется противъ насъ какъ доводъ, какъ опроверженіе, какъ противорѣчіе.

Смотрите, вѣдь женщины сами не хотятъ вашего освобожденія, очеловѣченія,— женщина хочетъ лучше жить въ кухнѣ, быть обремененной дѣтьми, ожидать милости отъ мужчины; съ такими возраженіями постоянно обращаются къ намъ наши противники

Но вѣдь именно поэтому, мы еще больше горимъ желаніемъ ихъ освобожденія, именно поэтому душа у насъ вскипаетъ злобой на нашу мерзкую культуру, на насъ самихъ, на насъ мужчинъ разбойниковъ и насильниковъ женщинъ, насильниковъ женщинъ во время мира, и сердце наше обливается кровью, видя, до чего мы довели ихъ, несчастныхъ нашихъ жертвъ, нашимъ безбрежнымъ стремленіемъ властвовать и „самецствовать“...

Боже! Какое преступленіе! Какъ мы ихъ изуродовали! Какъ это мы дѣлали изъ женщины (матріархатъ) господствовавшей, изъ женщины, которая хранила намъ огонь, создала намъ всю культуру, изъ женщины, занимавшейся хлѣбопашествомъ, собираніемъ плодовъ, овощей и злаковъ,—какъ это мы изъ нихъ дѣлали домашнихъ проститутокъ, сладкіе пряники, куколки, приторныя уродливыя конфетки для насъ сластолюбцевъ и властолюбцевъ...

И вотъ потому, что государству нужно было побольше разбойниковъ-солдатъ и намъ побольше самокъ, мы довели женщину, вѣками отрывая ее отъ культуры, отъ работы,

отъ творчества, отъ жизни, держа ее на готовѣ для насъ въ любой моментъ, мы воспитывали въ ней чрезмѣрное „материнство“, т. е. желаніе быть готовой... И для этого требовалось, чтобы женщина потеряла не только трудоспособность, но и разумъ, чтобъ у нея всѣ способности выдохлись, съежились, чтобъ ея душа скорчилась въ одну единую страстишку и чтобъ вся она превратилась въ одинъ половой органъ...

И теперь, когда мы этого достигли, то мы, разбойники, умывая руки, говоримъ языкомъ нашихъ жрецовъ, нашихъ молодцовъ науки: у женщины мозгъ не развитъ, женщина слаба умственно... Женщина не способна къ творчеству, вообще къ участію и, еще болѣе, къ равному участію въ культурѣ...

Но смотрите, развѣ самка у животныхъ менѣе способна, чѣмъ самецъ, посмотрите у дикихъ, у малокультурныхъ народовъ. Вѣдь эта наша грязная культура, которая довела женщинъ путемъ вѣковой половой эксплуатаціи, до вырожденія умственнаго и физіологическаго, а какъ вы смѣете послѣ говорить: ума-то у нихъ нѣтъ,—дѣловитости-то нѣтъ и т. д. Убійцы! раньше убили, а послѣ говорите: вонъ скотина не шевелится.

А сволочи-писаки осмѣливаются изрыгать цѣлыя помойныя ямы, какъ эти Вейнингеры и прочія клоаки, называемыя книгами... Мерзавцы,—вы же это натворили! Убійцы—сами убиваете, а послѣ говорите: погляди-ка, и двигаться, шевелиться то не умѣетъ, экая скотина, болванъ! Но самое страшное еще впереди.

Будучи убогой, несчастной, всегда зависимой отъ каприза мужа тирана—звѣря, подвергаясь опасности при родахъ, женщина стала суевѣрной—какъ старые рабы и такъ еще недавно бѣдняки горе-рабочіе были набожнѣе богачей. Къ тому еще одно соображеніе. Мужчина, желая оградить себя, быть полнымъ собственникомъ, запугивалъ, старался всячески сдѣлать женщину чѣмъ больше суевѣрной для того, чтобы она была вѣрной...

А сейчасъ вотъ опять сами жалуемся: женщины суевѣрны.. Но, помилуйте, это же дѣло рукъ нашихъ...

Товарищи! Пусть не устрашитъ васъ женское суевѣріе Идите къ угнетеннымъ! Идите къ угнетенной! Будите сознаніе женщины! Именно потому, что онѣ меньше сознательны, то нашъ долгъ дѣлать ихъ сознательными. Ибо ихъ малосознательность есть лишь признакъ и слѣдствіе ихъ многоугнетенности! Не страшитесь ихъ суевѣрія. Помните, что угнетенные могутъ лишь быть или суевѣрнымъ или вовсе безвѣрнымъ (невѣрующимъ). Средина существуетъ лишь для мѣщанства.

Безсознательныя массы обыкновенно способны и могутъ быть или погромщиками или анархистами. Когда падаютъ, вѣрнѣе, прежде чѣмъ поднимаются, то онѣ ниже и грязнѣе болота стоячаго, когда поднимаются, то онѣ выше облака ходячаго и чище глаза зрячаго.

Видѣли ли вы когда-то революціонную женщину. Она десятью головами выше, десятью сердцами чувствительнѣе, отзывчивѣе и десятью душами преданнѣе мужчины.

Будите спящихъ и зажигайте потухшихъ, ибо встанетъ и займется великая заря...

— Женщины суевѣрны. Онѣ оплотъ религіи, котолицизма—такъ вы говорите. На это отвѣчаемъ: но это подѣломъ намъ, мужчинамъ!

Повторяется исторія съ казаками. Казаки реакціонны. Но кто ихъ дѣлалъ реакціонными. Вѣдь казаки угнетенная національность. Посмотрите, какой разбой національности здѣсь. Вѣдь это народъ съ самобытной культурой. Это русскій народъ (тогда еще не было разлада между народомъ и правительствомъ, народъ былъ такъ безсознателенъ, что принялъ участіе въ этомъ и вмѣстѣ съ правителями-царями руссифицировалъ казаковъ. И вотъ зло породило зло. Этотъ несчастный народъ такъ изуродованъ, что онъ патріотичнѣе, сталъ болѣе русскимъ, чѣмъ русскій, католичнѣе, какъ говорятъ, чѣмъ папа. И вотъ русскій народъ искупилъ свой грѣхъ, отдавая своихъ луч-

нихъ сыновей на засѣченіе ихъ нагайками... Вотъ до чего довели этихъ угнетенныхъ!

Стыдно и больно, слезы катятся изъ глазъ. Вотъ жертва тираніи... Вотъ какъ зло мститъ...

Будите же сознаніе у несчастнаго нашего архируссифицированнаго казака! Будите сознаніе этой угнетенной національности,—національность угнетенная, превращенная въ полицейскаго.

Будите сознаніе на почвѣ угнетенности! Жутко! Вѣдь болѣе страшнаго преступленія не знаетъ человѣческая исторія! Будите сознаніе и вы увидите какими вольными станутъ казаки. Угнетенный не можетъ не жаждать свободы, свѣта! Вы увидите, какъ сразу онъ перескачетъ всѣ среднія ступени—отъ самодержавія—по крайней мѣрѣ къ коммунѣ.

И отрадно видѣть, что сознаніе начинаетъ пробуждаться и среди этихъ обманутыхъ и изуродованныхъ угнетенныхъ.

Помните, что угнетенные при несознательности всегда являются орудіемъ угнетенія, преступленія и разбоя; ими устраиваютъ бойни, они же солдаты погромщики, изъ нихъ вербуется черная сотня и т. п., но при внесеніи сознанія въ эти темныя массы, бывшіе погромщики, ударники и проч. становятся не рѣдко анархистами.

Слѣдуетъ всегда различать неблагожелательность и противленіе со стороны угнетателей, которые какъ разъ слишкомъ образованы, слишкомъ сознательны, слишкомъ много знаютъ и разбираются во всемъ. Они знакомы со всѣми анархистическими и друг. идеями, относятся къ нимъ, пока онѣ въ книгахъ, сочувственно свысока или съ насмѣшкой, но скрежещутъ зубами и обрушиваются на нихъ кулаками, когда сталкиваются съ ними въ жизни. У нихъ не незнаніе, а избытокъ знанія. Ихъ сопротивленіе прямо пропорціонально степени ихъ сознательности. Не то угнетенные: все это тупое негодованіе людей изъ народа противъ анархистовъ, это все пустяки, все это разсѣется какъ туманъ передъ солнцемъ сознанія.

Вы не должны забыть, что и крестьянинъ не дружелюбно встрѣтилъ народниковъ, которые нерѣдко платились жизнью за ихъ царехульство.

Не забудьте, что и рабочіе избивали агитаторовъ соціалистовъ, относились совершенно отрицательно къ забастовкамъ. Зачинщиковъ и подстрекателей выдавали хозяевамъ, какъ крестьяне—помѣщикамъ. Рабочій тогда зналъ другой способъ борьбы съ нуждой, способъ собаки, втереться въ милость хозяину и, такимъ образомъ, вымогать что-нибудь или даже ничего не добиваясь матеріально, удостаиваться улыбки или хозяйскаго доброрасположенія.

Далеко ли это темное время?

Посмотрите кругомъ себя, какой грозной силой стали рабочіе, это же вы сами, передъ которыми говорю. Какой грозной силой стали крестьяне-солдаты, еще такъ недавно горой и жизнью стоявшіе за царя, разстрѣливавшіе всякаго, кто пошелъ противъ него и кто шелъ къ нимъ принести имъ счастье?!

Видѣли ли вы какъ вспыхивало народное сознаніе и какъ росло и ширилось оно (такъ быстро, такъ гигантски) при революціи; какъ темные призраки, взрощенные вѣками, мигомъ растаяли... исчезли передъ днемъ сознанія... Кто не видѣлъ дивнѣйшаго зрѣлища, какъ народъ тащилъ орловъ, символы хищническаго русскаго самодержавія, въ Фонтанку!

Такъ угнетенные возстаютъ, топятъ кумиры, которымъ вчера молились, сегодня, когда бѣльмо спадаетъ съ ихъ глазъ, когда они сознаютъ, что были обмануты, одурачены, сознаютъ, что эти кумиры, освятили и благословили ихъ угнетеніе.

Товарищи! Идите потому и будите сознаніе угнетенныхъ.

Будьте провозвѣстниками, будьте зарей, зажгите зарю, зажгите солнце!

При свѣтѣ вашей любви, при пламени вашего энтузіазма, загорятся потухшія души, озарятся темные углы—и настанетъ великій всесолнечный день, день угнетенныхъ, день освобожденія.—Помните, что не можетъ быть и рѣчи объ

освобожденіи, когда полъ-человѣчества будетъ жить въ кухнѣ,—не можетъ быть и рѣчи о культурѣ, когда полъ-человѣчества къ нему на причастно.

Идите и къ молодежи; ихъ новыя души воспламенятся и засвѣтятся—и мракъ исчезнетъ на землѣ.

Зажгите этотъ великій факелъ новой жизни.

Эта новая жизнь, не сознаетъ самое себя,—она чуждается васъ; не обратите вниманія, что изъ просонокъ она пучитъ на васъ испуганные глаза, а иногда и грозитъ юными кулаками.

За первое чтеніе Педагогическаго Манифеста она пригласила вашего докладчика въ комиссаріатъ...

Тѣмъ больше должна наша душа возмущаться противъ коверкателей ихъ духа, противъ ихъ душегубцевъ, противъ ихъ поработителей. Тѣмъ больше они достойны сожалѣнія, эти молодыя рабы, воспитанные въ своемъ рабствѣ, и потому не сознающіе его.

Будемъ ли мы сердиться на тѣхъ типовъ, которые намъ рисовалъ Тургеневъ, Толстой, которые со слезами умаливали своихъ господъ, оставить ихъ при себѣ, при раскрѣпощеніи крестьянъ.

Нѣтъ! Мы лучше пошлемъ еще одно болѣе сильное проклятіе на голову угнетателей, изведшихъ угнетенныхъ.

Итакъ, необходимо объединеніе и освобожденіе всѣхъ угнетенныхъ, и рабочаго, и женщины, и молодежи, и угнетенной національности, и личности.

Но вы, товарищи, можетъ возразите: правда, все это вѣрно, все это необходимо, но нужно-ли это въ данный моментъ, когда всѣ силы мобилизованы для данной революціи, для данныхъ революціонныхъ дѣйствій.

На это отвѣтимъ: пусть будетъ вамъ война въ урокъ.

При самыхъ яростныхъ атакахъ, она и не забыла привыла про мобилизацію тыла. Настоящая стратегія и выдвинула на первый планъ значеніе тыла.

Наша революція—уже не говорю о томъ, что она не первая и не послѣдняя еще, какъ намъ кажется—затяжная.

Силы ея и сейчасъ идутъ уже наубыль, уже замѣчается вялость и отходъ, отлынивапіе отъ революціи не только по причинѣ дифференцировки общественныхъ классовъ и группъ, а по одной простой исчерпанности.

Не стыдно ли, что революція такъ легко остановилась, между тѣмъ, какъ бойня продолжается свыше 3-хъ лѣтъ.

Но для продолженія революціи нужны резервы, нужно стянуть и втянуть въ нее свѣжія силы, еще не использованныя. А для этого есть одинъ путь—Союзъ Пяти Угнетенныхъ.

Если впрячь въ дѣло революціи еще 4 двигателя: слабо использованныя сила угнетенныхъ національностей, почти что неиспользованная сила личности и совершенно неиспользованные—использованые лишь для контръ-революціи ударныхъ батальоновъ—женщину и молодежь,—то она опять воспрянетъ духомъ, отразитъ всякіе контръ-революціонные удары, и у нея хватитъ силы вывести насъ на широкій путь соціальной революціи, враги которой слишкомъ многочисленны.

Отъ соціальной революціи отшатывается вся буржуазія, вся мелкая буржуазія, отшатывается всецѣло, даже меньшевики-интернаціоналисты,—виляютъ, отворачиваются и большевики,—очевидно, тутъ нужны новыя грандіозныя революціонныя силы, тутъ нужны новыя колоссальныя двигатели.

Но тутъ мы дошли, договорились до самаго критическаго и трагическаго момента русской революціи.

Ни одна революція въ мірѣ еще не была такъ объективно близка и субъективно далека отъ соціальной революціи, какъ русская революція!

Объяснимъ сказанное.

Вслѣдствіе войны, безработицы, разрухи, голода и пр. назрѣла настолько очевидная внѣшняя необходимость соціальной революціи, что требуется исполинская сила, чтобъ задержать ея наступленіе.

Но что за сила парализуетъ соціальную революцію? Кто она? Эта сила—наука. Она, высшій авторитетъ современнаго общества, утверждаетъ, что соціальная революція невозмож-

на —утопія. И, несмотря на властныя требованія жизни, люди, какъ слѣпые, ходятъ ощупью въ потемкахъ среди бѣла дня необходимости и неизбѣжности соціальной революціи.

Въ науку вѣруютъ всѣ настолько слѣпо, что если она бы имъ сказала, ночью, что сейчасъ день, или днемъ, что это ночь, они безропотно легли бы спать днемъ, и бодрствовали бы ночью...

Вотъ „субъективныя" затрудненія соціальной революціи?

И тутъ первымъ дѣломъ сказывается пагубность воспитанія, научнаго; разъ люди воспитываются въ какой-то вѣрѣ, то ужъ и умрутъ въ ней. Воспитаніе вѣдь не основано на убѣжденіи, а на внушеніи, внушеніе молодому, легко поддающемуся суггестіи. Наука превращается въ догму, противъ которой никакіе факты, никакая жизнь не можетъ устоять.

Намъ властно диктуется необходимость свободнаго воспитанія—и сознаніе, что пока не будетъ уничтожено рабство воспитанія, ни о какомъ бы то ни было освобожденіи угнетенныхъ, вообще, человѣка, и рѣчи быть не можетъ; рабъ въ молодости, рабъ науки, слѣпецъ науки вѣчно будетъ слѣпымъ кротомъ.

Итакъ, необходимо провозгласить лозунгъ: освобожденіе молодежи отъ рабства науки, формулировать, требовать исключенія науки, какъ религіи, изъ школы.

Вотъ первые шаги къ культурной революціи!

И мы должны, далѣе, провозгласить: что никакая соціальная революція невозможна безъ культурной революціи, безъ революціи въ культурѣ, безъ освобожденія отъ принципа эволюціи и всѣхъ прочихъ фантомовъ науки!

И такъ, задача Союза Пяти Угнетенныхъ сѣять ересь, безвѣріе въ науку. Мы должны сказать Угнетенному народу открыто и откровенно.

Не вѣрьте въ науку, она ложна, лжива, оправдываетъ ваши угнетенія и одна изъ причинъ вашего угнетенія.

Мы должны сказать народу грозную правду:

Ученые, профессора и академики такіе же не меньшіе

лгуны, чѣмъ попы, архіереи, и такіе же союзники угнетенія. Задача раскрытія глазъ народу, правда, не изъ легкихъ—но и не особенно трудная въ Россіи, ибо шарлатаны науки еще не успѣли околпачить русскій народъ изъ-за его малограмотности и мало-культурности.

Вотъ такъ, товарищи, сверхъ-культурность, верхи культуры, переросшіе современную ложную, лживую и разбойничью культуру, понявшіе весь вредъ и бредъ, глупость и тупость, невѣжество и медвѣжество науки, и снизкультурность, (низы культуры), не доросшіе до нея, по счастливому случаю уцѣлѣвшіе, подадутъ другъ другу руки и спасутся, спасутъ человѣчество, честь настоящаго и всѣ будущія поколѣнія отъ новой научной глупости (вмѣсто старой религіозной), отъ новаго или обновленнаго невѣжества, предлагаемаго взамѣнъ стараго, устарѣвшаго, и отъ новаго или, вѣрнѣе, обновленнаго варварства.

Итакъ, товарищи! Да здравствуетъ Соціальная и Культурная революція!

Да здравствуетъ Союзъ Пяти Угнетенныхъ!

Да здравствуетъ Пананархія!

Петроградъ, іюль, 1917 г.

АНАРХИЗМЪ и СОВРЕМЕННАЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Товарищи! Всякій разъ, когда собираемся говорить объ анархизмѣ какой-то благовѣйный трепетъ пронизываетъ нашу душу, пріятно, лихорадочно пріятно намъ сознавать, что говоримъ объ этомъ возвышенномъ идеалѣ. Вспоминаются намъ древнія слова библіи: сними обувь съ ногъ твоихъ, ибо мѣсто, на которомъ стоишь, свято.

Вотъ онъ передъ нами — величественный и ласковый. Вотъ онъ пронесся передъ нами ураганомъ возмущенія, вотъ онъ вѣетъ тихимъ зефиромъ кротости. Вотъ онъ оглушаетъ

нас своимъ дикимъ львинымъ ревомъ, вотъ онъ нѣжитъ наше ухо милымъ голубинымъ воркованьемъ.

Великій идеалъ анархизма!

Ты единственная звѣзда въ мракѣ нашей ночи. Ты единственное солнце въ облачномъ нашемъ небѣ. Ты единственная божественная мелодія въ кошачьмъ-собачьемъ концертѣ нашей дѣйствительности.

Анархизмъ и дѣйствительность, Панархія и буржуазный строй—есть ли что нибудь болѣе противоположное?

Вспоминаются слова поэта:

Вода и камень
Ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.

Анархизмъ это всесвобода, всесправедливость, вселюбовь, всекрасота, всеблагоуханіе, всецвѣтистость, всelазурность, всесолнечность, а буржуазная угнетательская дѣйствительсть это всерабство, всетюремность, всецѣпность всепетля, всебезсердечіе, всебезобразіе, всегнусность, всемерзость, всепродажность, всегрязность.

Анархія это Любовь и Надежда, а буржуазная дѣйствительность это Ненависть и Отчаяніе.

Анархія это поцѣлуй и улыбка ребенка, а буржуазная наша дѣйствительность—скрежетъ зубовный и хохотъ сатаны.

Грызутся голодныя собаки изъ-за кости—вотъ символъ буржуазнаго строя.

Собачій строй, собачьи нравы, собачья жизнь, собачій богъ, собачья природа, собачья культура, собачья наука, собачья мораль, собачьи идеалы, собачьи рѣчи, собачій языкъ.

На этомъ собачьемъ языкѣ грызня двухъ собакъ изъ-за кости называется идеаломъ Свободной конкурренціи, Идеаломъ Борьбы за Существованіе. А собачьи Дарвины и Спенсеры находятъ, что она содѣйствуетъ усовершенствованію собачьей природы, изощренію собачьихъ чувствъ.

А вотъ и будка, вотъ и привязь.

Будка сія это твое отечество—говоритъ собачья ку..тура—ее ты долженъ любить и не удаляться отъ нея, .. главное, грызть всякаго и каждаго приближающагося къ н..

Привязь—это Законъ, она привязываетъ тебя къ го..дарству, къ порядку,—говоритъ собачья наука,—ты не рви.. въ подчиненіи ей истинная свобода,—говорятъ собачьи Ка..ты и Гегели,—и напрасно такъ возмущаешься, это не .. государство, тебя привязало, это Незыблемые Законы Пр..роды: сила сцѣпленія веревочныхъ молекулъ слишко.. сильна,—говоритъ собачья природа, собачья наука.

Буржуазная дѣйствительность—собачья дѣйствительност.. Грызутся мелко собственники, грызутся классы, грызут.. народы, грызутся полы, грызутся поколѣнія, грызется общ..ство съ индивидомъ,—грызутся всѣ со всѣми.

Ужасъ и омерзѣніе.

Буржуазная дѣйствительность это изнуреніе рабочих.. Вотъ я вижу ваши изможденныя лица, они говорятъ о непосильномъ трудѣ, молодыя лица съ морщинами! Нѣтъ! эт.. не морщины, это надгробныя надписи надъ буржуазнымъ строемъ.

Вы сухи, черствы, изъ васъ выжали послѣдніе соки, вы завяли, какъ осенніе листья. Нѣтъ! Вы не листья, вы камни, надгробные камни на могилѣ буржуазнаго міра.

Вы загорѣлые, почернѣлые, закоптѣлые. Нѣтъ! Это не копоть, это Черное Знамя—это Смерть угнетательскаго міра

Буржуазная дѣйствительность это вырожденіе, вымираніе женщинъ. Разбойничьему государству нужно пушечное мясо—нарождай ему дѣтей побольше, уйму, хоть сойди преждевременно въ могилу, несчастная женщина! А если буржуазныя женщины полѣниваются: жалко имъ умереть, то этотъ пробѣлъ, недочетъ въ доставкѣ солдатъ должны пополнить пролетарскія женщины.

Раждайте дѣтей, мучьтесь, няньчитесь съ ними, а я ихъ зарѣжу, перебью—говоритъ государство. Главное, варите намъ вкусные обѣды, ибо женщины созданы для удо-

ольствія мужчинъ: удовольствіе въ ѣдѣ и удовольствіе...— говоритъ обыватель.

Угнетательская дѣйствительность это замурованіе женщинъ въ кухнѣ,—въ рабствѣ у горшковъ.

Угнетательская дѣйствительность это истребленіе слабыхъ національностей хищническими народами. Истребленіе и разореніе. Все богатство Англіи награблено въ Индіи. Народы-хищники снаряжаютъ экспедицію для насажденія хищнической культуры, хищническаго христіанства, среди такъ называемыхъ малокультурныхъ народовъ: туземцевъ отправляютъ въ царство небесное, а „христіане“ наслѣдуютъ царство земное. Этотъ разбой называется распространеніемъ европейской „цивилизаціи“ среди „не цивилизованныхъ“.

Буржуазная угнетательская дѣйствительность это травля дѣтей и молодежи,—эти мученики буржуазной старо-поколѣнческой дикости, жестокости и глупости.

Вотъ и смотрятъ на насъ блѣдныя исхудалыя личики дѣтей, потухшіе глаза ихъ какъ-бы вопрошаютъ: зачѣмъ вы губите нашу душу экзаменами, уроками, книжной мертвечиной, предразсудками вашей религіи и химерами вашей науки; зачѣмъ вашъ старый хламъ на нашихъ младыхъ плечахъ; зачѣмъ гнилые ваши отбросы въ свѣжихъ нашихъ душахъ? Дайте намъ жить по-своему и мыслить по-своему!

Буржуазно-угнетательская дѣйствительность это закабаленіе человѣка. Рождается онъ закономъ (законорожденный) и умираетъ закономъ. Злой духъ государства давитъ его кошмаромъ ужъ въ его маленькой колыбелькѣ, заноситъ его въ списокъ своихъ будущихъ солдатъ, и ложится тяжелой плитой надъ его могилой—его жизни. Съ перваго дыханія государство опутываетъ его разными законами, установленіями, распоряженіями, рѣшеніями. Человѣкъ взращивается, выростаетъ, воспитывается жалкимъ трепещущимъ рабомъ, вѣчно слѣдящимъ за движеніемъ кнута и всѣ помыслы котораго сосредоточены на одномъ, какъ бы обмануть этотъ кнутъ?

Буржуазно-угнетательская государственная дѣйствитель-

жизнь это одна тюрьма; всѣ мы заключенные, безсрочные, и всѣ мы въ одно и то же время тюремщики. Сами создаемъ эти тюрьмы для себя, думая, что для другихъ. Сами плетемъ эту плеть для своей спины, воображая, что для чужой. Сами вяжемъ эту петлю для собственной шеи, вѣруя, что для другой.

Вотъ какова, какъ прекрасна и мила, буржуазная дѣйствительность!

Но нѣтъ. Погодите. Вотъ вамъ и вѣнецъ буржуазнаго благоустройства—яхонтовая діадема, украшающая его голову—гора труповъ, череповъ и скелетовъ,—міровая бойня.

Какъ прекрасна разбойничья діадема, башня череповъ, на главѣ исполинскаго разбойника;

Какъ величаво горитъ эта порфира крови на буржуазномъ деспотѣ—буржуазномъ строѣ!

Но все это днемъ, на солнцѣ твоего разума. Ты видишь всю эту панораму, начало и конецъ, ты ее осмышляешь: вѣнецъ уподобаетъ разбойничьей главѣ, глаза разбойничьему вѣнцу.

Но ночью. Темно кругомъ. Алѣетъ лишь кровь. Бушуютъ волны, ревутъ:

Зачѣмъ? за что? про что?

Безсонная ночь. Протягиваются къ тебѣ блѣдныя руки мертвецовъ, утопающихъ въ харкающихъ кровью валахъ, хватаются у тебя за ноги, тащатъ, хватаются за твою шею, давятъ, душатъ,—и выпученные глаза твои вопрошаютъ:

Зачѣмъ?

И получаютъ въ отвѣтъ отъ такихъ же вывороченныхъ зрачковъ:

Зачѣмъ?

А вотъ поле. Луна обезглавлена и окровавлена. Неистово танцуютъ безногіе трупы, скелеты обнимаются и хохочутъ, а глазныя дыры подмигиваютъ тебѣ.

— Ужъ давно ли ты съ ума сошелъ?! Я спрашиваю самого себя.

И вдругъ я падаю ницъ—рыдаю; прячу лицо въ прахъ— мнѣ стыдно:

Какъ это я еще съ ума не сошелъ!

И вправду я еще въ здравомъ умѣ. Вѣдь я еще сознаю, знаю, что наша дѣйствительность кошмаръ; наша дѣйствительность сумасшедшій домъ, а мы всѣ въ смирительныхъ рубашкахъ, называемыхъ „законами".

Ахъ! все это ужъ избито, всѣмъ извѣстно, давно сказано.

Но какъ это ты еще съ ума не сошелъ?!

Развѣ мало изнасиловано женщинъ—это же твои милыя, чистыя сестры!

Развѣ мало перекрашено кровью сѣдины старцевъ—это же твои отцы и дѣды!

Развѣ мало скошено благоухающихъ свѣжихъ цвѣтовъ—это же твои братья!

Но блаженны убіенные, не пережившіе нашего ужаса. Блаженны изнасилованныя и испустившія духъ свой женщины, не опустившіяся до нашего позора—

Жить.

Жить и съ ума не сойти!

Стыдъ, срамъ и позоръ!

И хочется тебѣ порою повѣситься, зарѣзаться,—выколоть себѣ глаза, лишь бы перестала алѣть, мелькая передъ тобою, эта кровь, хочется тебѣ оглохнуть лишь бы перестали звенѣть въ ушахъ твоихъ вздохи умирающихъ...

24.000.000 убитыхъ и раненыхъ.
7.000.000 однихъ убитыхъ.
5.000.000 инвалидовъ.

. . . .

Сжалься, о ты, тиранъ сознанія—и гасни! гасни и окутай меня мракъ, мракъ невѣдѣнія,—тьма небытія.

. . . .

Петроградъ.
Май 1917 г.

Имеются на складе первого Центрального Социотехникума.

МОСКВА: Тверская, 68. Тел. 3-16-69.

Бр. Гордины. Манифест Пананархистов	2 р.	50 к.
Декларация	— „	50 „
Беседы с Анархист. Философ.	2 „	60 „
Почему или как мужик попал в страну Анархии	— „	60 „
Долой Анархию	— „	25 „
Педагогика молодежи или Репродуктина	3 „	— „
П. Кропоткин. Новый Интернационал	— „	10 „
Политические права	— „	10 „
Хлеб и воля	2 „	75 „
Речи Бунтовщика	4 „	— „
Нравственные начала анархизма	— „	70 „
Анархия ее философия ее идеал	— „	60 „
Наши богатства	— „	25 „
Довольство для всех	— „	20 „
Бакунин. Бог и государство	1 „	25 „
Элизе Реклю. Эволюция, революция и идеал анархизма	1 „	— „
Моему брату-крестьянину	— „	20 „
Духовенство церковь и анархизм	— „	30 „
Оргенни. Революция и революционное правительство	— „	20 „
Атабекьян. Против власти	2 „	75 „
Основы земского финансового органа	— „	30 „
Социальные задачи домовых комитетов	— „	50 „
Перелом в Анархическом учении	— „	20 „
Вопросы теории и практики	— „	25 „
Возможна ли соц. Анархическая Революция	— „	15 „
Сандомирский. В неволе	2 р.	75 к.
Анархизм и право захвата	— „	20 „

Русов. Критика Анархизма . . . . — „ —
С. Заяц. Как мужики остались без начальства. — „ 20
И. Мост. Религиозная язва. . . . . — „ 25

ПЕЧАТАЮТСЯ

Братья Гордины:

1) Социомагия и социотехника.
2) Педагогика молодежи. Часть вторая. Репродуктива.
3) Страна „Анархия“. Поэма-утопия.
4) Город „Анархия“ или Воздушный Город или Пантехникум. Утопия.
5) Речи анархиста.
6) Второе пришествие Христа. Драма в 5 актах.
7) Анархія духа или благовест безумия. В 12-ти песнях.
8) Теория познания пананархизма-пантехникализма.
9) Введение в философию.
10) Буржуазный брак. Лиродрама в пяти актах (в стихах).
11) Воспойте анархию (сонеты и песни).
12) Зоопедия (воспитание животных), как биоэнергетика.

Тип. Т-ва Рябушинских. Москва